

Кемеровский государственный университет

И. В. Ашеулова, Г. И. Карпова,
Л. А. Ходанен, В. А. Алексютина

Литература Кузбасса XX – начала XXI века

учебное
пособие

Кемерово
2013

Министерство образования и науки Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Кемеровский государственный университет»

И. В. Ащеулова, Г. И. Карпова, Л. А. Ходанен, В. А. Алексютина

Литература Кузбасса XX – начала XXI века

Учебное пособие

Кемерово 2013

УДК 82(091)(571.17)''19/20''

ББК Ш5(2=Рос)6-3я73

Л64

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
Кемеровского государственного университета*

Рецензенты:

доктор филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета (Красноярск)

К. В. Анисимов,

кафедра культурологии Социально-гуманитарного института Кемеровского государственного университета культуры и искусств, зав. кафедрой, канд. культурологии **А. С. Двуреченская**

Ащеулова, И. В.,

Л 64 Литература Кузбасса XX – начала XXI века: учебное пособие / И. В. Ащеулова, Г. И. Карпова, Л. А. Ходанен, В. А. Алексютина /отв. ред. И. В. Ащеулова; Кемеровский государственный университет. – Кемерово, 2013. – 188 с.

ISBN 978-5-8353-1552-9

Учебное пособие посвящено рассмотрению литературы Кузбасса XX – начала XXI века. Исследуются художественные миры поэтов и прозаиков региональной литературы. Издание предназначено для бакалавров, магистрантов и аспирантов филологических факультетов, преподавателей русской литературы и культурологии.

ISBN 978-5-8353-1552-9

ББК Ш5(2=Рос)6-3я73

© И. В. Ащеулова, Г. И. Карпова, Л. А. Ходанен,
В. А. Алексютина, 2013

© Кемеровский государственный университет, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ. История возникновения Кузбасса литературного и место кузбасской литературы в литературном процессе России второй половины XX – XXI века.....	с. 5
ГЛАВА 1. Кузбасс поэтический. Поэзия Кузбасса второй половины XX – XXI века.....	с. 14
1.1. Творчество В. Д. Федорова (1918-1984).....	с. 14
1.2. Поэзия В. М. Баянова (1934-2011).....	с. 26
1.3. Поэзия М. А. Небогатова (1921-1990).....	с. 31
1.4. Поэзия И. М. Киселева (1933-1981).....	с. 47
1.5. Поэтические поколения Кузбасса в современном литературном процессе.....	с. 57
1.5.1. Очерк творчества Г. Юрова.....	с. 58
1.5.2. Очерк творчества Б. Бурмистрова.....	с. 62
1.5.3. Очерк творчества С. Донбая.....	с. 68
1.5.4. Очерк творчества В. Крёкова.....	с. 71
1.5.5. Очерк творчества А. Каткова.....	с. 72
1.5.6. Очерк творчества А. Ибрагимова.....	с. 77
1.5.7. Очерк творчества Н. Колмогорова.....	с. 79
1.5.8. Очерк творчества Д. Мурзина.....	с. 81
1.5.9. Антология «Русская сибирская поэзия»: опыт прочтения.....	с. 85
1.5.10. Поэтический портрет города Кемерово в кузбасской поэзии.....	с. 97
1.5.11. Размышления о поэзии Кузбасса: образ поэта и поэтического труда в лирике кузбасских поэтов.....	с. 104
1.5.12. Мотив памяти в поэзии кузбасских поэтов.....	с. 109
ГЛАВА 2. Развитие эпических жанров в литературе Кузбасса второй половины XX – XXI века.....	с. 122
2.1. Роман А. Н. Волошина «Земля Кузнецкая» (1949)..	с. 122
2.2. Проза В. М. Мазаева в контексте развития реалистической традиции русской прозы. Жанр повести и рассказа.....	с. 126

2.3. Историко-документальный роман В. А. Чивилихина «Память» в контексте русской исторической прозы 1970-90-х годов.....	с. 134
2.4. Историко-авантюрный роман С. М. Павлова «Кузбасская сага».....	с. 138
2.5. Развитие эпического жанра в современной кузбасской литературе.....	с. 140
ГЛАВА 3. «Женский почерк» в литературе Кузбасса.....	с. 147
3.1. Проза З. Чигаревой (1928-1987).....	с. 147
3.2. Творчество Ю. Лавряшиной как развитие мелодраматического дамского романа.....	с. 150
3.3. Проза и публицистика Л. Скорик.....	с. 160
3.4. Проза Е. Дубро (1947-2007).....	с. 164
3.5. Поэзия Т. Рубцовой (1954-2009).....	с. 169
ГЛАВА 4. Литературные журналы Кузбасса.....	с. 172
4.1. Областной литературный журнал «Огни Кузбасса»..	с. 172
4.2. История журнала «После 12».....	с. 177
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	с. 184

ВВЕДЕНИЕ

История возникновения Кузбасса литературного и место кузбасской литературы в литературном процессе России второй половины XX – XXI века

Изучение литературы Сибири имеет свою историю. Позволим себе цитату из монографии К. В. Анисимова «Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX века: особенности становления и развития региональной литературной традиции». «О возможности сибирской литературы могли сказать еще средневековые сибирские летописи, созданные в XVII в., одну из которых, принадлежащую перу С. У. Ремезова, широко использовал Герхард Фридрих Миллер при написании фундаментальной «Истории Сибири» (1750), а другую – Строгановскую – Н. М. Карамзин, сделавший ее основой своего рассказа о Ермаке в IX т. «Истории государства Российского» (1821). В скором времени вопрос о региональной словесности Сибири приобрел самостоятельное значение. Немецкий критик и писатель Генрих Кениг в своей книге «Литературные картины России» (1837), известной в русском переводе как «Очерки русской литературы», отметив, что «образующаяся... сибирская литература не будет, разумеется, иметь собственного, отличного характера», но будет неотъемлемой частью литературы общероссийской» (1; с. 4). Проблема региональной, областной литературы и культуры была поставлена, но конкретные особенности поэтики данной литературы начали изучаться только в начале XX века. В работах М. К. Азадовского, Н. Чужака-Насимовича в 1920-х годах были проведены интереснейшие и глубочайшие опыты анализа сибирской литературы (2). Затем, уже в 1960-80-е годы к изучению сибирской литературы обратились такие исследователи, как Б. А. Чмыхало, Ю. С. Постнов, Г. Ф. Кунгуров (3), кузбасскую литературу исследовали А. П. Казаркин, А. Ф. Абрамович, В. Блюменфельд (4). Предметом нашего учебного пособия является литература Кузбасса второй половины XX и уже XXI веков, литература достаточно молодая, но имеющая свою традицию.

КУЗНЕЦКИЙ УГОЛЬНЫЙ БАССЕЙН (Кузбасс), большей частью в Кемеровской области. Открыт в 1721 году на берегу реки Томь, на месте современного г. Кемерово. В 1842 году геолог П. А. Чихачев впервые оценил угленосность площади, выделив ее как «Кузнецкий бассейн»; разработка углей начата во второй пол. 19 в., широкое освоение – с 1920-х гг. Площадь 26,7 тыс. кв. км. Балансовые запасы до глубины 600 м 114,3 млрд. т., 120 рабочих пластов; угли в основном каменные, марок от Д до Т. Теплота сгорания на рабочее топливо 22,8 – 29,8 МДж/кг. Добыча открытым и подземным способами. Центры добычи – города Кемерово, Новокузнецк, Ленинск-Кузнецкий, Прокопьевск.¹ Эта справка из энциклопедии дает необходимые краткие сведения о расположении Кузбасса, его экономическом положении, но никак не отражает культурно-литературную ситуацию региона. В то время как Кузбасс богат не только углем и знаменит не только как промышленный регион, но и как пространство, формирующее литературу.

Кемеровское областное отделение Союза писателей возникло в 1962 году по решению секретариата правления Союза писателей РСФСР (постановление «О создании в Кузбассе областной писательской организации» от 28 апреля 1962 года). Появлению организации предшествовал длительный период развития литературного процесса в Кузбассе, во многом соотносимый с индустриальным развитием области. Начальный этап был связан с Кузнецкстроем. Многотиражные газеты первых лет строительства металлургического комбината привлекали начинающих авторов, в отдельных номерах появлялись литературные страницы, где печатались очерки, рассказы, стихи. На Кузнецкстрое в октябре 1930 года была создана своя Ассоциация пролетарских писателей (КузАПП). Силами этого первого объединения был выпущен сборник «Рапорт стране» (1931).

По рекомендации Западно-Сибирской АПП лучшие произведения рабочих-писателей были изданы в сборнике «Дело чести, доблести и геройства» (Новосибирск: СибОГИЗ, 1930). В

---

¹ Большая Российская энциклопедия: в 30 т. М.: Большая Российская энциклопедия, 2010. Т. 16. Электронный ресурс: <http://slovo.ru/index.php>

1930-1931 годах были выпущены сборники «Что вы знаете о Сибири?» и «На лесах Кузнецкстроя», составленные из очерков о Кузнецкстрое, Коксострое, Прокопьевском руднике, авторами которых были рабочие и писатели профессионалы: А. Коптелов, М. Мишле, В. Мрачковский и др. Поддерживал начинающих кузбасских авторов журнал «Сибирские огни», публикуя лучшие произведения рабочих-ударников.

Первый Западно-Сибирский краевой съезд пролетарско-колхозных писателей, собравшийся в марте 1931 г., одобрил появление в отдельных районах Сибири, в том числе и в Кузбассе, новых писателей из рабочих и колхозников, чтобы победить «буржуазно-кулацкую и близкую к ней литературу».

На основе Постановления ЦК ВКПб от 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций» все местные организации РАПП были распущены. Централизующим органом для кузбасских авторов стала Западно-Сибирская краевая писательская организация. Первым профессиональным писателем стал А. Н. Волошин, начинавший свой литературный путь на Кузнецкстрое в многотиражных газетах и журнале «Сибирские огни». Роман «Земля Кузнецкая» (М., 1949; Новосибирск, 1949) был удостоен Сталинской (Государственной) премии СССР II степени (1950) «За развитие темы социалистического строительства на новом сибирском материале». В 1950 году А. Н. Волошин был принят в члены Союза писателей СССР и вошёл в Новосибирскую писательскую организацию.

Поэт Герберт Генке стал ещё одним членом СП СССР, составившим ядро будущей Кемеровской писательской организации. Он был выслан как спецпереселенец в Кузбасс в августе-сентябре 1941 года в период ликвидации Автономной республики немцев Поволжья. Рекомендацию в Союз писателей ему дала Анна Зегерс, немецкая писательница, член КПГ. Г. Генке работал учителем в селе Тамбар, писал, но переводы его стихов долго не появлялись. В 1967 году Кемеровское книжное издательство выпустило поэтический сборник Г. Генке «Праздник мёда» (перевод В. Махалова).

В 1950-х годах в Сталинске (ныне Новокузнецк) жила поэтесса и

драматург Т. Г. Ян, член СП СССР. На сцене драматического театра шли её пьесы «Нафта», «Анютини глазки». В 1962 году в Кемерово переехал поэт Е. С. Буравлёв. После окончания Литературного института им. М. Горького он был в Москве принят в СП СССР (1961). Почти одновременно с ним стал членом СП СССР кузбасский прозаик Геннадий Молоstown, автор романов «Междуречье» и «Их нельзя остановить».

28 апреля 1962 г. секретариат правления СП РСФСР принял постановление о создании в Кузбассе областной писательской организации в составе пяти профессиональных писателей. Возглавил её Е. С. Буравлёв, в течение почти 10 лет (1962-1971) много сделавший для создания первичной писательской организации. За это время в СП были приняты: поэты М. А. Небогатов (1962), В. А. Измайлов (1963), В. Н. Баянов (1965), И. М. Киселёв (1970); прозаики В. С. Рехлов (1960), Г. Л. Немченко (1964), В. М. Мазаев (1966), З. А. Чигарёва (1966), Г. А. Емельянов (1968), В. А. Чугунов (1969). Многие из них получили одобрение и поддержку в своём творчестве на Зональном семинаре молодых литераторов Западной Сибири и Урала, который был организован в г. Кемерово правлением СП РСФСР (июнь 1966). Руководили его работой известные советские писатели: Л. Соболев, В. Фёдоров, М. Соболев, Я. Смеляков, В. Астафьев, В. Казанцев. В творчестве кузбасских писателей середины 1960-х годов нашли отражение процессы бурных экономических преобразований, происходивших в области. Главным героем оставался человек труда. Пришедшие в литературу из редакций газет, радио, непосредственно от производства писатели стремились раскрыть в своих произведениях ту область жизни Кузбасса, Сибири, которая была им близка, в которой они были заняты: В. Мазаев писал о геологах («Конец Лосинового камня», «Грозовая аномалия» и др.), для Г. Немченко («Здравствуй, Галочкин») и Г. Емельянова («Берег правый») такой темой был родной Запсиб, В. Чугунов обратился к жизни шахтёрского города Междуреченска («Локомотив», «Полметра до катастрофы»), В. Рудин использовал впечатления своей многолетней следственной практики («Тропа над пропастью», «Между вчера и завтра»).

Для Г. Юрова ведущей темой творчества стала связь человека с природой, неповторимая красота родной сибирской земли (сборник «Абориген», книга очерков «Труженица Томь»). Яркий след в развитии кузбасской литературы оставили поэты-лирики М. Небогатов, В. Баянов, И. Киселёв, В. Махалов, В. Измайлов, П. Майский, творчество которых близко ведущим течениям советской поэзии 1960-х: «тихой лирике», национально-гражданским мотивам, патриотической теме.

В 1970-х идёт оживлённый рост литературной жизни. По-прежнему значительная группа авторов – журналисты, литсотрудники областных и районных газет: А. Береснев, Г. Естамонов, А. Саулов, А. Срывцев, Л. Скорик, В. Куропатов, З. Чигарёва. С 1970-х годов в областной писательской организации значительно возросла роль литературных студий и объединений, в чём большую роль сыграл В. Мазаев, работавший в 1971-1983 годах ответственным секретарём областной организации писателей. В 1964 году в Кемерове была организована литгруппа Творческого объединения молодёжи (КТОМ), а в октябре 1979 г. – литературная молодёжная творческая студия «Притомье». Ею руководил В. Махалов, затем Г. Естамонов. В декабре 1973 года прошёл первый областной семинар начинающих поэтов, в дальнейшем семинары стали проводиться регулярно, два раза в год в Кемерове или Новокузнецке. При Новокузнецкой городской газете «Кузнецкий рабочий» долгие годы существовала литературная студия, которой руководил поэт А. Пинаев. На КМК, при газете «Металлург, действовало своё литературное объединение, откуда вышел поэт П. Мертвецов (Майский). Из этого оживлённого студийного движения в середине 1970-х в кузбасскую литературу пришло поколение молодых поэтов и прозаиков:

Б. Бурмистров, С. Донбай, В. Зубарев, Л. Гержидович, Е. Дубро, А. Ибрагимов, А. Катков, Н. Колмогоров, В. Коньков, В. Крёков, В. Ковшов, Л. Никонова. Начинаящие литераторы Кузбасса стали участниками Всесоюзных и Зональных семинаров. В их числе: В. Зубарев (IV Всесоюзный семинар, 1976), который по рекомендации семинара был принят в члены Союза писателей; В. Куропатов (VII Всесоюзный семинар-совещание, 1976), тоже

принятый в члены Союза писателей по результатам работы в семинаре; В. Рудин (I Всесоюзный семинар-совещание по научной фантастике и приключенческой литературе, 1976) стал членом Союза писателей в 1982 году.

С 1983 по 1987 год Кемеровскую областную писательскую организацию возглавлял Г. Юров. В этот период к имеющимся формам литературной жизни добавляются «творческие пятницы», на которых проводились встречи творческой интеллигенции г. Кемерово. В конце 1980-х в Кемеровской писательской организации насчитывалось более 30 действующих членов Союза писателей, работало несколько молодёжных литературных студий в Кемерове, Новокузнецке, Ленинске-Кузнецком, регулярно выходил журнал «Огни Кузбасса» – печатный орган областной организации, сложились прочные связи с Кемеровским книжным издательством. Стали проводиться ежегодные собрания членов организации, на которых авторы представляли творческие отчёты, делились планами, получали отзывы о своих опубликованных произведениях.

Период, начавшийся в 1990-е годы, оказался наиболее сложным в истории писательской организации: она лишилась бюджетного финансирования. Литфонд СП РСФСР перестал материально поддерживать писателей, оплачивать творческие командировки, писательские семинары. Кемеровское книжное издательство в связи с новыми экономическими условиями деятельности значительно уменьшило выпуск книг кузбасских писателей и к 1994 году прервало издание областного журнала «Литературный Кузбасс» (смена заглавия произошла в 1989 году). При поддержке областного Совета и администрации Кемеровской области в обстановке социально-экономической неустроенности удалось сохранить писательскую организацию и печатный орган. Альманах «Литературный Кузбасс» (1989-2004), редакцию которого вновь возглавил в 1989 В. Мазаев, был официально зарегистрирован, получил самостоятельный статус и стал издаваться самой писательской организацией. В декабре 1992 года была создана издательская фирма «Ковчежек», одна из задач которой – издание книг членов писательской организации. По решению Малого Совета области от 16 июня 1992 года

писательской организации и её подразделениям предоставлены значительные льготы в налогообложении. Летом 1993 Кемеровская областная писательская организация в соответствии с законодательством приняла на общем собрании новый Устав и прошла перерегистрацию в Департаменте юстиции администрации Кемеровской области как составная часть Союза писателей России. В связи с принятой в новом Уставе Союза писателей России свободой создания творческих объединений и организаций в Кемеровской писательской организации появились две творческие группы – «Кемеровская областная организация писателей России», ядро которой составили прозаики Кемерова, Новокузнецка (Г. Емельянов, В. Мазаев, В. Рудин, Л. Скорик и др.) и «Союз писателей Кузбасса», который образовали кемеровские поэты Н. Колмогоров, И. Куралов, В. Махалов, Г. Юров и др.

В настоящее время в Кемеровском областном отделении Союза писателей России состоит около 80 писателей разных поколений, что отражает общую картину современного русского литературного процесса и формирует литературную картину Кузбасса:

1. Шестидесятники: «живой классик» – В. Мазаев; но и уже ушедшие писатели – В. Баянов, З. Чигарева, В. Ворошилов, В. Махалов, М. Небогатов, И. Киселев остаются в рамках литературного процесса;
2. 1970-80-е: С. Донбай, Л. Гержидович, В. Зубарев, Л. Никонова, А. Ибрагимов, Н. Колмагоров, Б. Бурмистров, Г. Юров, А. Ябров, В. Креков, А. Катков, В. Козлов и др.
3. 1990-е: Ю. Лавряшина, А. Правда.
4. 2000-е: Д. Мурзин, Н. Мурзина, А. Гамзов, А. Иванов, А. Рыжова, М. Брюзгина, А. Дронова.

Писатели разных поколений, разных стилей и художественных установок, написавшие не одну книгу и только одну повесть или рассказ, бок о бок создают литературное поле Кузбасса. Важно и то, что они имеют прямой выход в общероссийский литературный процесс, что расширяет горизонты восприятия кузбасской словесности. Перечислим для примера несколько имен. В центральных книжных издательствах опубликовали свои книги:

Б. Бурмистров «Песочные часы». М., 1995; «Теплое дыхание зимы». М., 2005; «Сквозь сумерки времен». СПб., 2011; С. Донбай «Посредине России». М., 2011. В центральных «толстых» литературных журналах печатались: журнал «Наш современник», период с 1985 по 2009: Г. Юров, И. Киселев, М. Небогатов, В. Баянов, Б. Бурмистров, Н. Мурзина, А. Ибрагимов, Д. Мурзин; журнал «Москва», период с 1995 по 2011: Б. Бурмистров, Д. Мурзин, А. Ибрагимов, С. Донбай, Л. Гержидович, Л. Никонова; журнал «Дети Ра»: Д. Мурзин (2010-11 годы).

Кузбасские писатели становились лауреатами многих литературных премий, чем подтверждали значимость и актуальность кузбасской литературы. Перечислим несколько примеров литературных премий: Всероссийская литературная премия «Белуха» им. Г. Гребенщикова; Всероссийская православная литературная премия им. св. кн. Александра Невского; Всероссийская литературная премия им. Н. Клюева; Всероссийская литературная премия им. Н. Рубцова; Всероссийская литературная премия им. В. Астафьева; Всероссийская литературная премия «Дебют»; литературная премия им. В. Федорова; литературная премия им. Ф. Т. Селянина.

В настоящее время, когда Интернет активно входит в русский литературный процесс, литература Кузбасса не стоит в стороне. Журнал «Огни Кузбасса» имеет свой сайт, писательская организация также активно представлена в сети. Безусловно, статус книги меняется, но книги кемеровских и кузбасских писателей становятся доступны и в сетевом пространстве.

Таким образом, кузбасская литература наряду с другими региональными литературами занимает свою собственную нишу в современном русском литературном процессе, имеет свою историю и читателя и нуждается в изучении, истолковании и понимании. **Цель** изучения поэтики литературы Кузбасса должна заключаться в выявлении ее особых качеств как специфической региональной традиции в рамках русской литературы. Предполагается выделение и изучение как прозы (В. Мазаев, В. Чивилихин, З. Чигарева, С. Павлов), так и поэзии писателей разных поколений (В. Федоров, М. Небогатов, С. Донбай, Б. Бурмистров, Д. Мурзин и др.).

Отдельная глава будет посвящена литературным журналам Кузбасса: «Огни Кузбасса», «После 12». Авторы учебного пособия не претендуют на всеохватность и полноту представленного материала, но надеются, что материал, представленный в пособии, будет интересен как для студентов филологических факультетов (бакалавров и магистров), так и для всех читателей и знатоков региональной литературы.

Литература

1. Анисимов, К. В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX века: особенности становления и развития региональной литературной традиции / К. В. Анисимов. – Томск: Изд-во Томского государственного университета, 2005.
2. См.: Чужак, Н. Сибирские поэты и их творчество. Иркутск, б.г.; Он же. Сибирский мотив в поэзии (от Бальдауфа до наших дней). – Чита, 1922; Азадовский, М. К. Из литературы об областном искусстве (1923) // Азадовский М. К. Сибирские страницы. Статьи, рецензии, письма. – Иркутск, 1988.
3. См.: Постнов, Ю. С. Русская литература Сибири первой половины XIX века. – Новосибирск, 1970; Он же. Литература Сибири как предмет исследования (статья первая) // Из истории литературы Сибири. – Вып.1. – Красноярск, 1976. – С. 3–13; Он же. Литература Сибири как предмет исследования (статья вторая) // Из истории литературы Сибири. – Вып. 2. – Красноярск, 1977. – С. 3–17. Чмыхало, Б. А. Молодая Сибирь: регионализм в истории русской литературы. – Красноярск, 1992.
4. См.: Абрамович, А. Ф. На своей земле. Очерки о творчестве кузбасских писателей. – Кемерово, 1968. Казаркин, А. П. Пульс времени. Этюды о поэтах Кузбасса. – Кемеровское кн. изд-во, 1985. Его же. Где та земля чистая? О природе и литературе Сибири. – Кемеровское кн. изд-во, 1988. Его же. Литературное краеведение в Кузбассе: учебное пособие. – Кемерово, 1993.

ГЛАВА 1.

Кузбасс поэтический.

Поэзия Кузбасса второй половины XX — XXI века

В 1950-1990-е годы вошли в кузбасскую поэзию А. Косарь, М. Небогатов (1952), Е. Буравлёв (1956), В. Махалов (1960), В. Баянов (1963), Г. Юров (1964), А. Береснев (1964), И. Киселёв (1966), П. Майский (1967), С. Донбай (1970), Л. Гержидович (1970), В. Зубарев (1970), Л. Никонова (1974), А. Ибрагимов (1976), И. Полунин (1977), Н. Колмогоров (1977), В. Иванов (1979), В. Крёков (1980), А. Катков (1985), И. Куралов (1985), Б. Бурмистров (1989), Т. Рубцова (1990), В. Соколов (1990), С. Самойленко (1991), Д. Мурзин (1997) и др.

Удалось издать поэтические сборники в центральных издательствах «Советская Россия», «Советский писатель», «Современник»: Е. Буравлёв в 1964, В. Баянов в 1969, И. Полунин и П. Майский в 1979, В. Иванов и В. Махалов в 1982, Н. Колмогоров в 1983 году, М. Небогатов и Л. Никонова в 1988, И. Киселёв в 1989 году.

Некоторые из кузбасских поэтов учились в Литературном институте им. А.М. Горького (Е. Буравлёв, П. Майский, И. Полунин, В. Иванов, Д. Мурзин), на Высших литературных курсах Союза писателей СССР (В. Баянов, Н. Колмогоров), что значительно облегчало издание поэтических сборников в московских изданиях.

Славу Кемеровской поэтической школы составляют поэты-классики, вошедшие в русский советский литературный процесс второй половины XX века (В. Федоров, В. Баянов, М. Небогатов, И. Киселев). Наша задача — познакомить читателей с их творчеством.

1.1. Творчество В. Д. Федорова (1918-1984)

Василий Дмитриевич Федоров родился в трудные для России времена. 1918 год. В Сибири Колчак. В стране – Гражданская война. В семье Федоровых родился девятый ребенок. Сибирь, сибирская тайга вырастили этого удивительного, талантливого человека. Детство и начало юности прошли в Марьевке. Отец умер, когда маленькому Васе было 5 лет. Сыновья вынуждены были стать пастухами. И он рано научился пахать поля, сеять хлеб и убирать урожай... И всем другим сельским наукам. Подросли пионеры и комсомольцы Федоровы, восемь человек в семье стали коммунистами, настоящими, трудолюбивыми, честными. В 1938 году, окончив авиатехникум, В. Фёдоров был направлен на авиационный завод в Иркутске. С 1938 по 1947 год работал на авиационных заводах Сибири в качестве технолога, мастера и старшего мастера. Одновременно писал стихи. В 1939 году в заводской многотиражке Фёдоров напечатал несколько стихотворений и очерков, одно стихотворение в областной комсомольской газете. Затем стихотворения Фёдорова появились в журнале «Сибирские огни». Небольшой цикл стихов вошел в коллективный сборник «Родина», изданный в Новосибирске в 1944 году. В это же время поступил на заочное отделение Литературного института. В 1947 году увидела свет первая книга В. Д. Фёдорова «Лирическая трилогия». Знакомство с Александром Твардовским и положительная оценка последним его поэмы «Марьевская летопись» помогли Фёдорову перевестись с заочного, на очное отделение. В 1950 году Фёдоров окончил Литературный институт им. М. Горького. В 1955 году вышла его вторая книга – «Лесные родники», в том же году – «Марьевские звезды», в 1958 году – «Дикий мед» и «Белая роща». Две книги Василия Фёдорова – «Третьи петухи» (1966 год) и «Седьмое небо» – удостоены Государственной премии РСФСР им. М. Горького 1968 года. Очень трудный путь прошел сельский паренек, но все же талант не спрячешь, к тому же стихи его носили философский характер, он стал поэтом-мыслителем, «голосом эпохи». Библиография сочинений В. Федорова такова: Стихотворения и поэмы: в 2-х т. – М.: Худож. лит., 1970. Избранные стихотворения

/Художник Г. Кравцов. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1972. – 399 с. Наше время такое: о поэзии и поэтах. – М.: Современник, 1973. – 512 с. – (Библиотека «О времени и о себе»). Собрание сочинений: в 3-х томах. – М.: Молодая гвардия, 1975-1976. Женитьба Дон-Жуана: иронич. поэма. В 7-и песнях. – М.: Современник, 1977. – 223 с. По главной сути. – М.: Современник, 1977. – 574 с. Золотая жила: поэма / Худож. Б. Диодоров. – М.: Современник, 1979. – 86 с. (Б-ка «Рос. Поэма»). Как цветы на заре: стихотворения и поэма «Женитьба Дон-Жуана». – М.: Сов. Писатель, 1982. – 239 с. Поэмы. – М.: Худож. лит., 1983. – 447 с. Душа еще полна заботы: Стихотворения, поэмы / Составитель Л. Ф. Федорова; предисловие Ю. Л. Прокушев. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1986. – 271 с. Собрание сочинений: в 5-и т. / под ред. Ю. Л. Прокушева. – М.: Современник, 1987.

Творчество Федорова не раз становилось предметом рефлексии со стороны критики и отечественного литературоведения и при жизни писателя, и после смерти. В 1965 году в журнале «Звезда» критики Л. Ершов и А. Хватов так определили особенность поэзии В. Д. Фёдорова: «В. Фёдоров – поэт напряжённых философских раздумий. Но его мысль никогда не отчуждается от конкретных фактов исторического бытия народа, повседневных нужд страны и человека» (12; с. 208). А. Михайлов писал: «Возражая против прикрепления поэзии Василия Фёдорова к земле, пожалуй, надёжнее всего сослаться на его философскую лирику. Эта сторона творческой личности Фёдорова как-то не попадает в сферу внимания критики. Между тем его лирико-философские стихотворения представляют благодарную тему исследования» (33; с. 235). Известный писатель, ныне преподаватель Литературного института, В. Сорокин так определяет талант Федорова: «Диапазон его голоса богат: от патетической ноты – до еле уловимого шелеста, от громкого восклицания – до тихого раздумья, от грустной муки – до весёлого лукавства» (61; с. 210). «Только выношенность поэтической мысли, её зрелая литая сила могла породить строфы подобные тем, которыми начинается стихотворение «Другу», – одно из самых

глубоких стихотворений в нашей поэзии последних лет: «Дивись тому, / Что ты живёшь». Стихотворение это, являющееся своеобразным гимном человеку, его творческому гению, его дерзанию – ключевое для поэзии Фёдорова. Радостное удивление перед красотой и сложным богатством жизни, ощущение непрерывности её движения, развития, становления соединены в его поэзии с воззрением на жизнь как на поле созидательной деятельности человека. Удивление – мудрое чувство. Давно сказано, что оно лежит в основании познания, и в поэзии Фёдорова жизнь познаётся, а не бездумно воспевается. Сама основная мысль стихотворения «Другу, обращённого к нашему современнику, могла возникнуть только у поэта, чьё сознание выпестовано социалистическим строем, обогатившим прежние представления о духовных и жизненных ценностях, создающего свои собственные идейные ценности. <...> Вера в жизнь, в её творящую силу неотделима в поэзии Фёдорова от веры в людей, в их братство, позволяющее им устоять под суровыми ветрами истории» (62; с. 228-229). Известный критик и литературовед П. Выходцев размышлял о философском характере лирики В. Д. Фёдорова, о настойчивости в поиске ответа на коренной вопрос о смысле человеческой жизни (9; с. 109). Творчество поэта также становилось предметом монографических исследований (3).

Поэзное творчество В. Д. Фёдорова многообразно и интересно. Поэмы поэта входят в широчайший поэзный контекст советской русской литературы второй половины XX века. Назовем лишь несколько имен: А. Твардовский «За далью — даль» (1960), «По праву памяти» (1967-69), Б. Ахмадулина «Сказка о дожде» (1962), Ю. Кузнецов «Золотая гора» (1989), «Дом» (1987), Д. Самойлов «Ближние страны», «Чайная», «Снегопад» (1976), «Цыгановы» (1973-76), «Старый Дон-Жуан» (1978).

Василий Фёдоров в поэмах (лирических и лиро-эпических, 2-й и 3-й тома пятитомника) отразил ключевые события XX века. События 1918 года и гражданской войны в Сибири отражены в поэмах В. Фёдорова 1950-х годов: «Ленинский подарок» (1953) – о медсестре Наде, получившей красные сапожки от вождя пролетариата; «Дуся Ковальчук» (1957) – о руководителе

подпольной группы РСДРП в Новониколаевске, арестованной и убитой польской контрразведкой осенью 1919 года; «Золотая жила» (1957) – о судьбе и любви деда Харитона, погибшего в гражданскую войну под Читой. 1930-1940-е годы – лётный энтузиазм молодёжи, в аэроклубах они учатся летать на По-2, и репрессии – отразились в поэмах «Седьмое небо» (1959-1967), «Женитьба Дон Жуана» (1973-1977). Учитель музыки у Марьяны, возлюбленной двух друзей Василия и Бориса, «какой-то старенький Орфей, Судьбой неласковой заброшенный в лесное царство глухарей». Фёдоровский Жуан провел несколько лет в тюрьме и лагерях. Великая Отечественная война на фронте и в тылу отражена в поэме «Лирическая трилогия» (1943-1945). Образ народа, который жил по принципу: «Всё для фронта, всё для победы». Эпизодический герой поэмы – дед с «библейской бородой», принимает военный самолёт Як, построенный на деньги деревенских пчеловодов, а сам старик за два года войны «трёх сыновей и десять внуков миру отдал». Лирический герой поэмы, строитель Яков, «весь пронизан Страстным током, бегущим не по проводам». Эти токи – «отстоявшейся воли предков», токи отваги, необходимой и на фронте, и в тылу. Трудовые подвиги народа в послевоенной деревне представлены в поэме «За рекою Ключевою» (1952), трудовой героизм Андрея уравнен с подвигом погибшего на войне Сергея Орлова. О трудовом энтузиазме молодёжи на целине поэма «Белая роща» (1956). О трудовом героизме народа в 1930-1940-е годы поэма «Проданная Венера» (1956). В. Д. Фёдоров: «В годы строительства Магнитки и Кузнецкстроя мы вынуждены были продать за рубеж ряд шедевров мировой живописи, среди которых находилась Венера Тициана. Она-то и помогла мне создать образ деревенской красавицы Наташи Граевой, в труднейших испытаниях жизни, в непомерном труде военных лет утратившей свою красоту. Сопоставление двух судеб, столкнувшихся в поэме, красоты вечной и земной, дали мне возможность вывести поэтическую формулу: «За красоту времен грядущих Мы заплатили красотой» (1982).

Герои поэм В. Фёдорова – сильные духом личности: таков Бетховен из одноимённой поэмы (1961), творец доброго искусства, спасающего людские души. Автобиографический герой поэмы

«Седьмое небо» Василий Горин – личность духовно сильная, выдержавшая испытание войной, дружбой, любовью.

Мотив суда в поэме В. Федорова «Седьмое небо».² В 1982 г. в предисловии к книге «Поэмы» Василий Дмитриевич Фёдоров отметил, что «добрую половину всей моей поэтической продукции представляют поэмы» (68; с. 3). К работе над автобиографической поэмой «Седьмое небо» (1959-1967) В. Д. Фёдоров приступил имея опыт создания пятнадцати поэм. Книга «Лирическая трилогия», положившая начало его поэмному творчеству, вышла в Новосибирске в 1947 году. В 1968 году, в год своего 50-летия, В. Д. Фёдоров стал Лауреатом Государственной премии РСФСР им. М. Горького, поэма «Седьмое небо» получила высокую оценку в критике 1960-1970-х годов. По воспоминаниям Б. В. Иванова, который в 1971 году слушал поэму в авторском исполнении, В. Д. Фёдоров сказал слушателям: «Ну, вот и всё. Главную свою работу завершил» (15; с. 155).

Через пятнадцать лет после издания поэмы автор так оценил свою работу: «Седьмое небо» – это произведение о моем поколении с его довоенной романтикой и суровой реальностью войны. Это поэма о годах нашей юности с их взлетами и социальными издержками. Я писал ее в пору, когда новое поколение открыло космическую эру и Гагарин совершил свой первый звездный полет. Известие о его полете совпало со временем работы над четвертой главой с названием «Земля и Вега», в которой мой герой Василий Горин рассказывает о своем фантастическом пребывании на далекой звезде. Реальное событие стало продолжением сна. <...> В «Седьмом небе» мне, на мой взгляд, в какой-то мере удалось реализовать свою давнюю мечту о многоплановой поэме с эпическими героями. Не каждый герой дает возможность рисовать социальную картину мира, а вот Горин, Марьяна и Борис с их сложной любовью даже и не мыслились вне социальных потрясений» (68, с. 6-7).

Поэма «Седьмое небо» состоит из десяти частей: «Вместо

---

² Материалы данного раздела вошли в доклад: Г.И. Карпова «Мотив суда в поэме В. Федорова» // Сюжетно-мотивная динамика художественного текста. Всероссийская научная конференция с международным участием. 14-16 мая 2013 года. Новосибирск. ФГБУН «Институт филологии», СО РАН.

эпиграфа». «Первая высота». «Чужая жизнь». «Лирическое отступление». «Земля и Вега». «Память века». «Москва, Москва...». «Смертная высь». «Крылья на полдень». «Эпилог прощания». Как и в книге «Василий Тёркин» А. Т. Твардовского, каждая глава «романической поэмы» «Седьмое небо» завершена. По мнению известного московского критика И. В. Денисовой, «каждая глава – самостоятельная поэма (а может быть, и поэтическая новелла), вновь подтверждающая, что Василий Фёдоров справедливо считается несравненным мастером современной компактной драматической поэмы» (10; с. 60). Основных глав с эпическими героями семь, что соотносится с заглавием поэмы «Седьмое небо». Глава о Дине названа автором «Лирическим отступлением», так как история о ней, по словам создателя поэмы, «явление частное».

Заглавие поэмы «Седьмое небо» связано с представлением о седьмом небе рая. Небо, по Аристотелю, состоит из семи сфер. Самое высшее – седьмое небо, в средневековых представлениях было обиталищем ангелов у Престола Божия. Выражение «быть на седьмом небе» означает быть безгранично счастливым. Критик журнала «Наш современник» А. Романов так интерпретировал заглавие фёдоровской поэмы: «Седьмое небо – метафора народная. Это предельная высота человеческого духа», «поиски «седьмого неба» есть поиски самого себя, истинного, не кажущегося, обретение своего нравственного сознания и душевного очищения» (58; с. 171).

Как верно подметил В. Панков, в биографическом сюжете поэмы главным оказывается «биография души героя» (55; с. 326). Василий Горин ищет путь к «седьмому небу духовного совершенствования» (55; с. 330). Читатель, вовлечённый в духовные борения героя, осознаёт, что к седьмому небу пробиваются не только на ракетах, его надо достигать окрылённой душой: «Кто хоть однажды / Был крылатым, / Приписан к небу навсегда» (67; с. 128-129).

Значим в поэме «Седьмое небо» мотив испытания Василия Горина дружбой, любовью, трудом: «Земным, но трудным испытанием / Меня испытывал завод. / Огнями, / Громом, / Грозной

силищей, / Усладой, / Мукою труда. / Он был и адом, / И чистилищем, / И даже раем иногда» (67; с. 43). Б. А. Леонов указал на связь мотива испытания героя с мотивом прозрения (29; с. 237). Как заметил В. Панков, Василий Горин «не просто рассказывает о минувшем. Он снова всё въяве переживает. Его занимает не одна своя жизнь, а свое время в движении» (55; с. 342). Мотив прозрения связывает героя и автора. Л. О. Абакарова в кандидатской диссертации «Поэмы Василия Фёдорова» отметила, что автор и герой поэмы «Седьмое небо» – «люди одного поколения, как и Тёркин» (1; с. 19).

Авторский голос в фёдоровской поэме носит предельно обобщающий характер. Например, философские раздумья о русском народе, о духовной миссии России, выигравшей Вторую мировую войну: «Мы небо / На плечах несли, / Чтоб мир / Не одичал во мраке» (67; с. 137). Образ Советской России, её силу и правду В. Д. Фёдоров, по мнению П. С. Выходцева, «видит в силе духа и воли народа, который – всему закон, «всему судья» (8; с. 308). В стихотворении «О, Русь моя!..» из книги «Лицо века» (1960-1961) поэт писал: «Народ, / Извечный, как земля, / Кто б ни играл судьбой, / Все вековые векселя / Оплачены тобой (72; с. 235).

Молодые герои поэмы «Седьмое небо» – Василий Горин, Марьяна, Дина, Борис – представляют судьбу поколения времён политических репрессий и Великой Отечественной войны, сохраняя этический максимализм, душевную чистоту, презрение к компромиссам (уход Дины от Горина). По верному замечанию И. В. Денисовой, герои романтической поэмы и в «тревожный век» не оставляют «упорных поисков Истины – в большом и малом, – в решении общенародных задач и в личном, интимном» (10; с. 75). Поиском путей слияния Истины, Красоты и Добра озабочены автор и герой поэмы «Седьмое небо»: «Любовь! / Горят её костры, / Мудреют люди в добром свете. / Любовь и Правда – / Две сестры, / Идущие через столетья...» (67; с. 42).

Мотив суда в эпическом (историческом) и лирическом (любовном) сюжете поэмы «Седьмое небо», на наш взгляд, является ключевым. Мотив суда в поэме многообразен. Мотив несправедного суда реализован в историческом сюжете поэмы и

связан с темой сталинских политических репрессий: трагические судьбы брата Василия Горина Андрея, учителя музыки Марьяны, авиаконструктора Владимира Петлякова и самого автора-героя поэмы. В лирическом сюжете поэмы «Седьмое небо» мотив суда осложнён мотивом мщения: месть Бориса, Василия, Дины. Суд над Василем Гориным на Веге вводит в поэму тему самосуда героя во сне. Значим для осмысления мотива суда религиозный подтекст поэмы, оппозиция небесного и земного. Духовное становление главного героя поэмы Василия Горина связано с уходом от суда над близкими и осознанием своей греховности. Путь познания мира и процесс самопознания даёт возможность обрести «крылатость» и открывает путь к «седьмому небу».

В первой главе поэмы заявлены тема политических репрессий 1930-х годов. Сторожиха леспромхоза, мать Марьяны, растит девочку одна. Школьный учитель музыки в леспромхозе – «какой-то старенький Орфей, / Судьбой неласковой заброшенный / В лесное царство глухарей. / Учил почти с благодарением / Не самой трудной из судеб. / Он рад был, / Что не дров пилением / Там зарабатывал свой хлеб» (67; с. 9).

В главе «Чужая жизнь» служба на военном заводе в Иркутске усиливает размолвку друзей. Борис, женившись на Марьяне, прощает «воздушного лихача». Но теперь земной суд вершит Василий, обвиняя друга в «грехопадении»: карьеризме, страсти к обогащению, послушании перед начальством: «И, увлекаемый / Презрением, / Горчил я мёд: – / Как почему? / Ты обтекаемый, / Почти как этот самолёт» (67; с. 28).

В главе «Лирическое отступление» начинает звучать суд повзрослевшего Василия Горина над собой: «И сам я в жизни рикошетил / И сеял зло, / Марьяне мстя, / Пока в несчастье не встретил / Ещё несчастнее себя» (67; с. 34). Женидьба на Дине – это месть Марьяне, которая отказалась уйти от Бориса. Любя Василия, она пытается спасти Бориса: «У жизни он чужой в плену... / Кто выведет его из плена?» (67; с. 33). Уход Дины – новое испытание самолюбия Горина. Позднее Дину он простит. Правда, и здесь проявляется гордыня от своей возвышенности, как и в главе «Первый полёт»: «Намучась, / Думал я в гордыне, / Когда наш

самолёт взлетал: / Не так ли и бескрылой Дине / Высокие я крылья дал» (67; с. 49).

Полёт Василия Горина в «стальном ковчеге» на Вегу во сне можно рассматривать как самосуд прозревшего героя, который озабочен судьбой Земли, а не выяснением только личных взаимоотношений: «Всё отошло. / И милую не жаль. / Ни перед кем / Не чувствую вины я. / Обида, / Ненависть, / Тоска, / Печаль – / Понятья исключительно земные» (67; с. 52-53). Испив «звёздное причастье», герой теперь умеет «беседовать без слов». В сновидении, войдя в ирреальный мир, Василий признаёт правоту жриц «звёздного суда». Осознание, что «не из большой любви, / А из соблазна / Любил / Страдал / И тратил жизнь свою» (67; с. 56) ведёт далее героя «Седьмого неба» к покаянию.

Глава «Память века» начинается с темы политических репрессий накануне Великой Отечественной войны, которые коснутся и главного героя поэмы. Суд над братом – несправедлив: «Брат Родину любил. / За это / Врагами был он оклеветан / И на крови тюремных плит / Был именем её убит. / Что из того, что честный воин / Погиб не в тысячном строю! / Он тех же почестей достоин, / Как и погибшие в бою» (67; с. 68).

В открывшихся Сталинских расстрельных списках, на которых стоят личные подписи И. Сталина, В. Молотова, Л. Кагановича, есть фамилия брата В. Д. Фёдорова Андрея Дмитриевича Фёдорова, 1901 г. р., начальника политотдела Урало-Рязанской железной дороги (71; с. 36). Расстрелян 12.09.1938 г. г. Саратов – Рязано-Уральская железная дорога (АП РФ, оп. 24, дело 418, лист 191. – Режим доступа: <http://stalin.memo.ru/names/index.htm>).

В поэме «Седьмое небо» вина брата тенью ложится на Василия Горина. Он испытал отчуждение бывших друзей, «боязливых человечков»: «- Брат негодя нам не брат! / Мне и Борис руки не подал. / Багровей, чем варёный рак, / Скривился: - / Брат врага народа / Потенциально... тоже враг... (67; с. 70).

Горину пришлось пережить клевету Бориса на общем собрании: «Из-за преступного лихачества / Разбил советский самолёт», «И снова / Краской чёрной, / В себя омакивая кисть, / Чужой, / Постыдной и позорной / Изображал мою он жизнь» (67;

с. 72). Мстительность Бориса связана с жаждой самоутверждения. Не предала Василия только Марьяна, крикнувшая Борису: «Ложь! Ложь!». Предложение любимой уехать вместе в родные места Василий отклоняет, но не из гордости, а из опасения за судьбу Марьяны: «О том лишь думал, чтоб она, / Как ни мала моя вина, / Не становилась / К ней причастной» (67; с.78). Этот поступок – новая духовная высота Василия Горина.

Тема политических репрессий продолжится в главе «Москва, Москва...». В конце 1940-го года Василий Горин едет в Москву на демонстрацию нового самолёта — пикирующего бомбардировщика Пе-2. Для автора и героя поэмы «Седьмое небо» примером духовной высоты становится образ выдающегося авиаконструктора Владимира Михайловича Петлякова (1891-1942), оклеветанного и репрессированного в 1937 году, но и в тюрьме (в КБ на Лубянке), работавшего на страну: «Он даже там, / Навету вопреки, / Отращивал стране / Большие крылья» (67; с. 89).

Создатель выдающейся технологичной машины, которую называли «оружием победы», Сталинскую премию 1 степени раздал тем сотрудникам, кто не был награждён. В поэме «Седьмое небо» реальный исторический герой заслуженно поставлен в ряд лучших сынов России — Чкалова, Громова, Гагарина: «Не видевший / Ни звёзд, ни облаков / И страху и безверью / Не подвластный, / Его творил / Лобастый, / Коренастый, / Твой сын, Москва, / Владимир Петляков» (67; с. 88).

Вспоминая встречу в Москве с Диной на новогодней ёлке накануне 1941 года, Горин судит себя за ревность, «порыв зла», заносчивый кураж: «Чужим весельем не пьянея, / Сказал, предавшись куражу: / Я с женщинами не дружу, / Я женщин лишь любить умею... / Так я сказал, / Прощаясь с нею, / Весёлый покидая зал. / Теперь до боли сожалею, / Что так заносчиво сказал. / Теперь иное откровенье, / Иная правда мне видна. / Любовь способна к перемене, / А дружба более верна» (67; с. 95). В главе «Москва, Москва...» неоднократно возникают думы о несправедливо осуждённом брате. В поиске правды Василий идёт в мавзолей к Ленину: «Я шёл к нему / С судьбою братовой, / Который так его любил» (67; с. 101). В финале главы, обращаясь к Москве, которая

творит земной «высший суд», автор призывает: «Известна прежде / Кривостью своей, / Сильна поныне / Жёсткой директивой, / Москва, Москва, / Будь с каждым днём прямой, / Москва, Москва, / Будь с каждым днём / Правдивей» (67; с. 103). Мотив праведного «звёздного суда» в поэме В. Д. Фёдорова «Седьмое небо» противопоставлен несправедливому земному «высшему суду».

Мучительно медленно Василий Горин возрастает духовно, пройдя через примирение с Диной, в главе «Смертная высь» в нём растёт «раскаянье и сожаленье» перед Марьяной (67; с. 109) и, наконец, прощение Бориса, погибшего при авианалёте: «Душа, омытая огнём, / Достояна моего прощенья» (67; с. 120).

В главе «Крылья на полдень» Василий Горин вынужден вместе с комиссаром взорвать Пе-2, чтобы он не достался немцам. Геройский поступок он совершает, уведя немецкий самолёт «Storch» («Аист») на нейтральную территорию. Обстрелянный зенитчиками, сбитый другом на «И-16», чуть не отданный «в распыл» комиссаром, Горин чудом остался в живых, благодаря вмешательству высших сил: «Земную силу и небесную / Я заклинал заклятьем слов: — / Ты пронеси меня над бездною! / Ну, пронеси! — / И пронесло» (67; с. 132). Молитва к небесной силе Творца спасает Василия Горина. Глава завершается странными для советского поэта размышлениями: «Прав и неверующих суд, / Но правдой очень поздней меры, / Которую солдаты веры / Своей борьбою пронесут» (67; с. 136). В. В. Сорокин в интервью 28.12.2011 г. сказал о любимом учителе, когда-то благословившем его на крестный путь поэта у памятника М. Горького: «Он мог быть великим религиозным деятелем по своему мировоззрению, мироощущению» (60).

В эпилоге уже нет темы суда, в финале звучит мотив прощенья: «Марьяна, милая, прости! / Теперь в конце / Вся жизнь видна./ Однажды сказано правдиво: / Любви несчастной нет, / Она, / Какой бы ни была, — / Счастлива» (67; с. 143). Василий Горин прозревает, пройдя путь смирения и покаяния.

Василий Горин поднимается к «седьмому небу», обретая главное, что жить надо с любовью к людям, даже если кажется, что они творят тебе зло. Отказ Марьяны в финале вызывает у героя

только чувство собственной вины перед ней. Финал поэмы — обращение к читателю: «Всё-таки вокруг / Людей крылатых / Стало больше!» В выражении «крылатые люди» можно увидеть платоновский миф о крылатости души.

Образ «высокой любви» главного героя поэмы вписан в христианскую систему координат. Василий Горин не забыл о своей небесной прародине и постоянно устремлён к достижению духовного идеала, «седьмому небу».

1.2. Поэзия В. М. Баянова (1934-2011)

Поэт, прозаик. Родился в деревне Дедюево Топкинского района Кемеровской области. Отец, Михаил Давыдович, работал ветеринаром в колхозе, мама – на ферме. По воспоминаниям Виктора Михайловича, семья их жила на самом краю деревни. Изба с тремя окнами, с крышей из дёрна, едва вмещавшая русскую печь, стол и лавки вдоль стен, была даже по тем временам и меркам неказиста и изношена до предела. Самую действенную и мощную подпитку своей лирики поэт, по собственному признанию, получал именно оттуда – из незабвенного детского далека.

В 1941-м году, когда Виктору было семь лет, отец ушёл на фронт. После Великой Отечественной войны отец устроился на железную дорогу путевым обходчиком. Семья переселилась в путевую казарму, вокруг которой в радиусе пяти километров не было никакого жилья, день и ночь громыхали поезда. Начальную школу Виктор Баянов закончил в родной деревне Дедюево, затем учился в селе Топки. В профессию железнодорожника В. М. Баянов пошёл по стопам отца. После школы будущий писатель два года трудился слесарем в Топкинском депо. За это время окончательно укрепился в мысли, что выбрал близкую душе профессию. В 1951 году Виктор Михайлович окончил железнодорожное училище города Топки ГПТУ-53. После железнодорожного училища служил в армии. Большую часть стажа машиниста тепловоза Виктор Михайлович заработал на химкомбинате в Кемерово, куда переехал

с семьёй в 60-е годы. За работу на железной дороге поэт награждён орденом Дружбы народов и орденом Знак Почёта.

Первый серьёзный литературный опыт В. Баянова был связан с армией. Его армейский товарищ без спроса отправил стихи друга в армейскую газету. Стихи сержанта Виктора Баянова напечатали в газете «Советская армия в Германии». Эта публикация окрылила молодого поэта, служившего в то время в немецком Вюнсдорфе близ Берлина (1956 год). Кузбасские литераторы решили командировать поэта на учёбу в литературный институт им. Горького. Два года (1967-1969), проведённые в Москве, были хорошей школой для формирования поэта и временем незабываемых и интересных встреч. Именно в эти годы он познакомился и много беседовал с поэтами Ваншенкиным, Смеляковым и своим земляком Василием Фёдоровым. Большой след в душе оставила поездка в Константиново Рязанской области на родину поэта Сергея Есенина. Не принимая его цикл стихов «Москва кабацкая», Виктор всегда доверял рязанскому поэту в его крестьянской теме.

В Кемерове и Москве в разные годы у него вышло несколько сборников лирики. Баянов признаётся: «Иногда кажется, что я и не сочинял свои стихи. Будто они скрытно жили рядом сами по себе и однажды сразу открылись мне, чтоб через мою душу какое-то время посветиться на земле простыми, незатейливыми цветками любви и памяти». Первые стихи были опубликованы в 1957 году в газете «Комсомолец Кузбасса». В 1965 г. принят в члены Союза писателей СССР. Заслуженный работник культуры России (1984). Награжден орденами «Знак Почета» (1966), Дружбы народов (1981), медалью «Ветеран труда». В 2004 году Виктор Михайлович награжден высшей наградой Кемеровской области – орденом «Доблесть Кузбасса» – за большой вклад в развитие культуры и в связи с 70-летием со дня рождения. Премии: «Молодость Кузбасса» (1968), им. В. Федорова (1985). В. М. Баянов был бессменным редактором журнала «Огни Кузбасса», немало сил отдал молодым литераторам.

Публикации поэта: Росы. Стихи. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1963. – 57 с. За рекой Талиновой. Стихотворения. – Кемерово: Книжное издательство, 1965. – 55 с.

Моя земля. Стихотворения. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1967. – 92 с. Берёзовый сок. Стихотворения. – М.: Советская Россия, 1969. – 64 с. Томь-река. Лирика. – Москва: Современник, 1972. – 109 с. Лирика. Сборник стихов. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1972. – 232 с. Гость. Стихотворения. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1976. – 112 с. Зазимок. Стихотворения. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1984. – 176 с. Какой земле принадлежим. Стихотворения. – Кемерово: Ковчежек, 1994. – 79 с. Поле: стихи разных лет. – Кемерово: Сибирский писатель, 2000. – 191 с.

Основной темой поэзии В. М. Баянова является тема Родины во всех ее проявлениях. Это сибирская природа от описания малых сибирских речек, деревьев и цветов до образа «моей земли» как символа единого корня, давшего жизнь и воспитавшего не одно поколение сибиряков. Понятие Родины – это и социум: деревенский (малая родина, голодное военное детство, дом как святыня, деревня как образ соборного существования) и городской или, связанный с основной профессией поэта, железнодорожный, путевой (мир бесконечных дорог, поездов, полустанков, пассажиров, встреч и разлук). С восприятием Родины связана и индивидуальная философия поэзии Баянова – осмысление и понимание себя как личности, воспоминания о детстве, о любви, размышления о важности человеческих чувств. Главную тему у Баянова формируют ряд важнейших (программных) для него стихотворений, которые написаны в 1960-е годы и которые включались им в авторские сборники с завидным постоянством. Обратимся к некоторым из них.

Первым в этом ряду может стать стихотворение «За рекой Талиновой, за мельницей...», стихотворение, которое многие ценители поэзии Баянова помнят наизусть. Главная мысль стихотворения – неизменность жизни на любимой родине, неизменность времени и пространства, а, значит, и человека, его жизни. Время не просто не меняется, оно останавливается, «консервируя» и природный мир (за рекой, за мельницей те же холмы, покрытые земляникой, так же в реке много рыбы), и

социальную жизнь (как до войны, так и после), и личную жизнь лирического субъекта:

За рекой талиновой, за мельницей,

Земляникой крашены холмы,

Ничего, казалось, не изменится –

Ни деревья, ни земля, ни мы (4; с. 31).

И предметный мир, и мир людей остался тот же: довоенная, бережёная удочка, и вечные песчари, коротенькая улочка, «девочка в цветастом сарафанчике, / С жаркими веснушками у глаз». Однако настораживает несколько раз повторяющееся слово «казалось», «кажется». Это только кажется, что за годы, пролетевшие с довоенных мирных дней, за послевоенные годы ничего не меняется, «и деревья те же, и земля», но сам человек изменился, постарел, слишком редко бывает на родине, «даже не заглядываю в дом», купил совсем другие удочки и старается не встречаться с женщиной «с первыми морщинками у глаз». Можно предположить, что женщина (девочка в сарафане когда-то) – первая любовь лирического героя, несостоявшаяся любовь или отвергнутая. Годы прошли, жизнь уходит, но женщина может ждать, а герой спешит, торопится обойти ее дом, торопится не встретиться, потому что говорить нечего, потому что все изменилось, все прошло. Так, на антитезе «казалось, ничего не изменилось» – «все прошло», появляется мотив утраты, утраты невозможной. Ничего уже не вернешь, ни ту девчонку в сарафане, ни удочку, ни песчарей, ни юности, ни ощущения вечной длительности времени. Светлая элегическая печаль пронизывает все стихотворение, оставляет чувство грусти. В этой связанности грусти, печали и света, радости от впечатления, воспоминания – весь Баянов. Особенно это заметно в стихотворениях, описывающих детство. «Отойди время, детство не засти-ка...», «Не знаю, в восемь, или в семь ли...», «Мы в детстве смотрели немое кино...», «В двенадцать лет мальчишкам редко...», «Я слушать никогда не уставал», Песнь о хлебе, «Я еще не забыл...». Во всех перечисленных стихотворениях композиционно можно выделить две части: непосредственное воспоминание, случай из детства (кино, покупка отцом пачки бумаги для рисования, рассказы бывалых людей, выпечка хлеба) и

размышления уже взрослого героя о том опыте, что дал ему случай из детства. Например, детское воспоминание о покупке бумаги для рисования:

*Я еще не забыл,
Как однажды в сельмаге
Мой отец мне купил
Стопку белой бумаги (4; с. 23)*

рождает выращенное отцом и другими родными людьми («в доме старшие все / Те рисунки хвалили») чувство любви к окружающему миру, доброту, внимание к малым проявлениям красоты в мире. И взрослый человек, сам ставший отцом, пытается передать это чувство, полученное в детстве, своей дочери: «Сам бумагу теперь / Приношу я дочурке». Так рождается в поэзии Баянова ощущение родства всего человеческого и природного, в речке, в роднике («Родник»), в цветах, растущих вдоль железнодорожного полотна («Я больше живу на колесах»), лирический герой находит красоту и доброту, которые отдает природа, родина.

Еще один пример. В стихотворении «Песнь о хлебе» детским воспоминанием становится выпечка домашнего хлеба:

*Была деревня,
детство,
хата,
Где, нас пугая и дразня,
Среди веселок и ухватов
Пыхтела пышная квашня.
Распахивались окон створки,
И от поджаренных краях
Над всей округою на зорьке
Стоял крепчайший хлебный дух (4; с. 19)*

и утрата заветной горячей горбушки во время войны. Удивление, разочарование, страх и голод ребенка, не получившего хлеба, остается в сознании героя навсегда. Поэтому этот случай из детства закладывает в сознании, душе и поступках героя знание истинной, «не медной» цены хлеба. Пафос стихотворения очевиден:

*И вот живу под небом синим,
Желая только одного, —
Чтобы на свете хлебом сытным
Не обделяли никого (4; с. 20).*

Но, опыт, рожденный детством, отражается на всей жизни человека, формирует дальнейшую судьбу, поэтому доброта по отношению к миру – гуманистический пафос стихотворений о детстве.

Родина – это еще и люди, ее населяющие, поэтому у Баянова так много стихотворений-портретов, стихотворений-судеб, рассказов: «Сучки, как будто бородавки», «Старые плотники», «Матери», «Старому шорцу». Особую категорию людей у Баянова составляют охотники, промысловики, люди тайги. Например, стихотворения «На бедре со спиртом фляжка...», «Бойся, Анна, слушай, Анна...». В первом названном стихотворении рассказ ведется о шорском охотнике Сашке. Он уже в возрасте, многое пережил и изведаль, тайга приносит ему как удачу, так и испытания, несчастья, часто в гневе Сашка клянет ее и желает ей огня, смерти:

*И не раз, изранив тело,
Грузно падая в лога,
Клял он: чтоб она сгорела,
Эта самая тайга* (4; с. 68).

Но эта показная, минутная слабость, тайга – это не только тяжелый труд, с обманными тропами, морозами и гнусом, это жизнь Сашки, которую он ни на что не променяет. В описании поэта проступает характер человека, однажды бросившего вызов стихийной природе, судьбе, и продолжающего сражаться с судьбой, поэтому лирический субъект видит в Сашке и себя самого («Про себя толкует Сашка, / А как будто про меня...») и любого другого человека, живущего, работающего, размышляющего. Так, из природного, социального, человеческого, складывается у В. Баянова художественная картина мира, пронизанная чувством любви к своей земле.

1.3. Поэзия М. А. Небогатова (1921-1990)

Поэт, журналист, книгоиздатель. Родился в городе Гурьевск Кемеровской области. После окончания семилетней школы он работал в Кемерове техником-инвентаризатором. С 1941 по 1943 год воевал на фронтах Великой Отечественной войны. В 1943 году демобилизовался после тяжёлого ранения, награждён орденом Красной Звезды, орденом Отечественной войны I степени,

медалями. Михаил Александрович Небогатов – автор многих поэтических книг. Он был принят в Союз писателей СССР в 1962 г. Михаил Небогатов был необыкновенно творчески активным человеком. Он стоял у истоков Кемеровской писательской организации. Оказывал большую помощь начинающим поэтам области. Многие годы он вёл раздел «Факультет молодого литератора» (Литературная мастерская) на страницах областной газеты «Комсомолец Кузбасса», а в газете «Кузбасс» – литературные консультации. Был редактором Кемеровского книжного издательства. В 1993 г. в г. Кемерово на пр. Советском, д. 31 установлена мемориальная доска поэту М. А. Небогатову. В 2012 г. Центральной городской библиотеке г. Гурьевска по ул. Кирова, д. 3 присвоено имя поэта М. А. Небогатова.

Основные публикации: Солнечные дни: стихи. – Кемерово: Кузбасс, 1952. – 93 с. На берегах Томи: поэма, стихи [ред. И. Балибалов; худож. М. Паньков]. – Кемерово: Кузбасс, 1953. – 131 с. Моим землякам: Стихи и поэмы. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1958. – 244 с. Юным друзьям. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1957. – 48 с. Лирика: Стихи [ред. К. Лисовский; худож. Д. Иванов]. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1961. – 78 с. Родные проселки: Стихи. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1963. – 95 с. Майский снег: стихи [худож. А. Гордеев]. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1966. – 86 с. Свет в окне: Избранные стихи. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1969. – 176 с. Спасибо сентябрю: Стихи. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1972. – 179 с. Земной поклон: Книги лирики. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1976. – 222 с. Лето: Лирика. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1981. – 127 с.

В автобиографии «О себе» (1965) Михаил Александрович Небогатов отметил: «Мой любимый современный поэт – Александр Твардовский. Его считаю своим учителем» (40; с. 84).³ А. Т.

---

³ Материалы о творческой связи М.А. Небогатова и А.Т. Твардовского представлены в виде статьи: Карпова Г.И. М.А. Небогатов и А.Т. Твардовский: к постановке проблемы //Взаимодействия в поле культуры: преемственность, диалог, интертекст, гипертекст. Кемерово: КемГУ, 2012. С. 88-97.

Твардовский родился 8 (21) июня 1910 года на хуторе Загорье (ныне Смоленская область), М. А. Небогатов – 5 октября 1921 года в г. Гурьевске (ныне Кемеровская область). Оба участвовали в Великой Отечественной войне. Возрастная разница двух поэтов незначительна: Твардовский был старше Небогатова на 11 лет. Разница вхождения поэтов в литературный процесс (конец 1920-х годов у Твардовского и конец 1940-х годов у Небогатова) определили «учительскую» позицию одного и позицию читателя-друга и ученика другого. Когда в 1952 году вышел первый поэтический сборник тридцатилетнего кузбасского поэта «Солнечные дни», Твардовский был уже признанным писателем, лауреатом Сталинской премии, известным не только в СССР автором поэм «Страна Муравия» (1936), «Василий Тёркин» (1945), «Дом у дороги» (1946).

С 1947 года стихи М. А. Небогатова достаточно часто публиковались в журнале «Сибирские огни», с 1949 года – в журнале «Сталинский Кузбасс» (с 1955 года «Огни Кузбасса»). В апреле 1950 года М. А. Небогатов вместе с А.В. Косарем и А. Н. Волошиным побывал в Москве на Совещании молодых литераторов Советского Союза. Появилась возможность встретиться с автором «Василия Тёркина». Однако помешала скромность сибиряков.

Об этой упущенной возможности личной встречи с «учителем» М. А. Небогатов напишет в 1974-1976 годах стихотворение, посвящённое памяти А. Т. Твардовского:

*Как-то раз, простой и свойский,
Добрый, видно по всему,
Пётр Иванович Замойский
Дал записку нам к нему.*

*Помню радость, счастье наше,
Той записки лад и склад:
«Дорогой, – в ней было, – Саша!
Посмотри стихи ребят.*

*Оба парня – из Сибири.
Мне понравились они...*

*Может, что-то в «Новом мире»
Напечатаешь? Взгляни».*
Голова ходила кругом.
Путь к Твардовскому манил.
Но...кому-то был он другом,
А для нас – великим был... (49; с.106).

С 1949 по 1960-й год М. А. Небогатов переписывался с А. Т. Твардовским. М. И. Твардовская отмечает Небогатова среди поэтов, за судьбой которых автор «Василия Тёркина» следил на протяжении нескольких лет. Опубликовано четыре письма А. Т. Твардовского М. А. Небогатову: от 30 сентября 1955, 28 июля и 25 сентября 1958, 19 августа 1960 года. Все они, по словам М. И. Твардовской, «решали задачу вполне конкретную, консультативную» (63; с. 460-461).

Одно из писем М. А. Небогатова Твардовскому – читательский отклик на подборку стихов знаменитого поэта в журнале «Огонёк» за 1955 г. № 43. В письме к «учителю» сибирский поэт отправил подборку собственной лирики, а в 1958 году – свой третий поэтический сборник «Моим землякам», куда были включены стихотворения с упоминанием Твардовского и его прославленного литературного героя.

В стихотворении «На улице героя» дважды герой Советского Союза Афанасий Шилин назван «кузбасским Тёркиным»:

*О войне написано немало,
Лишь одно добавит я могу.*
*Сибиряк, простой и скромный малый,
Был грозой, страшен был врагу!*
*Был грозой – в потёртой гимнастёрке,
В сапогах растоптанных своих –
Русский парень, наш кузбасский Тёркин,
Рядовой из тысяч рядовых (38; с. 23).*

Ранее в стихотворении «Мои друзья», опубликованном в сборнике М. А. Небогатова «Солнечные дни» (1952), в ряд любимых литературных героев из произведений А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, М. А. Шолохова поставлен и герой А. Т. Твардовского:

...Блиндаж. Клубится дым махорки.
*И как на фронте повелось,
Любимец наш Василий Тёркин*

Опять солдат смешит до слёз (36; с. 81).

В портретной лирике А. Т. Твардовского и М. А. Небогатова представлены сходные типы литературных героев. Все они – выходцы из простонародной среды, люди труда.

Поэт из «провинции по имени Кузбасс» упорству в творческой работе учился у Твардовского. Этому посвящено стихотворение «Что-то нехотя и вяло» в сборнике «Моим землякам» (1958).

В 1955 году А. Т. Твардовский дал положительную оценку стихам: «Приведённые в письме стихи недурны, но я не могу о них распространяться, поскольку там и моя личность произведена в ранг «великих», что, конечно, Вы сделали по доброте, молодости и сгоряча. С Вашими другими стихами готов ознакомиться, прошу прислать. Ваш А. Твардовский» (63; с. 54). Отзыв о книге «Моим землякам» в письме от 28 июля 1958 года содержит наряду с доброжелательной оценкой и критические замечания и советы: «Книжка производит очень симпатичное впечатление, хотя много в ней лишнего, пустякового и малоинтересного – вроде Ваших «пародий» или стихов, написанных явно «ко дню» (63; с. 80).

Редактор «Нового мира» рассматривал даже возможность дать рецензию на книгу кузбасского поэта в столичном журнале, сделав при этом важное замечание: «Но писать мне самому не только некогда, но отчасти и неудобно: может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что следы усердного чтения Твардовского на ней (книжке) заметны» (63; с. 80). Позднее М. А. Небогатов осознал, что Твардовский-редактор считал излишним публикацию в «Новом мире» стихов поэта своей школы.

В письме от 25 сентября 1958 года прославленный советский поэт отметил, что М. А. Небогатов в лирике «обрёл уверенность в форме, естественность выражения»: «Новые Ваши стихи по словесной и ритмической структуре почти безупречны» (64; с. 137-138). Критикуя своего последователя в «очень уж скромном» «объёме содержания» стихотворений, А. Т. Твардовский пояснил, что для столичного журнала надо «собрать запас повесомее». Сам Твардовский в это время работал над поэмой «Тёркин на том свете» (1954-1963).

12 января 1960 года М. А. Небогатов неожиданно получил из Москвы от литфонда денежный перевод на 1000 рублей, не будучи принят в Союз советских писателей (44; с. 41). Позднее ему сообщили, что о помощи ходатайствовал перед Правлением 29 декабря 1959 года сам Твардовский. В статье «О родине большой и малой» (1958) выходец из Смоленска указал на то, что «в творениях подлинных художников – и больших и более скромных по своему значению – мы безошибочно распознаём приметы их малой родины» (65; с. 26). Творчество М. А. Небогатова А. Т. Твардовский ставил в ряд поэтов, которые, воспевая родные места, «утвердили в нашем читательском представлении особый облик этих мест и краёв, цвета и запахи их лесов и полей, их весны и зимы, жары и метели, отголоски их исторических судеб, отзвуки их песен...» (65; с. 26).

В письме от 19 августа 1960 года А. Т. Твардовский негативно оценил неопубликованную поэму М. А. Небогатова о журналистах, написанную «онегинской строфой»: «Использование такой исключительно индивидуальной с исчерпывающей полнотой прозвучавшей в классическом произведении неповторимой формы, как онегинская строфа, – дело безнадёжное. <...> Как бы Вы не исхитрились, всё равно поэма Ваша звучит пародийно, и тем самым «серьёзное» её содержание погашается. Советую Вам воздержаться от опубликования её в печати, если даже будет такая возможность. Не огорчайтесь, бывает» (64; с. 144). Об уроках Твардовского М. А. Небогатов написал в 1976 году небольшую критическую статью, в которой привёл некоторые письма «учителя» (46).

Уроки Твардовского не прошли даром. Сборники М. А. Небогатова 1960-1970-х годов «Лирика» (1961), «Родные просёлки» (1963), «Майский снег» (1966), «Свет в окне» (1969), «Спасибо сентябрю» (1972), «Земной поклон» (1976) получили высокую оценку в сибирской критике 1960-1980-х годов (А. Абрамович, Н. Карлагин, А. Микешин, А. Казаркин и др.) (2; 18; 21; 32).

В творчестве М. А. Небогатова 1960-1970-х годов уже нет внешне различимых следов влияния поэзии А. Т. Твардовского, поэт обрёл творческую самостоятельность.

В 1962 году М. А. Небогатов стал членом Союза писателей СССР. С 1963 года профессиональный поэт сам давал литературные консультации молодым кузбасским поэтам на страницах областной молодёжной газеты «Комсомолец Кузбасса». С 1969 по 1986 год М. А. Небогатов бессменно вёл в газете рубрику «Факультет молодого литератора», а с 1986 по 1990 гг. – «Литературную мастерскую», продолжая в масштабах Кузнецкого края дело А. Т. Твардовского.

Публикации М. А. Небогатова в столичных журналах автор «Василия Тёркина» уже не увидел, не считая сатирических стихов в четырнадцатом номере журнала «Крокодил» за 1966 год. В 1974 году, уже после смерти А. Т. Твардовского (1910-1971), в девятом номере журнала «Огонёк» была опубликована военная лирика М. А. Небогатова, а в 1986 году в шестом и одиннадцатом номерах «Нашего современника» пейзажная и патриотическая лирика, отмеченная премией журнала. Известно, что редактор журнала С. В. Викулов, представляя подборку членам редколлегии журнала, прочитал два стихотворения М. А. Небогатова «О России» и «Русский поклон», высоко их оценив.

В 1990-м году вдова поэта М. И. Небогатова получила от С. В. Викулова письмо с высокой оценкой творчества М. А. Небогатова: «...Да, мы с Михаилом Александровичем так и не познакомились, но я с удовлетворением думаю сейчас о том, что в огромном потоке стихов, поступавших в «Наш современник» я разглядел-таки настоящее дарование и представил его русскому читателю, в первую очередь русскому, ибо он был русским поэтом» (52; с. 135).

В дневниковой записи от 10 декабря 1959 года М. А. Небогатов отметил: «Духовная жизнь – вот в чём суть всякой творческой личности» (44; с. 109). Интересны ответы поэта на вопросы анкеты, сохранившиеся в дневниках поэта: «Ваша любимая добродетель? Искренность, сердечность», «Отличительная черта вашего характера? Противная самому себе кротость» (45). Лирическое «я» поэта из Кузбасса – духовно сильная личность. Истоки её таятся в глубинах русского национального характера – сквозной темы в поэзии

М. А. Небогатова:

Я люблю, как всякий русский:

Если лето, так уж зной,

Если снег, так чистый, хрусткий,

Если дождь, так проливной.

Вечер, день ли на примете,

Вьюги шорох, листьев медь –

Всё должно на этом свете

Лишь своё лицо иметь (42; с. 104).

Одной из первых рецензий на книгу «Моим землякам» (1958) была статья В. М. Блюменфельда в альманахе «Огни Кузбасса» за 1959 год «Заметки о языке и стиле». Называя М. А. Небогатова «поэтом несомненного дарования», учёный так определил его своеобразие: «Родство с миром «родного края» – а через него просвечивает и большой мир советской страны в целом – источник поэзии Небогатова» (5; с. 95).

Поэт из Новосибирска Иван Ветлугин, критикуя в 1960 году М. А. Небогатова за то, что в сборник «Моим землякам» включено много «безличных, пустых и ученических стихов», выделил девять лучших стихотворений сборника и на первое место поставил стихотворение «Русский поклон», которое стало своеобразной визитной карточкой кузбасского поэта (7; с. 185).

Примечательно, что в мае 2011 года в Москве, в год 90-летия со дня рождения М. А. Небогатова, профессор Московской Духовной Академии А. И. Осипов в публичной лекции «Нравственность и власть» прочитал стихотворение «Русский поклон» и дал следующую интерпретацию этого стихотворения: «Вот она красота души человеческой, вот она, если хотите, та духовность, вот та основа, на которой жил наш народ и созидал. Какая красота души человеческой показана здесь!» (53).

Способность русского человека жить по высокой нравственной норме показана М. А. Небогатовым в стихотворениях о Великой Отечественной войне, участником которой с 1941 по 1943 год был молодой поэт. Стихотворение «Фронтальная дружба» (1969) о взаимовыручке лётчиков в воздушном бою поэт завершает обращением к современникам:

*Как не хватает нам порой,
Когда у зла мы под обстрелом,
Великой дружбы фронтовой,
Не словом выверенной –
Делом!* (41; с. 117)

В сборник «Родные просёлки» (1963) входит стихотворение, которое можно рассматривать как поэтический портрет сибиряка и автопортрет:

*Метёт коварная метелица.
В сугробах белая земля.
К ногам позёмка льстиво стелется,
Юлит, униженно скуля.*

*Ненужной кажется, безрадостной
Позёмки хитрой суета.
Мне люб мороз сорокоградусный –
В нём сила, смелость, прямота!* (39; с.64)

В 1963 году А. М. Микешин в статье «Поэзия края молодости» так определил суть поэзии М. А. Небогатова: «М. А. Небогатов – поэт своеобразного песенно-лирического дарования, влюблённый в родные края и кровно сроднившийся с ними. Его муза имеет ярко выраженную кузбасскую прописку. Поэтические зарисовки сибирской природы, образы земляков – людей труда, жителей кузбасских сёл и городов, размышления о назначении поэзии – всё это раскрывается М. Небогатовым преимущественно в русле народно-поэтической речи, немного бесхитростной, несколько простонародной и напевной» (32; с. 3).

В сборнике «Свет в окне» (1969) М. А. Небогатов в стихотворении «О простоте» (1966) обоснует свою приверженность к традиционной поэтике, защищая тем самым свою поэзию и поэзию своего «учителя» А. Т. Твардовского:

*Обидно мне за простоту.
Иной в презрении ретивом
Её обходит за версту
И называет примитивом.
За сложность ратует такой,
В неё лишь верит непреложно,
Не зная истины простой, –
Что эта сложность часто ложна.*

Завершается стихотворение размышлением о том, что за внешней простотой, скрывается духовное величие и сила:

*Увы, у многих нет родства,
Нет дружбы с простотой природной,
Не стой, что хуже воровства,
А с той высокой, благородной.
О, простота! Я с нею рос.
Союз наш крепок и надёжен.
Она – как скромный свет берёз
И вместе с тем – как блеск из ножен (41; с. 154).*

Родство душ двух русских поэтов XX века М. А. Небогатова и А. Т. Твардовского определяла любовь к Родине, русскому народу, родному слову:

*Помню первый свой в жизни стишок:
«Всюду зелени чуткое море».
Помню, как он волненьем обжѐг
В летнем сине-зелёном просторе.*

*Я, мальчишка – на горке, в лесу,
А внизу – городьба, огороды...
Так вот – с детства – в себе и несу
Чувство родины, чувство природы (43; с. 91).*

Оба поэта продолжали традиции русской патриотической лирики. Однако поэзия А. Т. Твардовского была более публицистичной, с ярко выраженной позицией поэта-гражданина. Поэзия

М. А. Небогатова более лирична, с «теплотой сердечного патриотизма». В лирике М. А. Небогатова, по точному определению Н. Карлагина, есть «образ тихой радости – как сквозное окно в его поэзии, стихийная и вместе с тем обладающая глубоким нравственным дыханием сила» (21; с. 66).

Преемственность от А. Твардовского вела М. Небогатова к С. Есенину, И. Бунину, А. Кольцову, Н. Некрасову. Стихи поэтов XIX века М. А. Небогатов с детства слышал от матери. Клавдия Степановна Небогатова привила своему тринадцатому ребёнку любовь к поэзии, научила «хорошо чувствовать живое поэтическое слово» (40; с. 82).

В дневниковых записях М. А. Небогатов привёл оценку своего творчества, данную известным журналистом, редактором его первого сборника П. И. Бекшанским (1902-1982): «... после смерти Твардовского остался у нас не подражатель, а самобытный продолжатель его поэзии – Михаил Небогатов» (44; с. 210). Литературные связи А. Твардовского и М. Небогатова очевидны: общие творческие темы, сходные эстетические и духовно-нравственные оценки. Поэзия А. Т. Твардовского и М. А. Небогатова запечатлела глубинные свойства русской души и несокрушимого русского духа.

О стихотворении «Русский поклон».⁴ Стихотворение Михаила Александровича Небогатова «Русский поклон» впервые было опубликовано в сборнике «Моим землякам» (1958). В сборнике «Лирика» (1961) представлена вторая текстовая редакция. Поэт изменил некоторые строки в третьей и четвёртой строфе:
И до чего ж я удивился (1957)   *И удивился я, не скрою (1961)*

*Наверно, просто обознался,   «Наверно, принял за начальство
Небось, в подтиши слегка (1957).   Или в подтиши слегка»... (1961).*

Две финальные строфы были подвергнуты М. А. Небогатовым кардинальной переработке. Назидательный финал первой редакции стихотворения «Русский поклон» (поклон как форма вежливости) сменился философским обобщением о сути характера русского народа, воспитанного тысячелетней православной культурой (поклон как отсутствие гордыни):

*Но нечем было мне гордиться.   Запомнив их простые лица,
Я шёл и сам себя стыдил: Я шёл и сам себя стыдил:
«Не ты ли первым поклониться   «Не ты ли первым поклониться
Обоим им обязан был?...»   Обоим им обязан был?»*

*Подчас не бросит даже взгляда   Тут не приличие, не мода,
Тот, кто с тобой знакомство вёл.   А чуткость вместе с добротой
Да. Всем, пожалуй, знать бы надо   Душа российского народа,
Обычай старых русских сёл (1957)   Его характер золотой (1961).*

⁴ Материалы данного раздела вошли в доклад Карповой Г. И., прочитанный на научно-практической конференции «Литература Кузбасса и её роль в гуманитарном воспитании и образовании молодёжи» 29.03.2012 г. – Электронный ресурс: <http://www.kemrsl.ru/catalog/1135.html>

Больше над финалом поэт не работал. В дневниковой записи от 11 октября 1973 года отметив, что концовки стихотворений «смолоду» ему удавались, М. А. Небогатов обозначил своё поэтическое кредо: «Мой принцип: заключительные строки должны быть ударными, самыми крепкими во всех отношениях – и технически, и поэтически, по образности, по чувству и настроению. Пока с этим всё в порядке» (44).

О корневой своей связи со стариками, сохранившими дух есенинской Святой Руси – «Родины кроткой» – поэт не раз будет говорить в стихах. Своеобразную переключку с «Русским поклоном» можно увидеть в стихотворении «Благодарю тебя» (1976), явно обращение к Богу-Творцу:

*Тебя за то благодарю,
Что полон мир большим значеньем,
Что я навстречу январю
Иду с весенним оиуценьем.*

*За то, что доброе творю,
Что не знаком я с чёрной злобой,
Что не кичусь своей особой,
Благодарю, благодарю.*

Автор газетной рецензии на книгу М. А. Небогатова «На берегах Томи» (1953) А. Павловский, отметив «искренность, задушевность» лучших стихов сборника, назвал позицию автора «умилённо-созерцательной, сентиментальной» (54).

Одной из первых рецензий на книгу «Моим землякам» (1958) была статья В. Блюменфельда в альманахе «Огни Кузбасса» за 1959 год «Заметки о языке и стиле». Называя М. А. Небогатова «поэтом несомненного дарования», кузбасский учёный так определил своеобразие его художественной картины: «Родство с миром «родного края» – а через него просвечивает и большой мир советской страны в целом – источник поэзии Небогатова» (5; с. 95).

Исследователь кузбасской литературы А. Ф. Абрамович в конце 1960-х годов сделал ценные наблюдения о функции пейзажа в лирике М. А. Небогатова: «Пейзаж Небогатова всегда

одухотворён. Поэт никогда не забывает о своём замысле – показать человека, наделённого ощущением, пониманием прекрасного. <...> Иногда пейзаж выступает как прямая параллель к переживаниям героя, он помогает вернее и глубже, чем прямое изображение, понять их» (2; с. 139).

В стихотворении «Русский поклон» образ «садов в черёмушном дыму» ассоциативно сопоставлен со светлыми душами стариков, цветущими в человеческом саду. «Время золотое» (пора весеннего цветенья) соотносится с «золотым характером» народа.

«Русский поклон» поэт включил в сборники «Свет в окне» (1969), «Спасибо сентябрю» (1972), «Земной поклон» (1976), «Перепёлка» (1988), «Вечерни огни» (1989). Публикация стихотворения в коллективном сборнике «День поэзии» (Кемерово, 1964) идёт без разбивки на строфы. В сборнике «Свет в окне» (1969) М. Небогатов ставит дату – 1957 год. В этом варианте «Русского поклона» образ старика приобретает степенность и значительность:

*И удивился я, не скрою,
Когда степенный встречный дед
Вдруг снял картуз передо мною,
Как мой знакомец с давних лет.*

В московском сборнике «Перепёлка» (1988) изменена строка в пятой строфе: «И вот опять – поклон земной» вместо «И вновь – почтительный поклон». Можно предположить, что изменение является редакторской правкой В. Н. Рахманова, поэта и книгоиздателя. В сборнике «Вечерние огни» (1989) прежний вариант строки «И вновь – почтительный поклон» автором восстановлен.

Среди вариантов строк можно отметить 16-ю: «Живи и здравствуй, в мир влюблён» (1958, 1961, 1969, 1972, 1976, 1989) и «Живи и здравствуй, мой родной» (1988, 1991). Над книгой «Времени река» (1991) поэт работал ещё сам, хотя книгу не увидел. Можно предположить, что вариант строки из московского сборника «Перепёлка» (1988), не учтённый в сборнике «Вечерние огни»

(1989), М. А. Небогатов утвердил в сборнике «Времени река». Среди вариативных строк можно назвать 21-ю: «Я шёл и сам себя стыдил» (1958, 1961, 1969, 1972, 1976) и «А после – сам себя стыдил» (1988, 1989, 1991). Вариант строки, появившийся в московском сборнике, был автором оставлен в последнем прижизненном сборнике.

Стихотворение «Русский поклон» стало визитной карточкой поэта. Его включили в сборник «День поэзии» (1964), сборники кузбасской поэзии (1979, 1998), хрестоматию кузбасских писателей (2007), «Антологию сибирской поэзии» (2008). «Русский поклон» М. А. Небогатов включил в подборку стихотворений, которая была опубликована в журнале «Наш современник» за 1986 год № 11 и отмечена премией журнала. Известно, что редактор журнала С. В. Викулов, представляя подборку членам редколлегии журнала, прочитал два первых стихотворения «О России» и «Русский поклон», высоко их оценив. Стихотворение «О России» с заглавием «Россия» было впервые опубликовано в сборнике «Свет в окне» (1969). Оно состояло из четырёх строф. В журнальной подборке «Нашего современника» были убраны последние строфы, стихотворение стало называться «О России», с таким заглавием вошло и в московский сборник «Перепёлка» (1988):

Откуда начинается Россия?

Одни поэты пишут: от села,

От дедовской околицы.

Другие:

От заводской заставы, мол, пошла.

Не знаю я, найду ль единовеца,

Но верю в убеждение своё:

Россия начинается

От сердца,

С рождения влюблённого в неё.

Интерес представляет контекст, в котором оказывалось стихотворение «Русский поклон» в сборниках М. А. Небогатова 1958-1989 годов. В сборнике «Моим землякам» (1958) стихотворение «Русский поклон» окружают стихотворения: «Перед экзаменом» (поклон учителю) и «Мать» (поклон матерям). В

сборнике «Лирика» (1961) контекстообразующим мотивом станет поклон человеку труда: «Кузнец», «Русский поклон», «Путешествия» (о шофёре). В сборнике «Свет в окне» (1969) – поклон солдатам-фронтовикам: «Годы, годы. Ах, как они мчатся...», «Русский поклон», «Старый солдат». В последнем прижизненном сборнике М. А. Небогатова «Вечерние огни» (1989) контекстуальным философским мотивом станет «а у величья скромное обличье...»: стихотворение «Насильно замуж выдали её...», «Русский поклон», «Нет ничего безликого на свете...». Предваряющее «Русский поклон» стихотворение – о стариках, муже и жене, принятии ими своей судьбы, прощение стариком жены, в молодости любившей другого человека. Образы старика и старухи, их внутреннее величие дорисовываются в «Русском поклоне» и завершаются философскими умозаключениями последующего стихотворения:

*А у величья – скромное обличье:
На нём морщины чёрного труда.
И поучать не станет нас величие,
Лишь дать совет решиться иногда.*

Исследователь кузбасской литературы 1970-1980-х годов А. П. Казаркин в статье «Величье Сибири» (1985) верно определил суть поэта М. А. Небогатова: «Поэт, сложившийся в конце пятидесятых, всем литературным формам предпочитает одну – лирический эскиз, зарисовку с натуры. Миниатюра эта схватывает сиюминутное состояние, но за ним – ощущение лет, текучести бытия. Главным и наиболее ценным в этой лирике мне видится неподдельное чувство красоты, священнодействия жизни» (18; с. 79).

Критик Николай Карлагин точно подметил особенность поэтического мира М. А. Небогатова: «В поэзии Небогатова присутствует особая красота – красота ненарядности. Его поэтическое зрение обращено, прежде всего, на эту неприметную красоту, мимо которой проходишь каждый день, не замечая её. Чувствовать рядом присутствие необычного, собирать по крупицам непрехотливую радость, рассыпанную родной природой – редкое свойство поэта и человека, и невольно хочется повторить про себя

вслед за ним: «Как мало надо сердцу человека, Чтоб многое на свете полюбить» (21; с. 67).

В автобиографии «О себе» (1965), опубликованной в сборнике «Майский снег» (1966), М. А. Небогатов записал: «Мой любимый современный поэт – Александр Твардовский. Его считаю своим учителем» (40; с. 84). Родство душ двух русских поэтов определяла любовь к Родине, русскому народу, народному слову. М. А. Небогатов был 13-м ребёнком в семье. Любовь к поэзии привила мать, Клавдия Степановна. Малограмотная женщина, по признанию младшего сына-поэта, «обладала незаурядным умом, хорошо чувствовала живое поэтическое слово, знала наизусть много стихов (особенно Некрасова и Кольцова). Её речь была насыщена пословицами и поговорками...» (40; с. 82-83). А. Т. Твардовскому М. А. Небогатов посвятил стихотворение, включив его в сборник «Земной поклон» (1976) и статью «Уроки Твардовского» (1976).

Будучи скромным человеком, М. А. Небогатов тем не менее сознавал, что поэзия в Кузбассе началась с него. До него вышел поэтический сборник «Углеград» (1947) журналиста и поэта Алексея Косаря, покровителя молодого Небогатова, однако он не стал профессиональным поэтом. Подтверждение этому мы нашли в статье А. Мазюкова «Развитие книгоиздательского дела в Кузбассе» (1959). А. Мазюков пишет: «В местном издательстве за время его существования вышли отдельными выпусками произведения ряда местных авторов. Изданы, например, сборники стихов одного из популярных поэтов Кузбасса Михаила Небогатова «Солнечные дни», «На берегах Томи», «Моим землякам», сборники стихов А. Косаря – «Углеград», «Родной Кузбасс», «В краю сокровищ», В. Измайлова «Широкая дорога», А. Пинаева «Встречи», Г. Молостная – «Весна», П. Белова – «Подарок» (30; с.108). В списке кузбасских поэтов Небогатов лидирует.

М. А. Небогатов учился мастерству у классиков. Любимыми поэтами он назвал Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Есенина, Твардовского, Исаковского, Ваншенкина, Бунина. Поэтические строки И. А. Бунина поставлены эпитафией к сборнику «Лето» (1981), строки из стихотворения А. Т. Твардовского стали эпитафией в книге «Земля моя добрая» (1984). Нарбатывая

мастерство, М. А. Небогатов стремился каждый день написать хоть одно стихотворение, осваивал разные жанровые формы (сонет, басня, поэма, лирическая миниатюра и др.).

Для М. А. Небогатова творчество стало делом жизни. Владимир Матвеев назвал Небогатова «вдумчивым лириком» (31; с.101), который «мучительно ищет в поэзии всё то же» – «где видимость, где суть»: «И вроде нет большого творческого открытия, угадываешь чисто небогатовские интонации, пересматриваешь много раз виденное и слышанное под новым углом зрения» (31; с. 97).

1.4. Поэзия И. М. Киселева (1933-1981)

Игорь Михайлович Киселёв (1933-1981) родился в читающей семье. Отец, окончив Томский государственный университет, работал сельским учителем, преподавал литературу. Мама работала воспитателем в детском саду, писала стихи. Сам Игорь Киселёв начал писать стихи где-то с восьмого класса. Первая поэтическая публикация состоялась в газете «Комсомолец Кузбасса» 24 августа 1955 года. В 1966 году на Кузбасском семинаре молодых писателей Урала и Сибири рукопись первой поэтической книги Игоря Киселёва «Перецвет» получила высокую оценку. В 1970 году Игорь Киселёв был принят в Союз писателей СССР.

В Кемеровском книжном издательстве были изданы пять поэтических сборников: «Перецвет» (1966), «Ярославна» (1968), «Четыре дождя» (1971), «Человек приходит к человеку» (1975), «Ночные реки» (1980). В 1983 году посмертно в Кемеровском книжном издательстве вышел сборник стихотворений «Благодарю, земля, благодарю».

Союзную известность лирика Игоря Киселёва получила в 1987 году в первом номере журнала «Наш современник». Редакция журнала получила много читательских откликов, после чего в восьмом номере журнала «Наш современник», в этом же году, была опубликована новая подборка стихов – редкий случай. В третьем номере журнала «Наш современник» за 1989 год

появилась новая публикация стихотворений кузбасского поэта. Журнал открыл рубрику «Память – ещё одна страница...». В 1989 году в московском издательстве «Советская Россия» вышел новый сборник стихов Игоря Киселёва «Под солнцем и ненастьем».

Исповедальность, искренность, философичность отличают лирику Игоря Киселёва. Поэт-романтик создал мир, в котором больше тепла, мечты, душевности, чем в окружающем его мире. «В калитку памяти стучась», поэт хочет сохранить мир юности не для того, чтобы противопоставить ему современность, а чтобы сохранить душевную цельность, единство собственного пути. То есть – не потерять себя, лучшее, чистейшее в себе» – так определил поэтическую самобытность Игоря Киселёва критик А. П. Казаркин (19; с. 65). В Кемерове в 1966 году прошел зональный семинар молодых литераторов Западной Сибири и Урала. Это свидетельствовало о том, что литературу Кузбасса признают на общероссийском уровне и выделяют перспективы ее развития. На этом совещании особо было выделено имя И. Киселева как талантливейшего поэта и впервые заявлена кемеровская поэтическая школа. Именно с этого времени можно числить начало поэтического пути Киселева, но ушел он уже в 1981 году, для поэта это чрезвычайно короткий срок. Как поэт он оформлялся в контексте 1960-х, в знаменитый период «оттепели», период поэтического бума, поэтому поэзия Киселева, созданная именно в это время, уже интересна своим отражением времени, через изучение тематики, проблематики, мотивики, жанровой специфики мы можем погружаться в динамику того иного времени, увидеть его отраженный свет. То же можно сказать и о 1970-х как периоде не столько «застойном», как его окрестили социологи, экономисты, политологи, но периоде интенсивных поисков некой нравственной идеи, важной для интеллигенции этого времени. Поэтому хотелось бы посмотреть на поэзию Киселева как на некий комплекс проблемных тем и жанров.

Остановимся на первом сборнике поэта «Перецвет» (1966) и обратимся к его содержанию, уже на этом первом этапе анализа мы можем заметить много интереснейших нюансов, связывающих

поэзию Киселева с эпохой, временем. Структура сборника продумана и разделена на 4 части. Первая часть открывается стихотворением «А вы? Вы любите дорогу?» и вся она о природе, о разных ее проявлениях, разных образах и ликах. Поэтому и дорога не асфальтовая, а лесная или полевая, луговая, пахнувшая мятой, утопающая в пыли. Но образ дороги в первом стихотворении сборника – это еще и некий символ, это дорога, зовущая читателя за собой, зовущая погрузиться в те мысли, тайны, раздумья, что волнуют поэта. И мы видим, что поэт – Игорь Киселев влюблен в природу русскую, сибирскую, во все времена года, во все стихии. В этом он схож с тихой лирикой 1960-х. И в жанровом отношении мы сталкиваемся со стихотворениями-описаниями, стихотворениями-пейзажами.

А вы?

Вы любите дорогу?

Не в душном поезде, не ту!

Не по шипящему гудрону

И не в молниеносном ТУ!

Такую –

Чтобы пахло мятой,

Дышали сыростью луга,

И в колее

От пыли мягкой

Тонула пыльная нога (23; с. 5).

Второе стихотворение называется «Тулинка» и оно о маленькой речке. После стихии земли (дорога) появляется стихия воды. С одной стороны, вода может угрожать человеку как первозданная хаотическая сила: «Есть реки без дна и края, / Сердитая в них вода. / Швыряют они, играя, / Двухпалубные суда». С другой стороны, вода может быть живой, ключевой, родной, возрождающей силы человека, каковой и является незаметная, «тихая моя Тулинка». Эта речка не бурная, не угрожающая, в ее полноводные воды не смотрятся города, но она милее сердцу лирического героя, потому что родная и понятная. Так же, как дорога в первом стихотворении, Тулинка символизирует путь героя по земле и по судьбе: «Я хочу, чтобы в путь всегда / Провожала меня живая, / Ключевая твоя вода! И связан этот путь с ощущением

родины».

Третье и четвертое стихотворение «Дом на разъезде» и «В лесу» посвящены описанию леса, а лес связан еще с одной природной стихией – ветром. Шум ветра по кронам деревьев напоминает о шуме моря, что связывает воедино несколько стихий: воздух, воду, землю. При этом старый дом в лесу напоминает своим скрипом корабль, уносимый ветром-морем в дальние странствия. Здесь вновь появляется образ дороги, но дорога эта уже не земная или водная, а символическая, дорога странствий, мечты, дом уплывает в символическое странствие ночью, а возвращается на заре. Лес становится не просто пространственным топосом, а местом для дыхания («как дышится в лесу»), слуха («как слышится в лесу»), творчества («как пишется в лесу»), надежды и веры («как верится в лесу»). Природное пространство как пространство, необходимое для жизни человека, описывается в жанре пейзажной зарисовки в следующих стихотворениях первой части сборника: «Четыре дождя», «Апрель», «Гроза», «Утро», «К вершинам утро прикасалось...», «Повороты света», «Осень». Перед нами, безусловно, вписывание жизни человека в природный цикл зима-лето; весна-осень с гармонизацией цикличности, вечной зависимостью человека от нее, необходимостью природного мира как дыхания, слуха, зрения. В этом смысле поэзия Киселева экологична. В первой, «природной» части сборника представлено и стихотворение-заглавие, давшее название всему сборнику – «Перецвет». Остановимся на нем.

*Тогда была такая осень —
Вся золотая иссиня!
Казалось, осень эту вовсе
Сменять не думает зима.*

*Октябрь, ко лбу приставив руку, —
Уж больно ясный свет лился, —
насквозь просматривал округу
Через прозрачные леса.*

*Он будто звал:
— Пойди, утешь их,*

они печальны и чисты...

Но вот на ветках облетевших

Внезапно вспыхнули цветы! (23; с. 23-24).

Речь в стихотворении идет о редком природном явлении, когда теплой осенью вдруг вновь начинают цвести яблони, вишни, сирень и черемуха. В природе это явление связано с теплой осенью, но негативно отражается на растениях, они как бы оказываются в стрессовом состоянии, готовясь к зиме, вдруг вновь набирают цвет. С одной стороны, теплая осень – это хорошо, но, с другой стороны, осеннее цветение – примета несчастья: «Завидев тоненькое пламя, / Не гаснущее на ветру, Трясли старухи головами / И бормотали: – Не к добру!». Однако в поэтике стихотворения все эти смыслы приобретают совсем другое значение, лирический субъект не просто удивлен происходящим, он восхищен многообразием природного мира, смелостью цветов, перед ликом зимы вновь воскресающих весну и жизнь. Происходит «чудо», каковыми полна природа и в этом «чудесном» растворена и жизнь человека. Безусловно, цветы погибнут, уже «с востока/Плывут слепые облака», но чудеса жизни останутся всегда, в это вера поэта незыблема. Поэтому так органично соединяются в этом стихотворении жанр пейзажной зарисовки и философское размышление. Собственно, чудеса природы, творчества, жизни, любви, памяти, культуры и составляют сборник, а затем и все творчество Киселева.

Вторая часть сборника начинается со стихотворения о творчестве – «Когда горит и светится страница...», и здесь размышления о природе творчества, о природе литературы перемежаются с личностными размышлениями о себе, о своем месте в мире и литературе. Поэт как бы пытается вырваться из природного первой части и найти свое место и в литературе, и в себе самом. Темы любви, доброты, творчества, литературы, размышления о жизни и почти финальное – «Я должен стать самим собой...» «Что такое со мной, что такое»:

Что такое со мной, что такое...

Или годы стучатся сильнее?

Снятся кони мне, снятся мне кони,

Как засну – так увижу коней.

*Кони рыжими челками машут,
Ночь росой и хрустом полна,
И кукушка кричит, и маячит
Над конями большая луна.*

...

*Но и все же, как спутник в дороге,
Ходит вслед, от меня ни на шаг,
Ощущение смутной тревоги,
Что живу я не там...
И не так... (23; с. 61).*

Налицо жанр медитативного лирического стихотворения. И остальные стихи раздела связаны с размышлениями о любви («Не о любви...»), доброте («Доброта»), словах и культуре («Стихи о словах», «Стихи о Наташе Ростовской»), старости («Старики»), удивлении («Удивление»). Поэт как бы перебирает разные душевные состояния, разные возрасты, разные воспоминания и ищет себя, свое место в мире. Думается, не случайно, последнее стихотворение раздела называется «Сумерки». С одной стороны, описываются сумерки как время суток, зыбкое время перехода из дня в ночь, но, с другой стороны, самосознание лирического субъекта оказывается сумеречным, тайным, что-то осталось в памяти, а что-то ушло навсегда, от этого грустно и кажется, что ничего в будущем уже не будет. Но как антитеза сумеречности природы и сознания выступает третья часть и четвертая. Третья вновь возвращает нас к природе, четвертая открывает память о культуре, литературе как возможность единственного существования, как возможность цели творчества.

Третья часть начинается стихотворением о Кулунде, это река на Алтае, и населенный пункт, Алтай – малая родина Киселева. Как возвращение к родным корням звучат стихи о Кулунде.

Четвертая часть посвящена теме читательской и литературной памяти – «Псков», «Оленька», «Говорят декабристы», «Тригорское в замети снежной...». В стихотворениях впечатления от поездки по пушкинским местам отсылают к более глубоким философским размышлениям о роли и месте таланта, гения и его творчества в истории культуры и всего человечества. Поднимаются проблемы

предназначения человека, значимости звучащего слова или музыки, так как в оставшемся слове и звуке заложено бессмертие поэта. Так происходит в цикле «Встреча с Пушкиным», состоящем из 7 стихотворений. Конкретная поездка по пушкинским местам принимает форму лирических размышлений о значимости Пушкина и его творчества для всей русской культуры. Поэтому пространство, где жил Пушкин, воспринимается символически – как Пушкинская страна, и Псков, Михайловское, Тригорское, реки Великая и Сорочь воспринимаются в контексте его произведений. Культура и история оживают и становятся героями современной жизни, действие пушкинских поэм и повестей совершается здесь и сейчас.

То ли снег то ли дождичек с неба.

Дымом пахнет, и ветер суров.

И в душе, как трава из-под снега,

Смутно брезжит «Борис Годунов»... («Псков»).

Киселев перечисляет темы и мотивы поэзии Пушкина, упоминаются Пугачев, А. Керн, легкомысленная Зизи, святки и крестьянская девушка Ольга Калашникова как напоминание об Ольге из «Евгения Онегина», декабристы и их судьба, дуэль и смерть поэта. Однако, воссоздавая эпоху Пушкина, её черты, Киселев употребляет глаголы настоящего времени: санки *летят*, *торопится* рука, *стать* под пули, «убитый Пушкин/Свой последний *держит* путь» и т. д. Действия происходят сейчас, Пушкин жив и вновь проживает все события своей жизни. И сама жизнь, реальность пушкинского времени не уходит в небытие, а живет в настоящем стихотворении, слове, сознании читателя. Личностное переживание давно прошедших событий, закрепление их в слове, стихотворении, сознании читателя позволяют сохранить знаки культуры и её имена. Думается, что лейтмотивом данных стихотворений является мысль лирического субъекта о присутствии слова, поэта, текста в повседневной жизни, в природе. Ничто не исчезает, остаются знаки чужой жизни, чужой мысли в окружающем мире, в текстах русской литературы. В этом и заключается гармонический цикл протекания творческой жизни – остающееся слово бессмертно и ждет встречи с читателем.

Можно утверждать, что первый, авторский сборник Игоря Михайловича Киселева как бы выстраивает тематику, проблематику и жанровую природу его поэзии на долгие годы вперед. С одной стороны, мы видим отражение духа 1960-х во внимании к природе, социуму и внутреннему миру человека, с другой стороны, в последующих сборниках появятся и экологические мотивы, звучащие уже на высокой драматической ноте («Молитва лани» сб. «Человек приходит к человеку» 1975; «Баллада о нерпеныше» и «Я не люблю охоты» из сб. «Ярославна» 1968). Но из сборника в сборник Киселев будет вставлять стихи, обращенные к культурной и литературной памяти читателя, как бы призывая постоянно размышлять над прошлым, а, значит, понимать настоящее и будущее: «Ярославна», «Стихи о Наташе Ростовской», «Моцарт», «Псков».

Анализ одного стихотворения. «Наташа Ростова».⁵ «Стихи о Наташе Ростовской» написаны Игорем Киселёвым в конце 1950-х – начале 1960-х годов. Стихотворение было опубликовано в первом сборнике «Перецвет» (1966).

Интересен факт, что стихотворение получило народное признание ещё до публикации. С 31 мая по 5 июня 1966 года в Кемерово прошёл Кузбасский семинар молодых писателей Урала и Сибири. На заключительной встрече молодых литераторов с общественностью, когда предоставили слово И. Киселёву, из зала раздались голоса: «Наташу Ростову, Наташу Ростову прочти!». Книга ещё не была издана, а стихотворение уже жило, было любимом.

Кузбасский поэт-сатирик Владимир Матвеев написал дружескую пародию на «Стихи о Наташе Ростовской»:

*Ах, Наташа Ростова,
Наташа Ростова!
Почему не моя ты,
А графа Толстого?*

Критик Е. Л. Цейтлин в 1982 году дал одну из первых интерпретаций этого стихотворения и попробовал определить,

---

⁵ Материалы раздела напечатаны в виде статьи: Карпова Г.И., Киселёва И. А. «Память о солнечном лете...» «Стихи о Наташе Ростовской» Игоря Киселёва // Литература в школе. 2011. № 10. С. 21-22.

почему оно сразу запомнилось читающей аудитории: «Да, мир Игоря Киселева это вовсе не камерный – это открытый поэтический мир. И многие его стихи – новеллы человеческой жизни. <...> Таковы «Стихи о Наташе Ростовой»: в них история первой школьной любви волнует именно своей обычностью. Читатель снова прощается и со своей Наташей Ростовой. В вечной повторяемости одной ситуации он видит мудрость жизни» (73; с. 169).

Образ Наташи Ростовой Л. Н. Толстого трепетно волнует, приводит в восторг школьников – читателей романа Л. Н. Толстого «Война и мир». Стихи Игоря Киселёва о Наташе Ростовой ассоциативно перекликаются с эпизодами из юной жизни Наташи Ростовской: первое свидание Наташи с Андреем Болконским в аллее сада в Отрадном и эпизод лунной ночи, первый бал, где она танцует вальс с Андреем Болконским.

Стихотворение строится как вереница воспоминаний о школьной и взрослой жизни. Воспоминание о периоде влюблённости в Наташу Ростову, об ощущении эмоций Андрея Болконского с погружением в мир его переживаний: «печальный», «строгий», «надменный». Романтический мир художественного произведения кажется ему более привлекательным, чем мир реальной школьной жизни. Юношеское смятение и восторг первого чувства превращаются в стихи:

Как цвели ее темные в сумерках ленты,

Как она говорила, картавя слегка:

– Вот покрепче себя обхватчу под коленки –

И – держи! – улечу от тебя в облака!

Тип девочки-девушки, эмоционально-искренней и удивительно живой, которым восхитился и художественно увековечил

Л. Н. Толстой в романе «Война и мир», тот же тип женственной красоты сохранился в последующем столетии и стал предметом стихотворения Игоря Киселёва. Лёгкость, хрупкость, утончённость красоты создают образ светлой, чистой первой любви. Навсегда останутся в сердце первые свидания, свежесть первых любовных

чувств, опозитизированный образ прекрасной «невесомой» девочки со светящимися лентами-цветами.

Мир природы в стихотворении становится пространством, в котором расцветает первое чувство:

*Здесь по-прежнему сумерки бредят цветами,
И под теми же кленами,
не на виду,
Задыхаясь,
к кому-то бежит на свиданье
Длинноногая девочка
в школьном саду.*

В стихотворении Игоря Киселёва мир природы, мир светлых человеческих чувств, мир поэтического слова существуют в едином потоке жизни Бытия:

*Все стареет.
И рожи, и вальсы, и шутки.
Напиши мне, пожалуйста, не утай,
Где теперь опадают твои парашюты,
Где теперь облетают ромашки твои.*

В стихотворении Игоря Киселёва сливаются в общем чувстве смятения и восторга читательская любовь к литературной героине и школьная любовь. Чувство первой любви (литературной и реальной) остаётся в сердце, становится камертоном, по которому можно проверить, настоящее ли это чувство ты переживаешь во взрослой жизни. В стихотворении отразилось восторженно-трепетное отношение поэта к женской сущности. В нём органично переплелись три важнейшие темы лирики И. Киселёва – человек, природа, творчество.

На поэтических встречах Игорь Михайлович Киселёв часто читал «Стихи о Наташе Ростовской», с большим успехом читал и на городском вечере, посвящённом 100-летию со дня рождения А. А. Блока в 1980 году. В этом же году он включил стихотворение в сборник избранной лирики «Ночные реки», поместив его в раздел «Холодок смятенья и восторга» (24, с. 175).

Нежные, прекрасные строки вот уже полвека ассоциативно волнуют любую возрастную категорию читателей. «Стихи о

Наташе Ростовской» продолжают волновать сердца современных школьников. Как отмечает учитель русской словесности Ирина Евгеньевна Павличенко, опережающий урок-знакомство учеников со стихотворением Игоря Киселёва пробуждает интерес к прочтению романа «Война и мир», помогает старшеклассникам приобщиться к эмоционально-чувственному миру любимых героев Льва Николаевича Толстого.

В лирике Игоря Киселёва, по точному определению А. Казинцева, «всё озарено светом обнажённой душевности» (20; с. 5). Поэтический мир Игоря Киселёва весь пронизан светом: «горит и светится страница», человек плывёт сквозь метанья поэта «весь пульсируя и светясь», светел и нравственно озарён дом поэта.

1.5. Поэты Кузбасса в современном литературном процессе⁶

Обращаясь к поэтам, представленным в современном региональном литературном процессе, мы руководствовались, прежде всего, художественной, эстетической и общественной значимостью того или иного поэта. В основном в предлагаемых очерках речь идет о поэтах, вошедших в литературу в начале 1970-х годов, и на сегодняшний день занимающих прочное положение состоявшихся, внесших заметный вклад в развитие региональной литературы, писателей. Некоторые (С. Донбай, А. Катков, Б. Бурмистров) занимают важные посты в Союзе писателей Кузбасса, другие являются создателями и руководителями литературной студии-школы (А. Ибрагимов), третьи – почетные граждане города Кемерово, награждены премиями и орденами. Выделенные в данном разделе имена прочно занимают свое положение в литературной иерархии и представляют определенный интерес с точки зрения литературоведческого исследования.

1.5.1. Очерк творчества Г. Юрова (род. в 1937)

---

⁶ В очерках о поэтах использованы материалы сайта «Литературная карта Кузбасса». Электронный ресурс: <http://www.kemrs1.ru/litmap/people>

Геннадий Евлампиевич Юров, член Союза писателей с 1976 г. Родился в 1937 г. в Кемерово, на Красной Горке, где Михайло Волков нашел каменный уголь (ныне там музей). Окончил Томский университет, работал в молодежных газетах Томска, Кемерова, в газете «Кузбасс», «Магаданская правда»; редактором кемеровского книжного издательства, руководил литературной студией «Притомье». С 1983-87 г. – ответственный секретарь организации писателей и газеты «Родник Сибирский», главный редактор альманаха «Огни Кузбасса», лауреат премии Кузбасса 1977 и 2005 гг. Лауреат премии Министерства России по делам СНГ за духовное сближение народов. В 1997 г. – заслуженный работник культуры, почетный гражданин Кузбасса и решением Президиума Академии удостоен юбилейной серебряной медали В. Вернадского. Публикации: Синий факел: стихи. Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1964. – 42 с. Берега: стихи и поэмы / [худож. Д.А. Заруба]. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1970. – 99 с. Труженица Томь: художественно-документальные страницы ее прошлого, настоящего и будущего. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1974. – 126 с. Долина в сентябре: поэмы / [предисл. И. Киселева; худож. О. А. Пинаева]. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1975. – 88 с. Песня о городе: поэмы. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1978. – 94 с. Река родная: документальное повествование о Томи. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1979. – 240 с. Абориген: стихотворения и поэмы / [худож. В. Кравчук]. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1982. – 112 с.: ил. Доверчивое Русло: стихотворения и поэмы / предисл. А. Казаркина. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1987. – 224 с.: ил. Какого цвета Томь-река: Документальная повесть. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1992. – 238 с. Печальная повесть о Боге погоды: [повести]. – Кемерово: Сибирский родник, 1993. – 227 с. Товарищеский круг: стихотворения. – Кемерово: Сибирский родник, 1993. – 63 с. – (Русская сибирская поэзия). Лирические поэмы / Вступительное слово В. М. Баянова. – Кемерово:

Сибирский родник, 1997. – 171 с. (Русская сибирская поэзия). У родника на Красной Горке: очерки смутного времени. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. – 531 с. Музыка снега: избранные стихотворения и поэмы. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. – 179 с.

Стихи и проза печатались в журналах «Москва», «Наш современник», «Роман-газета», «Смена», «работница», «Наука и религия», «Сибирские Огни», в альманахе в Венгрии, Будапеште и др.

С необычных стихов начинается сборник «Товарищеский круг» (1993):

*Ранимым я бывал и раненым,
Но слову верить не устал.
Пускай заблещет всеми гранями
Его целительный кристалл...*

*Скажи мне что-нибудь хорошее,
И пусть оно произойдет.*

Важнейшие для человека проблемы рассматривает поэт.

Совесь:

*На планете, где войны,
Где кромешно от бед,
Если совесть спокойна,
Значит, совести нет.*

Совесь чистая не может быть спокойной.

*Если совести больно,
Значит, совесть чиста, –
делает вывод поэт.*

Поэта интересуют люди с душой романтиков, они нужны всюду: и на фронте, и на стройках, в лагерях, они всегда на переднем крае:

*И не раз взамен экономических законов
Использовали наш энтузиазм:*

Запсиб, Целина, Космос... Они – духовный наш родник, эти крылатые люди противостоят равнодушным, элите, мафии. Романтика нужна, как крылья для полета.

На жизненном пути поэта встречались разные люди, о них он пишет в стихотворении «Черный юмор», «Недруг»:

Мне потому порой бывает жутко.

Что на миру ни слова без прикрас...

Некоторых персонажей рассказов В. Шукшина, в характере которых проявлено стукачество, жестокость, злые насмешки, писатель справедливо не считает «чудиками».

А какие замечательные стихи о природе!

Чистый камень сердолик

В чаше родника алеет.

Я б отдал тебе родник,

Только речка обмелеет.

Поэту жаль сорвать гроздь рябины, чтобы птичек не обидеть.

Пень березовый подгнил,

В нем такая прель и сырость,

Если б я опенком был,

Неприменно здесь бы вырос.

Заветное желание поэта дышать хвойным воздухом тайги, ходить по цветочной, васильковой дороге и «горизонт рукой потрогать»... И рядом трагические строки:

Ночь незрячая сентября...

В небе поздняя стая гусей.

Ранний снег бьет картечью по ней...

Не спасет кричащих раненых птиц и река, где был лагерь «ЗК», ныне склад, и кто-то зажег прожектора. Мечутся ослепшие раненые птицы, не могут найти реки.

Только выстрелы влет, с плеча,

Птицам больше не закричать...

Рядом с трагическими страницами – одно из чудесных стихотворений – «Озеро танцующих хариусов»:

Я- зритель небывалого балета...

Танцуют хариусы. Как они танцуют!

Они как будто белый свет целуют.

Летят по воздуху – и разом замирают...

На дно ныряют, толщу замеряют,

Зарю хватают, в воду окунают

И мчатся за полетом комара...

Читаешь и видишь короткое «колымское» лето, лиловые «озера Иван-чая», багульник, ягель, шиповник, брусника...

Поэту жаль стонущую под бульдозером колымскую землю, в ней будут искать золото... Он – сын Земли. Он – сын рек, тайги,

всей русской природы:

Я – сын реки, чей берег стал жестоким.

Я говорю: чисты мои истоки...

Я – речь реки.

Я – зов к людскому разуму и воле.

Я – боль реки и врачеватель боли...

Тоска реки и жертва той тоски...

Томь-река – одна из важных тем творчества Г. Юрова. Природа ранима, как человек. Как медленно в тундре растут деревья! Как им трудно! Поэт беседует с природой. – Спасибо, огонек! – говорит поэт и, кланяясь майскому цветку, срывает его для букета. Горит огнем он среди белых ромашек. Покидая лес, произносит: «Прощай, сосновый бор». Есть шум дня, шум ночи, и незабываемый шум тайги.

Небо летом вдруг заплакало дождями, заплакали ключи навзрыд... Осенью природа кричит, то «немо, то исступленно».

Поэт с горечью пишет:

Мы черпали могущество страны

В могуществе природы.

Природа наша, защищая нас

Сама осталась беззащитной...

Главная мысль поэта, с которой он обращается к друзьям: «Что наша жизнь – не что иное, как общение с природой. Что подарила нам она изначально?

Леса без просек, реки без плотин.

И горные массивы без карьеров...

И жили мы, не зная слов «Охрана окружающей природы»... Он рано понимал язык цветов:

Листвою, травами, цветами земля со мною говорит...

Он любил сиреневые вечера, «серебряные дома», «озорное солнце» и пережил ужас циклонов, цунами, бурь...

Памяти И. Киселева посвящено замечательное стихотворение «Осень в Журавлях». Поэта интересуют вечные вопросы: в чем смысл жизни? Есть ли судьба? Что такое счастье? Тема войны и праздник Победы, хотя он был маленьким, когда отец уходил на фронт. «Мы не раз жестоко биты», познавая цену жилью, теплу и свету, цену любви и дружбы. В песне «Рабочая мелодия Кузбасса», ставшей гимном Кузбасса, отразилась вся

трудовая биография Кузнецкого края, его история и сегодняшний день:

Вы видите! Горят огни в ночи –

На землю небо звездное упало.

Вы слышите! Мелодия звучит –

Поет земля восточнее Урала.

В этой мелодии звучит труд шахтера, металлурга, химика, строителя, в ней шум тайги и птичьи голоса, в ней стук сердец тружеников Кузбасса.

В 2012 г. вышла из печати книга с необычным заглавием «Заповедное пространство» (стихи, поэмы, разыскания, (необычный жанр: поиск истины). «Заповедное пространство формирует в читателях нравственные основы жизни, ибо в книге этой жизнь и смерть, добро и зло, красота и совершенство, любовь, предательство и верность. Мы постигаем законы долга, совести, чести, заповеди от родителей и дедов и передаем детям. Заканчивает автор стихами:

Какую бы даль ни осилили,

На какой бы черте ни ступала нога,

Твердо знаю: пока я иду по России,

У меня под ногами твои берега!

1.5.2. Очерк творчества Б. Бурмистрова (род. в 1946)

Борис Васильевич Бурмистров родился в г. Кемерово. После окончания политехникума (Кемерово, 1964 г.) работал по специальности в городах Кемеровской области (Кемерово, Прокопьевск, Березовский) и в районах Крайнего Севера; прошел путь от бульдозериста, механика, до главного механика, замначальника стройуправления, замдиректора завода. Стихи начал писать еще в школьном возрасте, первая публикация стихов – в одной из северных газет (1971 г.); с 1984 г. полностью посвятил себя литературному труду. Первая книга стихов «Не разлюби» (Кемерово, 1989 г.); в дальнейшем – еще несколько книг, изданных в Кемерове, Москве, Санкт-Петербурге, большое число поэтических и публицистических публикаций в центральной и областной периодике. Назначался советником губернатора

Кемеровской области по культуре. С 1993 г. по настоящее время – председатель правления Союза Писателей Кузбасса, секретарь правления Союза писателей России, директор Дома литераторов Кузбасса, почетный работник культуры Кузбасса, заслуженный работник культуры Российской Федерации, член Общественной палаты Кемеровской области; награжден областными наградами Кемеровской области. Лауреат литературной премии им. В. Д. Федорова (1995 г.); лауреат Всероссийской православной литературной премии им. Александра Невского (2005 г.) за создание сборника православной поэзии «Собор стихов»; лауреат Большой литературной премии России 2011 года за книгу стихов «Сквозь сумерки времен». Живет в г. Кемерово. Публикации: Не разлюби...: стихи. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1989. – 70 с. Душа: стихи. – Кемерово: «Сибирский родник», 1991. – 77 с. Поклонись земле русской: стихотворения. – Кемерово: Кузнецкая крепость, 1992. – 64 с. (Русская сибирская поэзия). Лирика: Стихотворения / художник В. П. Кравчук. – Кемерово: «Сибирский родник», 1995. – 123 с. Песочные часы. – Москва: РБП, 1995. – 7 с. Живу! И радуюсь, и плачу...: стихотворения. – Кемерово: «Сибирский писатель», 1999. – 167 с. День зимнего солнцестояния: стихи разных лет. – Кемерово: «Сибирский писатель», 2001. – 199 с. Скажи люблю.... стихи. – Кемерово: «Сибирский писатель», 2005. – 48 с. Сквозь сумерки времен. Стихотворения. – Санкт-Петербург: Маматов, 2011. – 365 с.

Размышления над страницами сборника Б. Бурмистрова «Избранное». Тематика обширна и актуальна, поэт поднимает вечные темы: нравственные, духовные, философские, исторические, политические... Перед читателем – образы русской деревеньки и столицы России, родного края, Сибири и Дальнего Востока, образ прекрасной русской природы, образ любимой, лирического героя, а также дорогой сердцу каждого образ России.

Поэт начинает размышлять с родового древа:

*О, далекие предки мои,
Россияне, сыны вольнодумства.
В моем сердце донныне горит*

Ваш огонь доброты и безумства.

Я листочек на ветке любви...

... Русь, Россия – судьба и опора.

Рассуждая об изменениях в природе и в людях, поэт вынужден признать, что вместе с уходящими веками уходит и доброта, наши души скудеют... А ведь всему начало доброе слово:

Слово доброе добрым вернется,

Злое – злым отлетит от стены

И ударит больнее больного...

И тогда вдруг поймем, что творим.

Бумерангом становится слово,

Возвращаясь к истокам своим.

Вскрывая, как нарыв, человеческие пороки, поэт советует не лгать:

Не лги себе и ближнему не лги,

Ложь, как болото, заведет, затянет...

Рассуждая о проблемах духовной деградации, автор часто обращается к библейским мотивам.

Причину многих бед поэт видит в том, что разорваны связи с нашими корнями, не слышат люди святые слова, заветы предков и заповеди Божии: «не убий», «не укради», «не лги»... И мы вынуждены согласиться (с гиперболой ли?):

...нынче рвут в утробе родовую связь,

Бога не боясь.

Поэт слышит звон колоколов старинного города Тобольска (1989г):

Глядит церква глазами эпох,

Тяжелый взгляд на мне остановился.

Не по себе мне, будто смотрит Бог.

Немой вопрос: а ты зачем явился?

Зачем? Творить, или разрушать? Вопрос к каждому из нас. Жаль, что ответы будут разные... Лирический герой, конечно, как человек православный, способен прощать и миловать:

Я недругов прощаю.

И как их не простить!

Не знают, что вещают,

Не ведают, как жить.

Немало горьких строк о современной России и современном человеке встречаем мы в стихах поэта:

*Человечество сходит с ума,
От пороков земных, от бессилья,
Нас уже не страшат ни тюрьма, ни сума,
Не пугает нас кровь и насилье.*

Есть и стихи-молитвы, в которых поэт просит вразумить людей, наполнить их разум любовью. Ведь человек без души, без любви – робот, и рождает он «роботенок», по словам поэта.

Пейзаж служит той же задаче: даже самые поэтичные строки о красоте русской природы невольно становятся фоном или действующим лицом в стихах о духовной деградации людей, о трагической судьбе России.

Одним из сильнейших стихотворений является

*Спит спокойно гордый внук славян,
Родину отдав на поруганье...*

«Спит», «просыпаться» – ключевые слова, они встречаются в каждой строфе не случайно: они отражают состояние нашего общества –

*Внавшего и в самом деле в спячку:
Крепко спят в домах Богатыри,
Не пора ли, братья, просыпаться?!*

*Много тут трехглавых развелось,
Норовят огнем, мечом, обманом...*

Боевая лексика древних веков: «богатыри», «басурманы», «трехглавый», «меч», «славяне», напоминая о прошлых битвах, зовет к битве сегодняшней за Россию. Эпитет «гордый» тоже своего рода напоминание, как и слова «кровь, а не водица...» Тревожное стихотворение: Россия в беде, в окружении врагов внутренних и внешних...

Болью за страну и горечью переполнено стихотворение:

*Распутица, сумятица и слякоть,
Храп и стенанье взмыленных коней,
О Родине не только петь и плакать
Еще и думать надобно о ней.*

Поэт начинает свои размышления с осенних проливных дождей далеко не случайно: во-первых, осень – время, когда

умирает природа, во-вторых, распутица.... Нет пути нормального ни для человека, ни для животного. Автор продолжает традиции Некрасова, Гоголя, Достоевского. Образ птицы-тройки мы встречаем и у А. Блока:

*И вязнут спицы расписные
В расхлябанные колеи...*

Та же безрадостная картина. Б. Бурмистров сравнивает жизнь с рекой, у которой два берега как два пути. Да, они всегда рядом: добро и зло, как день и ночь. Поэт пытается понять мотивы зла. Нет сил смотреть на

*Истерзанные русские равнины,
могилы предков пылью занесло.
Добро бывает часто без причины,
Осмысленным всегда бывает зло.*

Удручающее впечатление производит концовка, это кольцевая композиция. Храп лошадей и взмыленных людей не дает забыть об этом, не дает покоя.

Радуют многие строки, воспевающие красоту и необъятность русских просторов, воспетых в наших стихах и песнях. В стихотворении «Русский мотив» – вновь в поле зрения поэта любимая Родина:

*Нету на свете чудесней спящих под пологом нив.
В тихой задумчивой песне
Слышится русский мотив.*

Россия – страна, где переплелись быль и небыль, сон и явь, сказка и быль... Россия – страна необыкновенная, но с трагической судьбой; она снова распята на кресте. Одно из самых глубоких стихотворений – «А жизнь – людей столпотворенье». Это раздоры и мир, обиды и прощения, смех и слезы, то воля, то неволя, тьма и прозрение... Это и есть настоящая жизнь.

*Немало нас сошло с ума
В эпоху страшных потрясений*

Льется кровь, гибнут, просят милостыню дети, увеличивается количество сирот, детей-самоубийц...

*Не дай нам Бог сойти с ума
На стыке двух тысячелетий ...
просит поэт.*

Есть еще одна проблема: русские забыли, что они русские, слепо преклоняются перед всем английским и американским. Еще в 1998 году Б. Бурмистров почувал эту опасность для России. В стихотворении «На дворе» (1998) он пишет:

В своей стране мы не свои.

В чуждой стране совсем чужие.

Да где ж вы, русские мои?

На сердце раны ножевые.

Появляются слова «витязей потомки», «плен», «дух отдали в плен»... У края пропасти страна. Почему перестали дорожить родным языком, национальной культурой. Где он, этот русский дух?!

Потрясает до глубины души стихотворение

Я покидаю с горечью тебя,

Москва, Москва, нерусская столица.

И это древняя, священная столица Руси, России, Советского Союза и вновь России. А может и слово «Россия» заменят другим, продиктованным американцами. Как можно смириться с этим:

Мне, русскому, хамят здесь и грубят.

Здесь негде от разбойников укрыться...

Почему? Как до этого мы дошли? Почему на русской земле хозяйничают другие? На эти и другие размышления наводят нас стихи поэта Кузбасса, поэта-патриота Б. Бурмистрова. С гневом читаем мы строчки стихотворения «Клеветникам России».

Итак, целью поэта Б. Бурмистрова было вовсе не воспеть красоту Родины, ее великие просторы, природные богатства. Да, поэт любит свою родную страну, и с горечью, с болью рисует трагический образ России, страны, которая нуждается в возрождении. Лирический герой часто обращается к далекому прошлому, к былинным богатырям, именно там он черпает силы, уверенность в борьбе с новыми врагами России, со злом, преступлениями, террором, равнодушием, всеобщей разобщенностью... Порой кажется, что это не стихи, это звонят колокола, и они зовут нас всех на битву во имя спасения России.

1.5.3. Очерк творчества С. Донбая (род. в 1942)

Сергей Лаврентьевич Донбай родился в Кемерове. Лауреат премии имени В. Федорова. Награжден грамотой министерства культуры РФ. Учился в Новосибирском государственном инженерно-строительном институте. Печатался в газете «Литературная Россия», в журналах «Все русский собор» (Санкт-Петербург), «Алтай», «Барнаул» (Барнаул), «Москва», «Наш современник», «Поэзия», «Молодая гвардия» (Москва), «Палоцфельд» (Венгрия), «Сибирские Огни» (Новосибирск), «День и ночь» (Красноярск), «Литературный Кузбасс», «Огни Кузбасса» (Кемерово), «Донбасс» (Донецк), «Сибирские Афины» (Томск), «Врата Сибири» (Тюмень). Участвовал в сборниках: «День поэзии» (Кемерово, 1970), «Дыхание земли родимой» (Кемерово, 1979), «Песнь о Сибири» (Кемерово, 1982), «Рабочая мелодия Кузбасса» (Кемерово, 1984), «Час России» (Москва, 1988), «Мы – Притомье» (Кемерово, 1989), «Чем удивительна земля» (Кемерово, 1990), «Антология русского верлибра» (Москва, 1991), «Дороже серебра и злата» (Кемерово, 1994), «День поэзии» (Кемерово, 1994), «Графика, поэзия» (Кемерово, 1994), «Я помню чудное мгновенье» (Москва, 1999), «Пять стихотворений о любви» (Кемерово, 1998), «На родине моей повыпали снега» (Кемерово, 1998), «Площадь Пушкина» (Кемерово, 1999), «Собор стихов» (Кемерово). Член Союза писателей России. Главный редактор журнала «Огни Кузбасса». Публикации: Утренняя дорога: стихи. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1970. – 28 с. Прелесть смысла: стихи. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1977. – 76 с. День: стихотворения. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1986. – 86 с. Смута: стихотворения. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1991. – 95 с. Проснись у меня на плече!: стихотворения. – Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1992. – 62 с. Стихотворения. – Кемерово: «Сибирский родник», 1996. – 289 с. Слеза: стихи. – Кемерово: «Сибирский писатель», 2001. – 69 с.: фотография автора. Силица: стихотворения. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2006. – 82 с. Мы нарисуем город словом: [стихи]. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. – 55 с. Посредине России: стихотворения. – М.: Российский писатель, 2011. – 277 с. (Библиотека современной русской поэзии).

Последняя стихотворная книга С. Л. Донбая «Посредине России» увидела свет в центральном московском книжном издательстве «Русский писатель» в 2011 году. В сборнике собраны и ранние, известные читателям стихотворения, и недавно появившиеся. Сборник состоит из 10 частей. Первые три части достаточно хорошо известны знатокам поэзии С. Донбая, автор назвал их «Молодая, морозная сила Сибири», «Станет все это детством счастливым моим» и «Как общее наше отечество, Отечественная война». Здесь собраны такие стихи, как «Утренняя дорога», «Утренние стихи», «Был наказан. Выплакался...», «Соцгород», «Конный базар», «Воспоминание о кинотеатре «Москва»». Это уже давно известные и любимые тексты о любимом и родном городе, о любимой Сибири, о дорогих сердцу воспоминаниях. Это те факты, эпизоды жизни, зарисовки, что уже никогда не вернешь, но они фиксируются в слове, остаются на бумаге. Это те дорогие сердцу мгновения проходящей жизни, что запоминаются на всю жизнь, это биография каждого человека, поэтому строки Донбая о своем детстве, своем городе оказываются детством для всех.

Четвертая часть названа строкой из стихотворения – «Быстрое медленно время творит» – и посвящена различным мгновениям, уходящим во времени, но остающимся в памяти и слове. Это может быть как конкретная зарисовка места, описание пейзажа, так и размышление, минутная мысль, философема, например, «Карлов мост» или «Человеку многое дано...», «И когда у врагов не останется злости...». С одной стороны, кажется, что в данном разделе присутствует хаотическое собрание разрозненных стихов, но, с другой стороны, перед нами мысли вслух, на разные темы, по разному поводу, но важные для лирического субъекта именно в данный момент:

*Что же осталось от прежних дней,
Где молодые мы
Поровну были среди друзей
Счастливы и прямы?*

*Что же осталось, тоской объят,
Пусть догорает храм*

*Наших когда-то высоких клятв,
Ныне ненужных нам?....*

Пятая часть полностью отдана чувству любви и различным его проявлениям. Глаза останавливаются на давно знакомом стихотворении «Проснись у меня на плече...», стихотворении о светлой и непроходящей любви, освещающей все вокруг:

*Проснись у меня на плече –
Кудряво, светло и уютно
И просто как доброе утро
Проснись у меня на плече!*

Но здесь и другие строки о любви: «Влюбленность», «Уже люблю и забываю...», «Я еще не сказал – обернулась ты сразу!», «Есть на земле такие женщины...» – все, что создает образ вечной любви, держащей жизнь.

Особо хочется отметить раздел седьмой «Земное притяжение души», посвященный размышлениям о вере, о душе, о присутствии Бога в мире. Стихотворения различны по проблематике, тематике и отношению к вере. Например, первое стихотворение раздела «Храм» предстает как «реклама» кафедральному собору города Кемерово – «Знаменскому»: «Но видать, но видать, словно ясного сокола, / Отовсюду наш Знаменский храм на торгу!». А стихотворение «Мы от Ковчега до Ковчега...» воплощает философичность, размышления человека о «подобии Божьем» внутри нас: «Прекрасный образ человека / В себе пытаемся искать». Стихотворение «Прощеное Рождество» посвящено одному из важных и красивых праздников христианства, а стихотворение «Костел Анны в Вильнюсе» описывает конкретный случай, посещение церкви «Святой Анны». Но по какому бы поводу не было стихотворение, оно открывает назначение человека – быть подобием Бога, верить и надеяться на преображение мира.

Итак, последняя книга С. Донбая о жизни, о разных этапах жизни человека, о размышлениях, радостях и утратах, о необходимости жить в полную силу.

1.5.4. Очерк творчества В. Крекова (род. в 1946 г.)

Виталий Артемьевич Креков родился в 1942 г. в г. Мочищи Алтайского края, закончил семилетку, строительную школу, работал на стройках, электростанциях. Переехал в Кемерово в 1961 году, закончил вечернюю школу-десятилетку. Начал писать стихи в детстве. Первая публикация была в Омской газете «Молодой Сибиряк» (1966, март). Участвовал в работе литературной студии Кемеровское творческое объединение молодежи (руководитель – поэт В. В. Махалов) посещал занятия молодежной литературной студии «Притомье» при Кемеровской писательской организации и Обкоме ВЛКСМ. Был участником областных и краевых литературных семинаров писателей Кузбасса, Алтая. Печатал произведения в газетах «Кузбасс», «Комсомолец Кузбасса», в журналах «Огни Кузбасса», «Литературный Кузбасс», сборнике «Поэзия-85», М., 1986, антологии молодой российской поэмы, М., 1987, журнале «Наш современник», 1995, №6, газете «День», 1996, сборнике «Мы – Притомье», Кемерово, 1990.

Поэтический мир лирики В. А. Крекова – это деревенские избы, милые сердцу незатейливые весенние сибирские прелески с нежной листвой, родные поля спелой ржи, «июньские ночные росы» и морозы, отсеребрившие стволы берез. За ясными и дорогими картинками деревенских пейзажей, проникнутых теплыми воспоминаниями о детстве, часто проступает ощущение первозданной крепости, ясности и прочной вечности Богом сотворенного мира, в котором круговорот времен года, спокойное движение природы, зимний холод или весеннее пробуждение воспринимаются поэтом как ясность и прочность первозданного мира, вечность, дарующая устойчивость, крепость мирозданию. Христианско-космологические мотивы в лирике Крекова появляются в постепенном осознании жизни человеческой как дара, «благой вести», которой воздается «любовь-молитва», от «слова к слову милое чувство». Значительное место занимает культ матери, родства, родного дома, детства, к которому неизменно обращены самые светлые чувства.

Любовная поэзия занимает в творчестве значительное место. Героиня Крекова – деревенская русская девушка, встреченная в юности. Она живет среди сельских трудов и простых забот, чувство

к ней легко и светло, ее облик чаще всего передан в метафоре полевых цветов: ромашек, васильков, трепетных огоньков, белеющих берез. Поэзия В. А. Крекова, как отмечают критики, развивает лучшие традиции лирики Есенина, Клюева, «тихой лирики» Рубцова, соединение с интересом к опрощенности, свободе от традиционных поэтических приемов, традиции, характерной для поэзии «обериутов».

1.5.5. Очерк творчества А. Каткова (род. в 1950)

Александр Иванович Катков родился на хуторе Зайцево Курского района Ставропольского края. Учился в Пятигорском институте иностранных языков, продолжил учёбу в Университете имени К. Маркса (г. Лейпциг, Германия). Работал переводчиком, преподавал немецкий язык в вузах Кемерово. Лауреат премии «Молодость Кузбасса» (1988 год). Печатался в газетах и журналах: «Литературная Россия», «Москва», «Наш современник», «Сибирские огни» (Новосибирск), «День и ночь» (Красноярск), «Огни Кузбасса», «Южная звезда» (Ставрополь), «Барнаул». Участвовал в сборниках: «Утро», «Мы – Притомье», «Чем удивительна земля» (Кемерово, 1990), «Дороже серебра и золота» (Кемерово, 1994), «Пять стихотворений о любви» (Кемерово, 1998), «На родине моей повыпали снега» (Кемерово, 1998), «Я помню чудное мгновенье» (Москва, 2001), «Поэзия» (Москва, 1989), «Площадь Пушкина» (Кемерово), «Собор стихов» (Кемерово, 2003). Член Союза писателей России с 1992 года. Публикации: Синие ставни: стихи / [рец. В. Ф. Матвеева]. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1985. – 64 с. Ветер славянства: стихи / [ред. Т.И. Махалова]; [худож. Н. В. Сидоркин]. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1990. – 95 с. Чаша. Стихотворения. – Кемерово: Кузнецкая крепость, 1992. – 64 с. Путь на Итаку. Стихотворения. – Кемерово: Союз писателей Кузбасса, 1998. – 171 с. Сирень: стихотворения о любви. – Кемерово: Сибирский писатель, 2005. – 71 с. Россия, моя Берегиня...: стихотворения. – Кемерово: Ректаймс, 2010. – 197 с.

Своеобразие поэзии А. Каткова можно попытаться

представить на сопоставительном анализе двух поэтических сборников 2000-х годов: «Сирень: стихотворения о любви» (2005) и «Россия, моя Березиня...: стихотворения» (2010). Уже названия сборников настраивают на совершенно различное читательское восприятие, сирень в мифопоэтической традиции имеет семантику цветка весны, начала жизни, романтический цветок, цветок любви и мечтаний, часто представленный в русской дворянской усадьбе. В названии же второго сборника чувствуется публицистический пафос, свойственный лирике социальных эмоций или «громкой лирике» в русской советской литературе второй половины XX века. Обратимся к стихотворениям, составляющим сборники.

Сборник «Сирень» открывается одноименным стихотворением. Однако сирень не является в нем главным предметом изображения, к пейзажной лирике стихотворение не имеет отношения. Сирень становится неким контрастным фоном для изображения внутреннего мира, переживаний лирического субъекта текста. Сирень в данном контексте – это май, весна, время желаний и любви («Бесновался май. / Сирень, впадая в обморок, свисала, устав просить прохожих: «Не ломай!»), но у героя стихотворения сирень ассоциируется с потерей любви, любимой женщины, которая, как сирень, осталась загадочной, непонятой, недостижимой:

*Быть может, горевал, соизмеря
пустую жизнь с веселостью вокруг,
декабрь в груди с веселостью мая
и вкус вина с недавней мятой рук.*

*А, может, он писал стихотворенье
о горестной свободе и о том,
как веткою надломленной сирени
та женщина осталась за окном (с. 6).*

Заглавное стихотворение как бы задает лейтмотивную тему всего сборника – соединение в душе человека мая и декабря, любви и нелюбви, счастья и разлуки. Поэтому так много стихотворений о временах года, об их смене, об их влиянии на душу и состояние человека: «Вот и выпали снега...», Стихи февралю, «Какая долгая зима...», «Мне снился дождь в осеннем палисаде...», «Всю ночь

весна буянила...», «И стояла в березовой роще вода...», Роща в ноябре. Посмотрим, как описывается тот или иной сезон в сознании автора и в жизни лирического героя.

Осень предстает в жизни героя как некое переходное, пограничное состояние, отражающее высший накал в отношениях двух людей, двух влюбленных. Это связано, видимо, с тем, что и в природном цикле осень – пограничье, переход от буйного цветенья и разнотравья к умиранию, увяданию, смерти. Осень как бы проверяет влюбленных на силу чувства уже без романтических устремлений весны и страстных проявлений лета, осень – пора раздумий в отношениях и подготовка к затишью зимы:

*Мне снился дождь в осеннем палисаде,
и кто-то мне сказал: «Живите врозь...»
А я сказал: «Оставьте, Бога ради,
и вы, и сон, промокшие насквозь».*

<...>

*А я все спал под дождь и непогоду,
я был дождем, слезами и судьбой,
не зная, что ходили мы под Богом,
и ты, и я, и жалкая любовь («Мне снился дождь...», с. 26)*

*Продуто, горестно в душе...
И меж ветвями, меж годами
лист на последнем вираже
еще кружит, не опадая.*

*И мир, продутый до краев,
гудит по-прежнему от ветра,
а запоздалая любовь
не дождалась еще ответа (Роща в ноябре, с. 56)*

Зима же, вслед за осенью, входит в душу, в отношения влюбленных отчуждением, непониманием, сомнением, которые долгою зимой необходимо преодолевать:

*Нет тише этой тишины
под снегопадом.
Шаги на улице слышны,
как будто рядом.*

<...>

я слышу полуночный сад,

*тот сад, в котором
двух разных женщин голоса,
как две валторны,
звучат согласно, без вражды,
былого горя,
на краешке одной беды
друг другу вторя* («Нет тише этой тишины...», с. 14)

Весна, так же, как и в природном цикле, в отношениях влюбленных символизирует новый виток отношений, новые горизонты, надежды и возможности, что проявляется в строчках таких стихотворений, как «Стихи февралю», «Всю ночь весна буйнила...», «...И стояла в березовой роще вода...». И лето проявляется не только как буйное цветение и жара, страсть, что происходит в природе, но и как гармония в отношениях, как возможность гармоничного диалога между влюбленными. Можно обозначить такие стихотворения, как «Деревенский роман», «Может, фортуна дудит на трубе...».

В целом, поэтический сборник А. Каткова «Сирень» оставляет светлое чувство торжества любви, даже, если любовь бывает горестна, несчастна, обманна, трагически печальна, она оставляет свой след в жизни человека, остается мудрость, знание, умение прощать. Для поэта любовь вдвойне значима, она оставляет после себя строчки, слова, стихи: «...и роняю, как тополь листву, / запоздалые четверостишья / в прорастающую траву...».

Поэтический сборник «Россия, моя Берегиня...» имеет концептуально итоговый характер. Кроме стихотворений предшествующих лет (например, предыдущий сборник «Сирень» входит полностью как раздел) представлены стихотворения последнего пятилетия для творчества поэта (2005-2010 гг.). Читая стихотворения последнего периода, понимаешь, насколько тяжело дается поэту «переходный» период в культуре, истории, общественной жизни России. Названия стихотворений, вынесенных на первые страницы сборника, выражают смятение, разочарование, боль поэта от происходящих в стране перемен. «Разрушилась страна, а я остался цел...», «Проживаем в годы позора...», «Немой – не расскажет, глухой – не услышит...», «ад крошечный, и все же – Россия», «Это мы, Господи, ненавидящие друг друга...», «Как

прожить в этом мире без горя и грусти...» и другие. Может быть, это уже не имеет отношения к стихам, скорее это рифмованная публицистика, и сам поэт признается «не поэт я уже, не поэт», но настолько честен и справедлив в стихах Катков, что, безусловно, создается ощущение продолжения традиции Маяковского, Евтушенко, Вознесенского, лирики социальных эмоций. Однако современная Россия не только нищие старики, распад, спивающийся народ, но поэт фиксирует и иные состояния, личные, индивидуальные и социальные. Во-первых, это многие стихотворения, воплощающие память лирического субъекта-поэта, память о родителях («Отцу», «Я вернулся в цветенье отцовского сада...», «Мама», «Дома»), память о малой родине («Это родина – синие ставни...», «А в этом доме пахнет отчим домом...», Деревенские похороны), память о стремительно уходящем времени («Где это время? Никто не ответит...»), память о дорогих людях, о поэтах и писателях («Голос Беллы», «Смерть поэта», «Памяти поэта», «Писателю Бондареву»). Во-вторых, стихи о себе, о своем месте в реальности, такой меняющейся и тяжелой. Можно утверждать, что это, во многом, медитативная лирика, размышляющая, философствующая о месте поэта, равнодушного индивида в мире (Поколение, «Надоел мне белый лист...», «Стихи даются, но не всем...», Судьба, «Уже моя седеет голова...», «Я себя приберег для побега...»). В этом контексте актуально последнее стихотворение сборника «Время гудит, но свечу не задует...». Оно подводит итог не только размышлениям поэта о судьбе России настоящего, судьбе человека во времени и истории, но и становится современным молитвенным словом, просящим о сохранении души родины, человека и возлюбленной:

Время гудит, но свечу не задует.

Я говорю потаенностью слов:

«Боже, храни ее душу святую

Ныне и присно, во веки веков!

Ты же все можешь! Возьми на поруки

Средь оглашенной вселенской пурги!

И за моленья, за Веру и муки

Женщину эту побереги...».

1.5.6. Очерк творчества А. Ибрагимова (род. в 1947)

Александр Гумерович Ибрагимов родился в 1947 году в д. Спиченково Кемеровской области. Школу закончил в городе Кемерово в 1965 году. Стихи пишет с 17 лет. В 1974 году заочно окончил филологический факультет Кемеровского государственного университета. Первая книга стихов «Буквы одуванчика» вышла в свет в 1976 году. С 1993 года руководит творческой мастерской «А3» при Кемеровском государственном университете. Литературный редактор журнала «После 12». Член Союза писателей России. Публикации: Буквы одуванчика. Стихи. – Кемеровское кн. изд., 1976. Пусть будет каждому любовь. Стихи. – Кемеровское кн. изд., 1983. Тело судьбы. Стихи. – Кемеровское кн. изд., 1990. Моя трава зеленоглазая. Стихи. – Кемерово: Изд-во «Сибирский родник», 1994. Это лето всех лет. Стихи. – Кемерово: Изд-во «Азия», 1997. Крест русского четверостишья. Стихи. – Кемерово, 2002. Избранные стихи. 1966-2011. – Кемерово. Творческая мастерская «А3», 2012. Публикации в коллективных сборниках «День поэзии», «Дыхание земли родимой», «Дороже серебра и золота», «На родине моей выпали снега...», «Пять стихотворений о любви».

Размышления о поэтическом сборнике 2012 года «Избранное». Художественный мир поэзии А. Ибрагимова строится в основном на форме четверостишья. В этом смысле можно утверждать, что поэт продолжает традицию русской лирики, особенно характерную для Серебряного века и поэзии О. Мандельштама. Четверостишье – форма емкая, позволяющая вместить очень короткие, но глубокие мысли. Например, четверостишье «28 апреля 1947 года», посвященное дню рождения поэта:

Я родился в раю – рай ютился в аду.

На весеннем обрыве войны – жгли ботву, как во сне...

И звенел Млечный Путь о ведерко в апрельском саду,

И парным молоком облака розовели в окне.

Мы видим и ситуацию вхождения в жизнь послевоенного поколения, связанную с недоеданием, последствиями войны, бытовым неустройством – все это определяется емким словом «ад». Но поэт фиксирует и ощущение чуда рождения, новый человек приходит в мир, и мир отзывается звоном Млечного Пути, апрельской каплей, розовеющими облаками в небе. Ребенок связан со всем бытием, и с бытом, находящимся в горизонтальной плоскости («жгли траву...»), и с круговоротом планет, созвездий, времен года, находящимися в вертикальной плоскости. Ситуация рождения оказывается универсальной для каждого отдельного человека. Подобный универсализм находим и в четверостишии о любви, и в четверостишии о поэте:

Ему Ее любить,

А Ей не в том столетье

Случайно обронить

Перчатку на паркете...

Время, столетье, эпоха неважны, когда речь идет о любви, поэтому оброненная перчатка может быть знаком любви как в 19 столетии, так и в 20, и в будущем.

ПОЭТ

Сначала писал стихи всему человечеству.

Затем единственной – только Ей.

Потом – для птиц... и у жерла вечности

Книгу издал для души своей.

Поэзия души оказывается важна только для самого поэта и немного для вечности.

Универсальным категориям творчества, любви, природы, смерти посвящены такие четверостишья, как «Ясной смерти хочу...», «Смирись, смирись...», «Все, о чем мы писали – свершилось!».

Но помимо формы четверостишья, в поэтическом сборнике «Избранное» представлены и «большие стихотворения» (по обозначению И. Бродского). Это «Небо поэта», «В пресолнечном лесу», «Таежная Палестина», «Похороны Пушкина», «В день Иоанна Крестителя» и др. В указанных текстах центральными темами и мотивами становятся мотивы веры, любви, восхищения и любования природой, творчества, памяти о поэтах. В конечном

итоге, поэзия Ибрагимова затрагивает именно универсальные категории и мотивы существования человека в реальности.

1.5.7. Очерк о Н. Колмогорове (1948-1998)

Николай Иванович Колмогоров – поэт, член Союза писателей СССР с 1984 г. Родился в 1948 г. в г. Кемерово. После окончания восьмилетней школы (1963 г.) учился в Кемеровском музыкальном училище, служил в армии, был литсотрудником многотиражных газет, сплавливал лес по сибирским рекам, работал и жил на Чукотке, в Средней Азии, на Алтае. Стихи начал писать в школе, посещал семинары молодых поэтов (Кемеровское творческое объединение молодежи). Окончил Высшие литературные курсы (1987). Входил в состав редакции литературно-художественного альманаха «Литературный Кузбасс». Жил в городе Кемерово.

Литературным дебютом была публикация стихотворений в «Огнях Кузбасса» (1973, №3). Печатался в альманахах и журналах: «День поэзии», «Земля Кузнецкая», «Сибирские огни», «Наш современник». Ведущими в поэзии Н. И. Колмогорова являются онтологические и натурфилософские темы и мотивы, соотносимые с философско-онтологическими идеями XX века (Н. Ф. Федоров, В. И. Вернадский). В раннем творчестве заметна перекличка с лирикой Б. Пастернака, Н. Заболоцкого. Человеческая жизнь в опыте лирического героя Колмогорова предстает как бесконечный процесс расцвета и ухода в «бездны природы», после которого происходит обновленное возвращение в многообразных формах живой материи природы. Эти идеи поддержаны импрессионистичностью стиля, тонкими свежими деталями пейзажей: «пихтач, жарко протопленный летним солнцем», «надломы гулких гроз», «Береза, как белая лира, собирает скворцов голоса» и др. Мир природы увиден цельным, единым в неспешно сменяющихся временах года, закатах и восходах, в чередовании летних ливней с тихими предосенними небесами. Богатство цветовой, пластической метафоры соседствует в поэзии Колмогорова с многозвучьем услышанных голосов природы –

щебет и пение птиц, жужжание пчел, шум прозрачной листвы, «подспудный гул земли». Ощутимая телесность природного мира, его общая жизнь соединились в лирике Колмогорова в мифопоэтический образ «дома природы» с «травяным окном», с «голубыми ставнями леса», с «широкой столешницей пня», где можно «арбузом лето разломить» и где оказываются близки по смыслу «путь земной» и «тропинка вдоль реки». Поэтическое творчество для лирического героя является открытием этого «дома природы», а рожденное поэтическое слово, как узор, оправит и завершит «чистый облик мира».

С натурфилософской темой тесно связаны в поэзии Колмогорова национально-патриотические мотивы. Его лирический герой ощущает свою принадлежность к большому русскому миру с его легендарно-историческим прошлым, соединяя в своей душе дальние северо-восточные края, сибирские просторы и древние славянские земли. Ритмо-мелодический рисунок лирики Колмогорова нетороплив, заметно тяготение к трехсложным размерам, к верлибру, соединенное с почти обязательной афористической законченностью финала. Лирика

Н. И. Колмогорова отмечена в рецензиях и литературно-критических оценках центральной журнальной прессы, которая отнесла творчество поэта к «есенинско-рубцовской традиции».

Сочинения: На землю светло. Стихи. – Кемерово, 1977; Дом. Стихотворения. – Кемерово, 1983; Травяное окно. Стихи. – М., 1983; Пора кучевых облаков. Стихи. – М., 1990; Хлеб исканий. Кемерово, 1993.

1.5.8. Очерк творчества Д. Мурзина (род в 1971 г.)

Мурзин Дмитрий Владимирович родился в городе Кемерово 28 апреля 1971 года. Окончил математический факультет Кемеровского государственного университета. Долгие годы был сотрудником молодежного литературного журнала «После 12», писал стихи. В 1998 году поступил в Литературный институт на семинар Игоря Леонидовича Волгина. Закончив институт, вернулся

в родной город, 10 лет работает ответственным секретарем журнала «Огни Кузбасса», ведет литературную студию «Светлица», руководит литературной студией «Притомье». Член Союза писателей России. Публикации: «Белое тело стиха». – Кемерово, 1997. «Ангелопад». – Кемерово. 1999. «Полноценный валет». – Кемерово, 2001. «Носитель языка». – Кемерово, 2006. «Клиническая жизнь». – Кемерово, 2010. Участвовал в сборниках стихов: «Площадь Пушкина», «Поэты Кемеровского университета», «Дороже серебра и злата». Журналы: «Москва» (2002 г. №12), «День и ночь» (2004 г. №1-2, 2006 г. №1-2, 2007 г. №5-6, 2008 г. №1), «Наш современник» (2008 г. №3, 10).

Отзыв на книгу Д. Мурзина «Клиническая жизнь». Необычный, странный заголовок и очень тревожный; обычно эпитет «клиническая» сочетается со словом «смерть». И в сборнике смерть, к сожалению, занимает немало места. Да, наше общество нуждается в исцелении от жестокости, равнодушия, алкоголизма, наркомании и... Диагноз поэта-исцелителя нам известен: духовная деградация. Но каждый рассказывает о ней по-своему.

Сборник начинается с безобидных, полушутливых стихов. В «светлых аллеях» «лирическому герою не хватает лиричности». Следующее стихотворение тоже начинается с шутки: «Давай я тебя выдумаю»; и выдумывает «лукавые глаза», «непослушные волосы», «веснушки». За шутками следует вполне серьезное обращение к Господу:

*Не дай мне, Боже, власти,
Чтоб тираном я не стал...*

Чтобы не отведал славы, не стал капиталистом... Ему хочется дарить людям свои книги... Стихи немало рассказали о своем авторе. Что он ценит в жизни? Любовь. Правда, пишет он не только о любви настоящей, светлой, чистой. «Где тонко, там и лирика», – читаем мы и соглашаемся. Трогают душу вопросы сына:

- Почему «девятый» вал?

- А куда уходит лето?

К сожалению, любовь не вечна, она, как и все на свете, умирает. Сначала розы, поцелуи. Но клинический диагноз наготове:

- Да она же тебя бросит!

Зачеркнет! Перелистнет!

Выставит за дверь. Своеобразно сказано о любви в стихотворении «Я помню чудное мгновенье». Начинается со знаменитый пушкинской строки, но вдруг появляется «И два неполных...»

-Бывает, что разлюбила и ушла...

Бывает, что не любила и ушла...

А без любви жить страшно и грустно... Тоскливо... И жизнь без друзей тоже не жизнь...

Исчезает, умирает дружба между народами. Остались, как пишет поэт, – «фонтан и журнал».

Слово «жизнь» наполнено контрастами: ее не бывает без измен и разочарований, «На одной грядке растут и рододендрон и адреналин». Это поистине немыслимый сад, в котором «гортензия с претензией цветут», где есть прекрасное и не очень... И все смертно. Смерть идет по пятам человека, у которого болен дух. Это подтверждают ключевые слова: «тоска», «похмелье», «мерзостный», «все кое-как», «пиво», «темень». Опорными являются слова «любовь», «солнце», «заря». Но душевно и духовно больному человеку некогда любоваться зарей и солнышком.

Что убивает душу? Ответ в стихах. Откроем «Рыбный день», где «рыба-коньяк» и «рыба Агдам», «рыба-фонарь» и «бодун» и еще одно последствие – «рыба-чугун». Описав «жизнь пьяницы», поэт делает горький вывод: жалко, конечно, что «рыба СЕЙЧАС съела рыбу ДАВНО». Человек на наших глазах перерождается под влиянием алкоголя. Гибнут и талантливые люди. Мастер пропивает мастерство:

... Пушкин строго смотрит на пиита:

Жив ли этот, «хоть один пиит»?

Ответ в заглавии сборника: он болен. «Мастер пропивает Маргариту». У музыкантов то же самое.

Образ больного мира – одна из главных тем сборника, раскрывается он и в стихотворении, где мчится скорый поезд, выпавший из расписания (тоже трагичный образ). «Чай, кроссворд, вагон трясется...за окном леса, поля»... Важен для трагичного конца и образ «ненужного радио» в душном вагоне и почти

привычная картина: «умерший от счастья пассажир» на боковой полке в купе.

Конечно, все умирает: водолаз, дерево, цветок... Но человек-то почему сам себя загоняет в могилу? Даже слово «сон» сочетается с эпитетом «гриппозный».

Жизнь богатых, их стремление разбогатеть бессмысленно: «все, что нажито здесь, лишь пепел и дым». Туда ничего не взять. Там взятки не берут. Не случайно в некоторых стихах рядом человек и звери, птицы, животные. Читатель невольно сравнивает их. То человек похож на заблудшего, отставшего от стаи попугая, то на глупого пингвина, то на ползающего ужа или удава... Вместо того, чтобы летать, ползает... Но, может быть, поможет врач? Способен ли он помочь?. Во – первых, он пишет о живом «мертвым языком»:

*Как выживет больной,
Когда язык накрылся?*

А доктор этого не чувствует. Из-за почерка не прочитает диагноз. И потом: «врач пишет, высунув язык». Он сам «мертвей латыни», и сам нуждается в лечении...

Образ страны раскрывается по крупницам почти во всех стихотворениях:

*Все наизнанку...
Не разберешь, где стрижено, где брито...
Друзей не отличаешь от врагов...*

С болью поэт говорит о стране и описывает пейзаж («хмурые рассветы», темень, «Умирает лето»), который дополняет клиническую жизнь, или уже и не жизнь, а постепенное умирание...

Лирический герой. Самокритично подошел к его созданию поэт, лишил внешней яркой красоты, богатырской силы, стройности. Но читатели видят и ценят его бескорыстие в мире, где все больше людей стремится к наживе. Поневоле поверишь в победу зла.

Философские мотивы касаются всех областей жизни, ставшей и впрямь «клинической». Что у нас растет? Прибыль, очень медленно – зарплата и пенсия. Растет преступность, смертность,

нация гибнет... Как тут не бить тревогу? Удручает и нас, читателей, и поэта «случка»: американ-дрим с русским «давай».

Особенностью поэтики Дмитрия Мурзина является постоянное обращение к стихам гениальных русских поэтов и к русской истории. Не видя выхода, не понимая, как можно спасти Россию, поэт решил, что единственный выход: война. Она очистит душу человека от всего мелкого, суетного, ничтожного, как уже было в 1941 году, когда преступники погибали за Родину наравне с другими...

Москва! Разруха во дворах,

Фасад пригож...

Держава потеряла стыд и страх...

Москву спалит какой-нибудь капрал...

В Москве и Блок уже однажды забывал

О доблести, о подвигах, о славе...

И поэт допускает самое неожиданное и трагическое решение: вновь спалить Москву, чтобы опомнились люди и занялись делом. Появляется в финале стихотворения перед Наполеоном Кутузов и отдает приказ:

Ах, генерал! Спали Москву!

И уходи любой дорогой!

Но все-таки странно звучит надпись на дверях «Офис закрыт. Офис ушел на фронт». Поэт верит, что это защитники Родины. Новая война, новый образ врага и новый будет создан роман: «Проданы и убиты». Многие напоминает нам это название. И похоже оно на горькую книгу В. Астафьева «Прокляты и убиты».

Любого поэта, как мастера слова, волнует тема творчества, судьба искусства, русской национальной культуры и нашего многострадального русского языка, который с каждым месяцем (не только годом) теряет свою «русскость», свои истоки, свое богатство, о чем стихотворение «Носитель языка».

1.5.9. Антология «Русская сибирская поэзия»: опыт прочтения.⁷

---

⁷ Данные размышления в виде рецензии были напечатаны: Ходанен Л. А. Рецензия // Огни Кузбасса. 2010. № 1. С. 160-165.

«Русская сибирская поэзия. Антология. XX век». Стихотворения. – Кемерово, 2008. Автор и руководитель проекта Б. В. Бурмистров. В книге, выпущенной Союзом писателей Кузбасса, собраны лучшие произведения сибирских поэтов, написанные за столетие существования литературного движения в этом огромном российском регионе. Представлены поэтические голоса почти всех областей за Уралом – Алтай, Новосибирск, Томск, Кемерово, Тюмень, Красноярск, Иркутск, Хабаровск, Чита, много стихотворений из близлежащих краев – Якутия, Таймыр, Магадан, Дальний Восток, Камчатка. Идея создания антологии принадлежит Виктору Петровичу Астафьеву. На одной из встреч «Русской провинции» в Дивногорске он горячо поддержал предложение кемеровских участников объединить поэтов Сибири. «Идея хорошая, вам ее и воплощать», – так заключил он свое выступление. Обращение не было случайностью. В. П. Астафьев с большим уважением относился к кемеровчанам и считал, что в Кемерове сформировалась лучшая поэтическая школа в Сибири. В течение пяти лет кемеровские поэты и издатели областной литературной прессы – Б. В. Бурмистров, В. П. Баянов, С. Л. Домбай, став членами редколлегии, собирали и отбирали для антологии стихотворения из присланных поэтических книг, рукописей, журнальных публикаций. В антологию включены стихотворения известных поэтов, Павла Васильева, Владимира Измайлова, Игоря Киселева, Леонида Мартынова, Иосифа Уткина, Василия Федорова, Ильи Фoniaкова, творчество которых давно стало достоянием русской лирики XX века. Есть и знаменитые песенники – Василий Пухначев с его неувядающей хоровой «Над широкой Обью...» и новосибирец Геннадий Карпунин с полюбившейся туристам «Синильгой». Сибиряки по рождению, воспевшие родной край, все они постоянно возвращаются к сибирским мотивам. В творчестве этих лириков сформировался поэтический образ края с его бесконечной тайгой, могучими реками и горными кряжами, омываемого на Севере студеным океаном, на юге распахнутого азиатским желтым степям Кулунды, а на востоке первым освещенного солнцем, встающим над Россией. Большую часть книги составили стихотворения ведущих авторов,

получивших признание в литературном процессе Сибири. Их много и назвать, никого не обидев, трудно. Поэтому в оценке антологии попытаемся выделить общие для сибирской поэзии мотивы, которые ее отличают, придают ей особый колорит. Несомненно, что лирика как род литературы чаще всего обращена к общечеловеческим темам, но за ними всегда стоит неповторимость индивидуального чувства, отдельная судьба, всплеск яркого переживания. Сибирские нотки в антологии звучат явственно и наполненность их очень разная, конечно, не сводимая только к природным отличиям Сибири от средней полосы России.

Какой же предстает Сибирь в поэтическом слове о ней, сказанном за целое XX столетие? Поначалу даже трудно наметить особую парадигму мотивов и образов, поскольку стихотворения расположены, что называется, не по краям и областям, не по движению из центра на границы, а просто по алфавиту. Уж хвалить или ругать составителей за это, не знаю. Но, видно, у них была своя задача. Предположим, что им хотелось все буквы от А до Я вставить, ни одной не пропустить, чтобы убедительно просматривалась толщ сибирского литературного процесса. Но этот простейший замысел в чтении открывается немного по-другому. Внутри практически каждого «буквенного» раздела возникает своя малая поэтическая история и география Сибири. В антологии представлены своими стихотворениями фронтовики и ссыльные многочисленных сибирских сталинских лагерей, строки которых почти не услышаны при жизни. Значительнее всего заявили «поэты-семидесятники». Они пришли в поэзию, когда стала отчетливо формироваться сибирская ветвь русской литературы с её большими именами – В. Астафьев, А. Вампилов, В. Распутин, В. Шукшин. Есть в книге и совсем молодые авторы, а иногда и дебютанты, почти неизвестные за пределами сибирских городов и областей начинающие поэты, в душах которых плодоносное зерно лирического слова только начинает оживать и прорастать свежими строками-побегами, есть и лирически пережитые эпические образы алтайского, эвенкийского, чукотского фольклора.

Откроем наугад вторую букву русского алфавита – сорок два автора. Внутри раздела история сибирской поэзии XX века вспоминается в отдельных именах и строках. Есть старшее поколение. Евгений Буравлев – прошел войну, стал поэтом позднее, в зрелые годы, возглавил молодой Кемеровский Союз писателей. Тоска о невозвратном детстве («Кто вас выдумал, острова...») перемежается в его лирике с зарядом оптимизма, которым не могли не жить эти победившие сильные люди. Борис Борин (Блантер), тоже фронтовик, возвращается мысленно в первый день войны, когда еще «не контужен, не ранен, он шел в голубой полумгле» цветущего летнего поля. Борис Богатков, новосибирец, совсем молодым поэт погиб под Смоленском за Гнездиловскую высоту, успев оставить только поэтическое завещание гвардейца: «Тяжко знать, что моя Россия / От того леска – не моя ...». А рядом в этом разделе, на эту же букву – кемеровчанка Марина Брюзгина, совсем нынешняя, с молодым восприятием жизни: «Для тоски моей причины нет, Я еще не ведала разлуки...». Любовь к окружающему миру, к природе у нее иная, с какой-то экологической ноткой («Нет на планете чудесней чудес, Чем эти облако, озеро, лес...»). Видимо, это какое-то общее свойство молодой лирики, представленной в антологии, – не восторженное, а грустноватое любование природой, иногда как будто уже исчезающей: «У компьютера три хризантемы, Черный кактус, багет и стекло. Где мы, милая, все-таки где мы? И зачем так по-детски светло?» (Владимир Берзьев).

Следом за сильными взрослыми строками удивительно нежно и как-то по-домашнему тепло читаются стихи для детей Александра Береснева. Мир ребенка, совсем крошечный, говорит своими родными маленькими словечками: «К червячку стучится дятел, ... Испугался червячок, Запер двери на крючок».

Перелистываем дальше. Буква К, традиционно самая частая для русских фамилий, – 73 автора. В чтении этого раздела можно уже понять, какие же сибирские уголки «статистически» наиболее поэтичны, какая земля сибирская больше родила поэтических строк о ней? И хотя, конечно, числа в поэзии – дело десятое, но стоит отметить, что, кроме кемеровчан, которым по праву издателей предоставлен страничный простор – в одной букве – 13 авторов,

выделяются многоголосья Томска, Новосибирска, Барнаула – почти по десятку поэтов. Есть и одинокие голоса – С. Климович (Таймыр), Г. Курилов-Улуро-Адо (Колыма), А. Кымытваль (Магадан). Если не считать, что приглашения в антологию в областных творческих союзах не всегда были услышаны, поэтические топосы самые мощные на Алтае, в Томске, в Западной Сибири. Конечно, можно говорить не о школах, а, в большей мере, о землячествах, братствах, скрепленных в поэзии неповторимым обликом каждого из этих пространств обширного Зауралья, центра Сибири, Дальнего Востока.

Сложившуюся традицию – прочесть сибирскую тему как гимн первозданной могучей природе и ее покорителям – представленный корпус поэтических текстов существенно дополняет, потому что, во-первых, выделяются урбанистические образы – сибирские старинные города – Омск, Томск, Красноярск, Иркутск, малые городки и деревни, окна которых распахнуты в таежные околицы, в разработанные поля, а также наши далекие бескрайние границы на север, к снегам и тундре, на восток, к океану.

Заметнейший топос в художественном мире книги – иркутский. Старинный город, как пишет Анатолий Кобенков, «прожитый, прочтенный и пережитый», с декабристских времен. Каждая его старая улочка напоминает о державных и свободолобивых героях, о кровавых событиях гражданской войны. А центр этого малого сибирского мира – Байкал и дочь его, строптивая Ангара, «старыми легендами повитая» (И. Луговской). В строках иркутянина Марка Сергеева байкальская панорама увидена глазами поэта, ставшего на миг скульптором, музыкантом, инженером, чтобы увидеть великий Байкал во всей грандиозности природной мощи, в которую уже вплетен голос властно покоренной ангарской воды:

*Лесистых гор полуотвалы,
Касанье голубых лекал,
И скалы, срезанные валом,
И небо, павшее в Байкал,
И сам – он величав и вечен,
В гранитной раме вырезной,*

*И весь до доньшика просвечен,
И весь, – до капельки – родной.
И Ангары полет строптивый,
И ветра крик, и гул турбин,
и птицы – сосны над обрывом,
И дикий ветер Баргузин...*

Томский край в стихотворениях Н. Игнатенко, А. Казанцева, М. Карбышева, В. Колыхалова, Д. Коро, Б. Климычева, В. Лежнева, А. Рубана, А. Цыганкова, Н. Хоничева таежный, холодный, замирает в зимнюю стужу, преображаясь летом в ароматах таежного разнотравья, лечащего душу и тело. Здесь рождается целая симфония «томского леса с кедрачами на холмах», где «прикрыла трава сладкий лепет лесной земляники». В поэзии томички Ольги Комаровой создан настоящий зимний поэтический миф о Севере, о Снежной Волчице-владычице «холодных и крылатых» снегов, «панцирем льда» покрывающих все живое. Лирическая героиня ее грезит снами о северной русской женщине-сибирячке, поющей среди полночных снегов:

*По над Обью путь наш вился,
Между вешек занесенных
По-над панцирем ледовым
Богатырской мать-Оби...
А Вокруг Волчица выла,
вон – Варьеган, вот – Весьган
И луна туманным оком
колдовала долгий путь.
Только голос человеческий
Рассекает это панцирь,
Человечий голос женский,
да горячая слеза.
Только песне Север дикий
Подчиняется пространством,
Только вздрагивает шкурой
Да колючкой бьет в глаза...*

Алтайское поэтическое братство, в котором соединили свои поэтические строки А. Адаров, В. Башунов, Е. Безрукова, И. Мордовин, Г. Володин, С. Вотрушин, О. Гришко-Юровская, А. Ередеев, А. Зуев, В. Казаков, Л. Козлова, Л. Кокышев, В. Крючко,

В. Куницын, В. Нечунаев, В. Тихонов – еще одна замечательная глава антологии. Размах пространства совсем иной, вертикальный. Здесь есть горные вершины и перевалы, над которыми светят холодные звезды Горного Алтая и слышны мелодии протяжных казачьих песен, напоминающие о прошлых временах первых переселенцев. А в «месяц марала», сентябрь, загорается медленный жар пламенеющих горных ягодных полей. У каждого сибирского края есть своя сердцевина, могучая и сильная река, как ось, а лучше, как артерия этого края. Вдоль нее первоначально обосновывались переселенцы из России. Символ Алтая – стремительная ледяная Катунь:

*Раскрасавица изумрудная,
по характеру неподступная,
то вдруг буйная,
то вдруг тихая,..
ожерельем скал
опоясанная (Наталья Македжанова).*

Алтайская земля – «прародина великих тюрков» и в поэтическом образе этого края с его цепями гор, валунами и скифскими курганами есть ощущение великой связи древних цивилизаций – Эллады, Великой Степи, Скифии. Поэты-алтайцы Георгий Кондаков, Лазарь Кокышев, пишут об Алтае, «где говорящий камень», «где знает тайну древнюю курган», где было «время Пазырка в долине Челумшана», а в XX век мудрость предков «дошла лишь в песнях», в шёпote листвы и в «громов грохотанье». Национальный миф просвечивает в этих метафорах, пережитый в индивидуальном поэтическом образе, освеженный любовью потомка великих народов:

*Алтай – целебная вода,
Алтай – Цветущая трава,
Гор белоглавых череда,
Нетленные слова.
О солнце Азии, согрей
Покой моих земель.
Алтай – в руках богатырей.*

Народов колыбель (Таныспай Шинжин – народный сказитель республики Алтай).

Примечательно, что, как и в пушкинские времена, поэтический быт барнаульского братства легко рифмуется Василий Нечунаев. В его бревенчатом доме ели огурчики с огорода и дрова запасали на зиму ныне здравствующие и уже ушедшие барнаульские поэты Вотрушин, Володин, Черкасов, Мерзликин, Юдалевич.

*Жил- был дом,
Зажигалась луна,
Под луною листва трепетала.
Можно к вам? – голосок у окна.
И в окно мое муза влетала.*

Поэтические образы Зауральской земли, Новосибирского обского простора, раскрывшего течением сильной реки ворота в холодный океан, енисейские крутые берега – эти символы повторяют характерные черты всего сибирского мира, Единый образ Сибири в многоголосом слове ее поэтов роднит ощущение мощи и силы. Мир этот уже *не завоевывается, не покоряется, а познается, открывается в своей красоте*, становится дорогим, родным в мельчайших ликах радостной, безудержно многоцветной летней красоты, в серебристо-жемчужных зимних просторах, где таежные леса наполняют голоса сибирских птиц, рев маралов, где глухариха выводит глухарят на солнечную полянку, а с толстой ветки сосны или кедра смотрит бусинками глаз золотой бурундучок или темно-медовый соболь как сама мудрость вековых деревьев тайги. Черты сибирской поэтической картины мира, которая прочитывается в антологии, дают возможность говорить о повторяющихся мотивах, образах, символах, которые отличают ее от среднерусской, воспетой в лирике великих поэтов. Мотивы желтой нивы, прозрачные леса, рощи, зимняя дорога в степи, лес и сад, синь, золото, бирюза и ангел как бриллиантовая слеза в перевернутом куполе неба, грозы и перлы дождевые, лунные пейзажи русских равнин, степей безбрежных колыханье, тихие плесы среднерусских рек и горизонты с маленькими куполами церквушек, деревеньки и усадьбы с садами и тенистыми парками. Как отличны от них поэтические миры сибирских лириков, размашисто-сильные, первозданные, в них присутствует мощная вертикаль, горная, скалистая, стремительное течение могучих рек,

стихии сибирской картины мира – словно прорвавшиеся напомнимшие о себе недра, упругие, своенравные, властвующие.

Но герой сибирской лирики остается причастен общим русским национальным ценностям. Родина у большинства поэтов, творчество которых представлено в антологии, – это родной дом в деревне, на окраине города, часто давно покинутый, но неизменно дорогой. Счастье – это возвращение в мир детства и чистых истоков жизни. Для многих лириков кемеровской школы именно этот мотив – один из любимых, повторяющихся:

*Мой дом деревянный на взгорке
С зеленым двором в глубину,
Дай снова оконные створки
Ударом руки распахну!
Пусть ветром надуются шторы
И щедро текут синевой
распадки, увалы, угоры,
Тайга и туман луговой!...*
(Николай Колмогоров)

С этими строками созвучны строки Валерия Козлова с его грустноватой лирической натурфилософией:

*Вернуться бы в давнюю осень
На крыльях уставшей души
Вернувшись, остаться и вовсе
В родной деревенской глуши,
Забывать про земные тревоги
В деревья и травы врати.
И чтоб ни тропы, ни дороги
Сюда никому не найти.*

Мир деревенского детства всплывает неожиданными образами-всплесками, память выхватывает их, облакая в удивительные поэтичные мифы, повторяющие круг земной времен года. Летний купальский огонь, способный подарить энергию солнца, всегда звал взлететь над ним, почти коснувшись, чтобы очиститься, преобразиться. Юные деревенские девочки, героини Тамары Рубцовой, интуитивно следуют этому ритуалу:

*Я начинаю что-то понимать,
Котенком полузрячим через годы –
Гляжу туда, где жив отец.
И мать.*

*Зовет на ужин нас из огорода,
Где три девчонки разожгли костер,
скидав туда подсолнухов бодылья.
И Галя – старшая из всех сестер –
Через огонь летает, как на крыльях.
А вслед за ней, свой страх преодолев,
Мы с младшей Верой пролетаем пламя,
Забыв, что ужин стынет на столе,
И жив отец, и бабушка, и мама.
Я сердцем отдыхаю в этих днях,
Куда дорогу память проложила,
Где живы те, кто так любил меня,
И Кем так долго я не дорожила.*

Космизм, пришедший в русскую лирику со стихами Ф. Тютчева, М. Лермонтова, В. Соловьева, А. Блока, по-особому отзывается в лирике Виталия Крекова. В художественном мире этого кемеровского поэта удивительно сопряжены почти патриархальное простодушное открытие мира и способность передать в своем слове величие мироздания, коснуться его изначальных основ:

*Там, где в погоду, в непогоду
Спаситель нищенствует с нами,
Люблю закаты и восходы,
Под кронами и облаками.
Ночь темная пройдет остудно.
Узор ветвей в предзимье четкий.
И наступающее утро
Работает каминной топкой.
И я опять, опять мечтаю
Уйти в мой край, что сердцу ближе,
Где светлый дух в пути познаю
И Церковь Божию увижу,
Где в тихом поле странник встречный
Прошелестит судьбою робкой,
Где далеко-далеко вечер
Работает каминной топкой.*

Любовь – одна из сокровенных тем поэзии всех времен и народов. Все давно сказано, воспето, оплакано. Герой и героиня, встреча и разлука, свидание и поцелуй, одежды, руки, глаза, цветы, одиночество и надежда. Но поэтическое слово о любви поистине

неиссякаемо. Чистая лирика любви явлена в антологии и «гендерным» своим лицом. В книге много женских прекрасных строк о любви и не меньше монологов-признаний о той единственной, которая дана судьбой, незабываема и навсегда стала музой. С разными традициями связаны стихи о любви. Поэтический авангард с загадочной суггестией проглядывает в лирике кемеровского поэта Александра Ибрагимова:

*Яснозеленая краткая ночь.
Яд одиночества слаще смиренья.
И невозможно себя превозмочь,
Чтобы не стиснуть запястья сирени...
Длится и длится летний закат –
Неуследимый и страннозеленый...
Если влюбленный не виноват,
То виноват только влюбленный...*

Неожиданная метафора, почти отсылающая к античным далям, многозначно играет в «Медее» Андрея Правды:

*Не знаю – насколько красива,
Но я-то уж точно нелеп.
Целуясь с тобою, счастливый,
От терпкого меда ослеп. ...
И меря на вкус и на ощупь,
Я словно катаю во рту
Густую и липкую рошу
Реликтовой липы в цвету....*

Многослойность уклада сибирской жизни более всего, быть может, открывается именно в любовной поэзии. Есть и великая судьба и простое согласие, потерять которые одинаково трагично. Новокузнецк, Кузнецк. Одна из знаменитых литературно-исторических страниц этого большого сибирского города – любовь Достоевского и Исаевой.

*Они обвенчаны, обвенчаны.
Она выходит на крыльцо...
Взгляните в скорбное лицо
Судьбу свою понявшей женичины.
Взор заслонила боль растущая,
Вздохнуть всей грудью не дает (Любовь Никонова).*

Антологическая подборка дает возможность почитать и разножанровые вариации любовной лирики. Есть почти

частушечные ритмы в строках иркутянина Анатолия Румянцева про деревенскую неразлучную пару:

*На пригорке дом да баня,
У больших ворот скамья.
Кто живет здесь?
Таня-Ваня.
Деревенская семья.*

Есть и замечательное по своей точной и ясной простоте намеченной балладной ситуации стихотворение Виктора Баянова «Анна»:

*Бойся, Анна,
Слушай, Анна,
И ушам своим не верь:
Кто-то громко, кто-то странно,
Незнакомо стукнул в дверь...
Только входит он сурово,
Словно кедр, высок и прям.
На щеке застыл свинцово
От медвежьей лапы шрам.
Знать, умаяла дорога
Через горы и лога.
Знать заметил у порога
след чужого сапога...*

Любовная лирика в сибирской антологии возвращает и актуализирует в памяти традицию тихой поэзии, почти погруженной в повседневности и почти всегда пронзительно неожиданной в открытии простого слова о вечно новом чувстве:

*Не жил и раньше не любя,
Но изменилось что-то...
«Люби меня, как я тебя»
Начертано на фото. ...
Не просветить поверхность слов
Тому, кто сам бежит их.
Воспринимал альбомный стих
Как пошлый пережиток.
Возник он в памяти, знобя... (Валерий Зубарев).*

В антологии мало гражданской лирики. Возможно, редакционный коллектив побоялся декларативности или не смог найти «сибирский» ее современный излом, далеко не простой и в

начале XX века, и в «шахтерские» 1990-е годы. Прямых резких слов о нашем времени сказано мало. Звучит боль о родных деревеньках, о стариках, оставленных, доживающих в ветхих домишках. Прорываются лагерные воспоминания, афганские, кавказские военные мотивы в поэзии последних десятилетий. Есть и прямые поэтические монологи о современности. Так, в поэзии кемеровчанина Александра Каткова лирический герой, не умолкая, вопрошает о нынешнем дне России, о смысле происходящих перемен: «Ужели ты, пропавшая страна, Была так непригожа и срамна? Ну почему тебя не заслони́л, да с чем я жил, да где я раньше был?». Эти же мысли звучат и в лирике Юрия Ковалева «Ломалась эпоха, как лед под ногами, ... Мы цели достигли, но вдруг оказалось, что счастья по-прежнему нет...». Поэтика лирического текста, в котором выражена гражданская позиция, конечно, не исчерпывается прямыми инвективами. Емкая и глубокая метафора, поэтичная дочь мифа, возвращает нам в плотной овеществленности лирического переживания особую почти философскую глубину постижения смысла настоящего времени, просвеченного архаикой мифа:

*Если сад превращается в лес,
Это значит, что запил садовник,
И тогда одичавший шиповник
Разрастается ввысь до небес.
И тогда он сцепленьем ветвей
Образует подобие круга,
И его круговая порука
Крепче ружей ночных сторожей.
И тогда он, шипы заострив,
Оцепляет свой сад, будто зону,
Где живет по лесному закону,
Каждый куст, будь он хром или крив.
И тогда он стоит на часах,
Свирепея в работе бессменной,
Охраняя свой сад суверенный
Не за совесть, но и не за страх (Сергей Самойленко).*

Примечательно, что у Нинели Созиновой, поэта старшего поколения, «лесная» метафора наполнена совершенно иными

смыслами и рождает иные исторические ассоциации XX века, выражая сознание другого поколения:

*Мое родословное древо,
Чью память в себе я несу,
Взрастало в могучем и древнем
Высоком российском лесу
И хоть обозначенный словом
Незыблем закон испокон
«в житействе земном и суровом
И лес во лесу не равен»,
А все же судьба ли судьбина
Не древу, но лесу дана:
Над кронами небо едино,
Земля под ногами одна....*

Сибирская история XX века проявляется не только в собственно поэтических строках, а также и в скуповатых биографических данных об авторах, собранных в антологии, среди которых много профессиональных поэтов, с многочисленными сборниками. Но многоголосую поэзию Сибири создают не только они, а журналисты, филологи, студенты, люди тяжелого труда – машинисты, шахтеры, шоферы, геологи, селяне. Издание «Антология. Русская сибирская поэзия. XX век» состоялось.

1.5.10. Поэтический портрет города Кемерово (на материале лирики кузбасских поэтов 1950 – 2012 гг.)⁸

Более полувека поэты-кемеровчане рисуют словесный портрет города Кемерово. Интересно, как со сменой десятилетий прорисовываются различные детали городского портрета. В лирике 1950-х годов М. Небогатова, А. Косаря сделан акцент на рабочем облике города. Кемерово – город мощных заводов и предприятий. В стихотворении А. Косаря «Кемерово» (1952) воспета «эскадра заводов» города: «Коксохим» с новой коксовой батареей, «Азот», ГРЭС.

На самом почётном

---

⁸ Данный раздел представлен в виде доклада и статьи: Карпова Г. И. Поэтический портрет города Кемерово в творчестве кузбасских поэтов // Балибаловские чтения: материалы VII научно-практической конференции, посвящённой 95-летию городского статуса Кемерово, июнь 2013 г. Кемерово, 2013. 300 с. С. 68-76.

*Заслуженном месте –
Могучий и статный завод-коксохим.
Здесь городу каждый рабочий известен,
Он рос,
возмужал
и прославился с ним (27; с. 37).*

В стихотворении А. Косаря «Кемерово» (1958) очерчена история города: от «домика-заимки, /За мелководной Искитимкой, /Что до сих пор ещё жива», к появлению селений («На правом берегу – Щеглово, /На левом – Кемерово – в ряд...»), от «уездного городка» до большого города («Размах от центра до окраин – /Как будто крылья у орла»). В финальных строфах поэт-журналист газеты «Кузбасс» поёт гимн производственной мощи города Кемерово:

*Хотя ты внешне прост и скромн,
Подобно жителям своим.
Твоих трудов итог огромен,
Запас богатств неисчисли.
От кокса, угля и лекарства
До удобренья и машин –
Всё для родного государства
Даёшь, Отчизны верный сын (27, с. 97).*

В стихотворении М. А. Небогатова «Зарево» (1952) поэт любуется огненным факелом «Коксохима» на фоне ночного неба (36). Однако уже в середине 1950-х годов среди мотивов поэтизации рабочего города начинают звучать и экологические темы. В стихотворении В. Измайлова «Насчёт дыма» (1955) рабочий завода отрезвляет восторженного поэта словами: «... товарищ поэт.../ Простите, конечно... / Но в этом дыму / Ни красоты, ни поэзии нет <...> /А вы воспеваете вредный дым, / Вместо того, чтоб бороться с ним» (16; с. 75).

Конечно, поэты 1950-х годов воспевали не только индустриальный пейзаж:
*Заводы в строю величавом
На левом его берегу,
Холмы терриконов на правом,
Деревья на каждом шагу (28; с. 129).*

Нашли поэты поэтические метафоры для реки Томь: «Широкая Томь, как серебряный пояс, / Его разделяет собой пополам» (57). Это строки из стихотворения Антонины Полозовой «Наш город» (1955). В 1950-е годы А. Косарь, Г. Молостнов, М. Небогатов воспели улицу Советскую (27; 34; 37), И. Сокол площадь Советов (59), Ю. Подсолонко – памятник Пушкина в Кемерове (56). Общий мотив стихотворений 1950-х годов: Кемерово – «свой город, свой радостный дом» (М. Небогатов «Наш город в обыденном стиле...»).

В лирике 1960-1970-х годов возникает образ быстро растущего, строящегося города-труженика. В стихотворении «Проспекты. Здания. Дороги...» И. М. Киселёва Кемерово предстаёт в облике строителя-прораба:

*В дожде, нечаянном и слабом,
Спускаясь вечером к реке,
Увидел я его прорабом
В брезентовом дождевике.
Но в то же время, между прочим,
Отлично зная, что почем,
Он был студентом и рабочим.
Шахтером, химиком, врачом (24; с. 146).*

Слова верности своему пока «нескладному» городу, в котором нет «ни тебе церквей, ни колоколен, ни архитектуры никакой», слышим в стихотворении И. М. Киселёва «Городу, в котором я живу» (26; с. 150). Поэт, видя перспективы развития Кемерово («Красота сегодня в нашем плане»), обозначает и негативные черты городской жизни, когда находясь в городской толпе, можно чувствовать себя одиноким:

*Кому кругом какое дело,
Что я устал, что ночь и грязь,
И сквозь меня толпа глядела,
И обтекая и дробясь.
И, отчуждёньем этим ранен,
В густой толпе, где лиц не счесть,
Я плыл, как инопланетянин,
Среди неведомых существ (25; с. 63).*

Утешило героя дерево («Своим спокойствием зеленым / Со мной доверчиво делясь»), а пенье птиц после дождя преобразует город в родной дом: «И город мне казался домом, Давно и прочно

обжитым!» Не принимает душа лирического героя И. М. Киселёва городскую суету, «где мчатся наши души, как белки в колесе», однообразие «квадратных кварталов, квадратных домов» («А всё же есть на свете...»), бездумные деяния жителей «дымного города» («Благодарю, земля, благодарю»):

Июньским снегом легоньким

Стояли на проспекте тополя,

Наполненные птицами и снами.

Теперь их нет.

Пошли на дым и хлам

Друзья, так долго преданные нам

И так поспешно преданные нами... (26; с. 147)

В 1970-1980-е годы с лирическими поэмами о городе выступил поэт-эколог Г. Е. Юров: «Прощай сосновый бор» (1975), «Мы все перед рекою виноваты» (1975), «Притомье» (1977), «Песня о городе» (1978), «Планета «Кемерово» (1985) и др. Замечая, что «иссяк родник,/И что над ним повысыхали сосны» («Песня о городе»), поэт обозначает свою главную поэтическую миссию в стихотворении «Я – сын реки...»: «Я – речь реки. /Я – зов к людскому разуму и воле. / Я – боль реки и врачеватель боли» (78; с. 159). Судьба города Кемерово осмыслена Г. Е. Юровым в «Песне о городе» как личная судьба поэта-гражданина:

Пора, пожалуй, голову склоня,

Признаться с благодарностью сыновней,

Что этот город создавал меня,

Выстраивал по своему подобию (77; с. 145).

У города Кемерово особая судьба в военные годы: «Мой город в дыму захлебнулся, / Чтоб мир облегчённо вздохнул» (77; с. 73). В мирной жизни задача поэта, чтобы в г. Кемерово «исчезнуть дымам». Однако скоро решить экологические проблемы города не удаётся. Горожанин поэта В. Зубарева, «пропахший в шлакоблочной конуре болгарским табаком и пылью книжной», оказывается одновременно «природолюбом и природогубом»: «Никак не могут догубить влюблённо всё, что – губя! – клянутся уберечь». Кемерово в стихотворении В. Зубарева «Горожанин» (1988) – город страдающий:

дитя индустриальное, кряхтя,

мешает дым с дыханьем

тополиным.

Мешает дым со вздохом

Ермака

до Шории... и снова до Урала:

– Эх, Томь!.. И ты, голубушка река,

голубенькое платье

измарала... (13; с. 170-171).

Преданным певцом г. Кемерово выступил в 1970-1980-х гг. архитектор и поэт С. Л. Донбай: «Стихи о новом жилом районе в г. Кемерово» (1977), «Конный базар» (1977), «Городской двор» (1981), «Соцгород» (1982), «Кемерово» (1984), «Притомская набережная» (1984), «Воспоминание о кинотеатре «Москва» (1987) и др. Стихи о городе Кемерово позднее составят целый поэтический сборник С. Л. Донбая «Мы нарисуем город словом» (2008). В стихотворении «Кемерово» представлена панорама города с его главными достопримечательностями: Советский проспект, площади

А. Пушкина и М. Волкова, драмтеатр, горсад, набережная и пр.:

Мы нарисуем город словом:

И Томь-река войдёт в строку,

И старенький трамплин в сосновом

Бору на правом берегу.

И в небе «лисий хвост» заметно...

И облачность густая над

Рекой Советского проспекта

Впадающей в хилкомбинат (11; с. 47).

Поэтическая летопись С. Л. Донбая зафиксировала перемены в городском облике:

По берегу Томи ограда

Бежит (её мне рисовать

В проекте довелось когда-то).

И набережной не узнать:

Гремучей лестницы не стало,

Она давно пошла на слом,

Ушли пловчиха с пьедестала

И гипсовый спортсмен с веслом (11; с. 48).

Река Томь является архитектурным стержнем городской застройки, она определяет облик города Кемерово, её во множестве стихотворений воспели кузбасские поэты (В. Махалов, автор гимна

г. Кемерово, В. Баянов, М. Небогатов, А. Катков, Т. Страхова и др.). Новые реалии города рубежа XX-XXI вв. запечатлены в лирике Б. В. Бурмистрова: храм («Стекает с купола туман...», 1999), рекламные плакаты («Зимняя ночь в Кемерово», 2001), бомжи («Бомж», 2009) и др. (6; с. 207, 281).

В лирике кемеровских поэтов XXI века сохранилась любовь к своему городу. В стихотворении А. П. Иленко «Мой город» (2008) от лица жителей областного центра поэт обращается со словами признательности к родному городу:

*Горжусь по праву тем, что я твой житель,
И хоть на каплю нужным стал тебе,
Я твой шахтёр, твой химик, твой строитель
В сегодняшней и завтрашней судьбе* (17; с. 26).

В 2010 году Дмитрий Мурзин создал поэтический образ летнего, солнечного города Кемерово:

*Наденет зелень Комсомольский парк,
Парк перестанет быть пустым и гулким
Набросит тень. Навеет полумрак
И музыку, как будто из шкатулки.
Пусть за спиною – гложущий проспект,
Как памятка о том, что будет осень...* (35; с. 44).

В поэзии 1950-х годов жители города Кемерово – это люди разных профессий. По Советской улице «идут мастера, Герои, студенты, учителя. То юркие пионеры, то важные усачи, рабочие, инженеры, художники и врачи» (А. Косарь), но они едины в общем устремлении, они – «народ советский» (27; с. 41). Герой стихотворения С. Чернопятова «Я о берёзах им...» (2010) в пространстве Советского проспекта былого единения уже не чувствует. Молодёжь выросла на других, меркантильно-примитивных ценностных установках эпохи массовой культуры. Не услышанному городскому барду остаётся одно: «Как Чацкий я. / – Маршрутку мне! Маршрутку!» (74; с. 110).

Новый лингвистический аспект появился в изображении города в лирике 2012 года. В стихотворении С. Чернопятова (литературная студия «Притомье», руководитель Д. Мурзин), посвященного землякам-кемеровчанам, поэт дал ответ на вопрос ребёнка:

*«Кто же город мой – девочка, мальчик?»:
Лишь одно знаю точно, что он мне родня,
И над Томью бывает в ударе
То, как нежная женщина, любит меня,
То в сердцах приласкает, как парень.
А бывает такое, чудить он начнёт,
Научившись у вредной погоды
Потому-то и кризис любой нипочём
Нам под именем среднего рода
Пусть в других городах кто-то вновь загрустит
И застонет: «За что так хреново?»
Мой земляк же закурит, колечко пустив,
И протянет: «А мне Кемерово»... (75; с. 96)*

Уникальность города Кемерово не только в его наименовании, но и в том, что индустриальный город сосуществует со спасительным Сосновым бором в городской черте, Красной горкой, рекой Томью. Они дают надежду на самовосстановление того, что искалечено людьми. Эта надежда звучит в стихотворении Людмилы Зыковой «Стихи о Красной горке» (2002):

*Давай высоким берегом
Пройдём,
Где был твой дом,
Где мой сегодня дом.
Подышим воздухом,
Морозным и родным.
Пусть в нём слегка
Горчит заводов дым.
У старых сосен
Молча постоим (14; с. 102).*

Пока у нас есть уникальная возможность постоять в родном городе у вековых сосен природной тайги.

1.5.11. Размышления о поэзии Кузбасса: образ поэта и поэтического труда в лирике кузбасских поэтов

Для анализа мы выбрали тексты с посвящением тому или иному поэту, в них проявляется один из центральных мотивов любого писателя – мотив творчества, поэзии, понимание роли поэта в эмпирическом времени и эпохе. Сразу оговоримся, что выбор имен и текстов носит достаточно субъективный и произвольный

характер. Следует отметить, что образ поэта и поэзии универсален и любой лирик так или иначе в своем творчестве выходит к этой проблеме. При знакомстве с кузбасской поэзией это очевидно. Практически у всех поэтов: Б. Бурмистрова, А. Ибрагимова, В. Крекова, С. Донбая, А. Правды, Е. Буравлева, Л. Никоновой, В. Еременко, Г. Юрова, В. Федорова, И. Киселева – есть стихотворения, посвященные поэтическому труду или стихотворения с посвящением поэту. Это говорит о том, что поэтическое братство сильно, и мысль о значимости выбранного пути сопутствует творчеству. Постараемся определить некие константы понимания места поэта в реальности нашими поэтами-земляками.

Итак, для анализа нами выбраны следующие стихотворения: В. Федоров «Ещё о Золушке (поэту, сравнившему себя с Золушкой)» (60-е годы), И. Киселев «Ударит ветер, вдоль столетий вея... (Арсению и Андрею Тарковским)» (1980), С. Донбай «Он кинул в небо пустельгу... (Ю. Кузнецову)» (1982), А. Ибрагимов «Памяти Николая Рубцова» (1976).

Стихотворение В. Федорова «Ещё о Золушке» несет пафос критицизма. В посвящении, которое звучит достаточно абстрактно – «поэту», т. е. поэту вообще, явно прочитывается конкретный поэт с конкретным стихотворением, а именно – Евгений Евтушенко со знаменитой когда-то «Золушкой (Моя поэзия, как Золушка...)». В тексте Федорова повторяются центральные образы Евтушенко: «полы истории» – «пол истории наследия», бал, потерянный башмачек («башмак размера сорок третьего»), однако все они употребляются уже в ином контексте, более сниженном. Пафос стихотворения Евтушенко, написанного в 1960 году, в самом начале «громкой» лирики, заключается в отражении избранности молодого поколения, пришедшего в поэзию. Поэзия должна соответствовать эпохе, говорить о гражданской позиции, свободе, идеалах социализма, поэтому нужно пересмотреть и историю в том числе. У Евтушенко поэт выступает как гражданин, как судия истории, как пророк. В рамках эстетики «громкой» лирики это совершенно закономерно («Моя поэзия, как Золушка, / забыв про самое свое, / стирает каждый день, чуть зорюшка, / эпохи грязное бельё»). Но

именно против такого понимания роли поэта протестует Федоров. По его мысли, в подобной «уборке» есть опасность субъективизма, эгоизма, когда можно стереть то, что кажется ненужным, когда факты могут быть поняты в другом смысле («За чистоту его борясь, / Казалось бы, неистово, / она лишь переносит грязь / На половицы чистые»). Федоров боится того, что выпячивалось, декларировалось «громкой» поэзией — субъективность оценок, максимализм, критическое отношение к истории и современности («Не доверяйте ей полы / В следах и крови и золы...»). Думается, что конфликт этого стихотворения не межличностный, но концептуальный.

В. Федоров как «поэт корней», чутко и тонко относившийся к русскому прошлому и настоящему, писавший о тяге к родной земле, видит функцию поэта в осторожном обращении с декларативными заявлениями. Стихотворение Федорова как отклик на стихотворение Евтушенко показывает, что поэт не имеет права брать на себя роль судьи, он свидетель времени и истории, в своей поэзии отражающий их движение, часто достаточно драматическое. Не случайно критика отмечала, что в конце творческого пути Федоров разочаровался в шумных проектах эпохи и полностью отдался лирико-исповедальному жанру в поэзии (А. Казаркин).

Обратимся далее к стихотворению И. Киселева. Стихотворение посвящено Тарковским: отцу и сыну — поэтому в тексте узнаваемы мотивы, характерные для творчества того и другого. Это мотив книги, рукописи, предназначения поэта, являющийся одним из центральных в поэзии Арсения Тарковского, и мотив зеркала, отсылающий к одноименному фильму Андрея Тарковского. Основная мысль стихотворения заключается в отражении сюжета призвания поэта (и вообще человека творческого), но это не архетипическая ситуация становления поэта-пророка, а следование своей судьбе изначально, без вмешательства высших сил. Сюжет реализуется на нескольких уровнях. Во-первых, это композиция стихотворения. Первая и последняя строфы представляют собой рамку: зачин и финал-вывод, объединенные мифом об Орфее. Внутри этой рамки три строфы написаны в форме обращения к предполагаемому поэту, где предсказывается его поэтическая судьба. Стихотворение написано

классическим 5-стопным ямбом, что позволяет увидеть в стихотворении традиции послания, элегии, философской миниатюры (М. Гаспаров). Во-вторых, сюжет призвания поэта проявляется на семантическом уровне, это философское размышление о пути поэта, на что, собственно, указывает сама структура стиха.

Итак, в начале пути поэта лежит некий знак, например ветер, как одна из стихий бытия, или образ книги, собирающей в себя смыслы бытия, или крик как образ звучащего голоса и слова. Этот знак заставляет поэта действовать – «Ты взял кифару в руки», то есть откликаться на зов бытия, мира, реальности. Кифара здесь выступает как древнейший инструмент поэта, наряду с лирой данный певцу-поэту богом Аполлоном. Если кифара в тексте стихотворения – знак избранности, предназначения, то зеркало становится синонимом иных миров, открывающихся перед поэтом и его взором. Таким образом потустороннее проникает в душу и поэзию («И зеркала волшебного стекло / Тебе навеки душу обожгло»). Третья строфа ещё больше нагнетает ситуацию и декларирует зависимость поэта от его инструмента: языка, голоса, слова. Киселев как бы повторяет мысль Тарковского о вечном стремлении поэта к Слову, любым его выражениям и смыслам. Эту строфу можно прочесть в контексте творчества Арсения Тарковского, для которого понятия Слова, Словаря, Языка, Книги, Рукописи содержали мысль о бессмертии поэта. Поэтому голос всегда владеет «жизнью и судьбой». Далее сюжет призвания поэта развивается в четвертой строфе как мысль о вечном возвращении истинного поэта: «И, вновь родившись, вновь получишь ты / Всё те же и надежды и утраты...». Можно сделать вывод о том, что смерть не властна над поэтом, ибо и после смерти, перевоплотившись, он вернется к своим словам и мыслям. Но главный тезис стихотворения, на наш взгляд содержится именно в «рамке» – повторе строк об Орфее и Эвридике. Обратимся к этим строкам.

В первой строфе они звучат следующим образом: «Ещё не раз оглянутся орфеи / На медленных прозрачных эвридик». В последней строфе: «Ещё не раз оглянутся орфеи / На медленных печальных эвридик...». Вспомним, что в мифе об Орфее и

Эвридике это самый драматический момент, Орфей с помощью своей божественной игры выволяет Эвридику из Аида, но нарушает запрет не смотреть на неё и оглядывается, не достигнув порога дома. Эвридика вновь возвращается в Аид. Что же заставляет Орфея нарушить запрет, почему не хватает терпения? Ответ Киселёв даёт тот же, что и Мандельштам в своём стихотворении «Бессонница. Гомер. Тугие паруса» – это любовь. Таким образом, любовь находится в начале призвания поэта, когда он слышит ветер бытия, и в финале жизни, и в следующей жизни. И искусство, и природный мир, и жизнь человека движется по ритмам любви. Именно ради этого «орфеи» – поэты всех времен творят свои слова. Делая вывод, можно отметить, что И. Киселёву удалось через обращение к одному поэтическому имени (Тарковского) погрузить читателя в комплекс культурных аллюзий, дающих возможность выстроить путь поэта.

Следующим стихотворением является «Он кинул в небо пустельгу...» С. Донбая с посвящением Ю. Кузнецову. Стихотворение небольшое и строится как перечень-конспект основных мотивов поэзии Ю. Кузнецова. Этот текст на данный момент можно представить как некролог. Донбай как бы развертывает те реалии, что постоянно использовались Кузнецовым в поэтике, и создается образ поэта, бросающего вызов традиции. Это уже очевидно в первой строке. Пустельга и у Даля, и у Ожегова имеет два значения. Прямое – птица из семейства соколиных, ястребок, охотящийся на мышей и насекомых; и переносное – пустое дело, легковесный, пустой человек. Образы бездны, пустоты, бреши, разлома являются центральными в поэзии Кузнецова, его лирический герой принес в русскую классическую поэзию ощущения распада, «края света за первым углом», смерти, одиночества, поэтому закономерно, что небо организуется пустотой. Таким образом реализуется мотив безнадежности и одиночества в поэзии Кузнецова. Две следующие строки являются буквальными цитатами из Кузнецова: «Иголку отыскал в стогу» (стихотворение «Игла»); «Присвистнул ветром» (стихотворение «Ветер»). И игла, и ветер, свист становятся у Кузнецова элементами потустороннего, недолжного мира, постоянно подстерегающего

человека и мучающего его снами, видениями, галлюцинациями. Следующие две строки как бы подводят итог сказанному: «Он тьмой и светом / По рукоять омыл строку...». Действительно, насколько сюрреалистична поэзия Кузнецова, настолько и классична, ибо отражает вечную проблему русской литературы — веру в душу человека и стремление показать самые драматические коллизии и переживания этой души. Поэтому итог стихотворения Донбая — это место Кузнецова среди бессмертного «Слова о полку...».

Последним в нашем разборе станет стихотворение А. Ибрагимова «Памяти Н. Рубцова». Оно похоже на предыдущее тем, что также через повторения основных образов поэзии Н. Рубцова воскрешает облик поэта. Рассмотрим эти образы. В первых двух строках возникает отсылка сразу к двум текстам Рубцова: «Тихая моя родина» и «В горнице» («На Родине моей светло от слез / На Родине моей так тихо нищим...»). И далее образы и мотивы нанизываются один на другой. Это березы, кладбище, птицы, зима как любимое время года Рубцова, заброшенная церковь, холмы и т. д. Из этого перечня удивительным образом воссоздается ритм и смысловое наполнение рубцовского стиха. В соединении тихой, дрожащей, сиротливой родины угадываются черты судьбы самого поэта. Остается впечатление воскресшего рубцовского слова. Ибрагимову удалось показать, что в сознании читателя и современного поэта Н. Рубцов остается национальным поэтом, отразившим самые драматические стороны жизни своей «тихой родины».

Итак, сделаем вывод. Обращаясь в посвящении стихотворения к тому или иному имени, кузбасские поэты второй половины XX века не только отдают дань памяти своим предшественникам или дань уважения своим современникам, но и пытаются определить те важнейшие черты облика поэта, что делают его таковым. Мы заметили, что В. Федоров протестует против самолюбования и излишнего пафоса; И. Киселев обращается к архетипическим мотивам любви, призвания, судьбы, слова; С. Донбай обращает внимание на зыбкую грань между светом и тьмой, существующую в творчестве любого поэта; А. Ибрагимов открывает черты

национального. Главным же тезисом всех стихотворений остается мысль о поиске все новых смыслов бытия, отраженных в том числе и в творчестве предшествующих тебе поэтов.

1.5.12. Мотив памяти в лирике кузбасских поэтов⁹

Мотив памяти считается одним из универсальных в русской и мировой литературе. Он может воплощать несколько семантических значений:

1. Память может представлять в мифопоэтическом аспекте. Богиня памяти Мнемозина была дочерью Урана и Геи (семантика соединения земли и неба, в жизни человека соединение земной ипостаси и добытийной, предшествующей до рождения). Мнемозина рождает от Зевса девять дочерей-муз, покровительниц науки и искусства, среди которых Каллиопа – муза трагической поэзии и Эвтерпа – муза лирической поэзии, её знак – флейта, свирель – знаки поэзии и поэтов. Источник Мнемозины находится рядом с источником Леты, память и забвение противостоят друг другу, но одинаково утоляют жажду человека, ибо память бывает слишком тяжела. Поэтому в поэзии память и забвение становятся «вечными» элегическими темами.
2. Память в философском смысле отсылает к Платону и его «припоминанию» (анамнезису) изначального, абсолютного или «детского» идеала.
3. Память реализуется непосредственно в культуре, предстает как её память, память слова. Этот аспект возрождает связь предшествующей литературной традиции и современности, акцентирует мотив бессмертия поэта в слове, мотив призвания и предназначения поэта.
4. Память в психологическом и биологическом аспекте. Это способность организма сохранять и воспроизводить информацию о внешнем мире и о своем внутреннем

---

⁹ Данный раздел опубликован в виде статьи: Ащеулова И.В. Мотив памяти в лирике кузбасских поэтов // Культурология, культура и искусство в современном российском социуме. Сб. науч. статей. Кемерово, 2008. Ч. 2. С. 212-220.

состоянии для дальнейшего её использования в процессе жизнедеятельности. Память связывает элементы жизненного опыта человека в единое целое, является одной из важнейших и необходимых предпосылок формирования его личности. В этом смысле память важна как опыт жизни.

5. «Словарь русского языка» С. И. Ожегова дает ещё одно значение памяти как то, что связано с умершими, сохранение памяти о тех, кто ушел навсегда, тем самым осуществляется их воскрешение, обессмертивание. Здесь память выступает медиатором между двумя мирами, открывает границы бытия.

Практически у любого поэта можно найти все перечисленные аспекты памяти, этот универсальный, архетипический мотив позволяет выйти к философским размышлениям и обобщениям. Не составляют исключения и кузбасские поэты: И. Киселев, С. Донбай, Б. Бурмистров, А. Ибрагимов, А. Правда, С. Самойленко. Рассмотрим несколько примеров развития данного мотива в их поэзии и попытаемся выделить общие закономерности.

Примером памяти как внутреннего психологического чувства, как опыта жизни, элегических воспоминаний о былом могут служить следующие стихотворения: С. Донбай «Воспоминание» из книги «Прелесть смысла» (1977), Б. Бурмистров «Я вспомнил, что где-то оставил...», «Был я с тобою и нежным и страстным...», «Вот и состарилась улочка тихая...», С. Самойленко «Угол зрения».

В стихотворении Донбая воспроизводится воспоминание о конкретной утраченной любви. То, что это любовь потерянная, говорит третья строфа: «Нас время отдельно и точно состарит / Те дни не сбылись и не сбудутся вновь!». Время и обстоятельства не только разлучили влюбленных, но и забрали молодость и надежды, оставив старость и неизбежность случившегося. Именно поэтому прошлая вспомнившаяся любовь («нахлынули воспоминания толпою») воспринимается как единственная и главная. Но третья строфа – это настоящее время, это уже вывод, резюме, главный же сюжет стихотворения, само воспоминание о любви – это ретроспекция, возврат в прошлое, и поэтому здесь нет ощущения потери, безнадежности, наоборот, черты возлюбленной (ямочки щек), шутки при встречах и расставаниях, разговоры, «незримая

нить связанности» – всё оставляет ощущение счастья, счастья полного, надежного, сбывающегося. Однако и в том зарождающемся чувстве было что-то, что не дало ему сбыться, и это «что-то» лирический субъект чувствует и тогда и теперь. Чувство любви сопровождается тревожными предчувствиями, ощущениями и «озимыми мыслями». «Озимый» – оставляемый под снегом на зиму и идущий в рост весной. Получается, что весенний рост, жизнерадостный, буйный не случился, эти отношения так и остались в самом начале, не развились в весенний росток. Поэтому воспоминание о любви сопровождается невысказанным чувством вины двух людей перед судьбой, которая давала шанс сбыться чему-то «незримому», то есть бытийному, судьбоносному, но этим шансом не воспользовались, не разглядели, упустили. Следует отметить, что стихотворения о любви занимают у кузбасских поэтов около половины сборников. Разные грани памяти о любви показывает Б. Бурмистров – «Эта женщина моя...», «Не снись, не надо. Поутру...», «Улеглась, устоялась погода...», «Сказала, что вышла на миг...»; А. Ибрагимов – «Любимая, как дни...», «Златозеленые кисти рябины...». В поэзии же С. Донбая можно выделить воспоминание как некий жанр, можно встретить стихотворения с такими названиями как: «Воспоминание о научном коммунизме», «Воспоминание о жареной картошке», «Воспоминание о кинотеатре «Москва»», «Воспоминание о пионерском лагере». В этих текстах различные мгновенья жизни (любовь, студенческие годы, послевоенные годы, детство) оцениваются как самые дорогие и важные, ставшие основой для формирования внутреннего мира и души.

В стихотворении Б. Бурмистрова «Я вспомнил, что где-то оставил...» описывается не столько воспоминание о юности, сколько припоминание самого себя, своей души. Тема эта соприкасается с проблемой подлинности человека, верности самому себе, это тема городской прозы 1970-80-х годов. Это проблема экзистенциальна по сути, человек приходит к осознанию своей неискренности, неидентичности себе, осознанию предательства по отношению к собственной душе. Поэтому воспоминание о том, что душа осталась где-то позади и к ней

нужно вернуться, есть первый шаг к изменению себя, своего пути, жизни. Возвращение в юность, к миру чистоты подается метафорически как возвращение в город чуда (Б. Гребенщиков «Есть город золотой...»). То, что это мифический нереальный сакральный город-пространство, говорят такие ориентиры как туман (потусторонность) и врата. Обратим внимание, что употребление слова «врата» прямо отсылает к необыкновенности и сакральности пространства. В словаре В. И. Даля слово «врата» дается как церковное слово: двери алтаря, святые врата. Поэтому у Бурмистрова врата распахнутся не просто в юность как прошлое, ушедшее, но во вневременное, в вечность, в вечную молодость, где нет пошлых бытовых ситуаций, заставляющих душу изменяться и изменять себе. Это пространство, где душа вернется к состоянию гармонии и чистоты. Однако конфликт неразрешим, и мифический город, пригрезившийся лирическому субъекту, только иллюзия, а туман, мороз, стена, тяжесть души остаются как символы inferнального мира, настоящего времени, врата захлопываются, и назад дороги нет. Таким образом, данный пример показывает, как воспоминание о юности может раскрывать экзистенциальную проблему идентичности человека своей судьбе, себе самому. Этот тезис можно проиллюстрировать и таким четверостишием из стихотворения «Был я с тобою и нежным и страстным...» из сборника «Скажи люблю...» (2005): «Годы прошли снегопадами, ливнями – / То ли во сне, то ли всё наяву – / Памятью доброй, мгновеньями дивными, / Светлой любовью я в мире живу».

В стихотворении С. Самойленко «Угол зрения» из одноименной книги (1994) можно увидеть не только память детства, но развитие сюжета жизни, берущего начало в детстве. Поэтому угол зрения здесь определенный – детство и его реалии. Говоря о поэтике данного стихотворения, невозможно не вспомнить И. Бродского и Б. Ахмадулину с их подробной фиксацией деталей реальности. А у Самойленко эта описательность ещё и ретроспективна, описываются предметы, всплывающие в памяти – это обратная перспектива, когда из памяти выбираются только значимые для поэта вещи, чувства, образы. Это прежде всего пространство шахтерского городка с

каланчей, терриконом, футбольной площадкой, запуском воздушного шара, с кино про Чапаева и Фантомаса, с духовым оркестром по выходным. Вторая часть стихотворения — это описание дома и матери. А затем четкие воспоминания начнут давать сбой и окажется, что память пробуксовывает, движется по кругу детской считалки, напоминает нечеткую фотографию («Нет резкости, и память нетверда, / и фотография в глазах двоится»). Появляются смещенные, нечеткие образы, с точностью сказать было или нет невозможно, память начинает стирать многое, она имеет определенный угол зрения, а это чревато различными потерями для всей жизни поэта. Поэтому для него важен не точный срез памяти, а некие архетипы детства, вроде считалки, которая, имея непрерываемый круг счета, выводит к одним и тем же ассоциациям. Показательно, что в финальной части стихотворения меняется субъект речи с первого лица единственного числа на первое лицо множественного числа («Оставим все как есть...»). Это изменение отсылает нас к целому поколению, воспитанному в одной эпохе и на одних идеалах. Но вступивших в реальность, где идеалы разрушаются под властью времени и различных обстоятельств. Поэтому память детства нужна, чтобы помнить в себе все хорошее и ценное. Наше начало откликнется в нашем конце — отсюда финальные строчки, полные надежды: «Пусть спит пожарник, вертится юла, / шьет швейный агрегат о трех колесах, / срастаются без гипса зеркала, / склероза нет, и старость под вопросом». Искривленная перспектива взрослой жизни обретает смысл в детстве человека, в тех образах, которые оказываются неизменными.

Следующий аспект мотива памяти связан с памятью культуры. Память культуры у поэтов Кузбасса многообразна. Например, вспоминается знаменитый цикл И. Киселева «Встреча с Пушкиным», его же стихотворение «Моцарт», циклы А. Ибрагимова «Рим» и «Нас помнят...», стихотворения С. Донбая «Воспоминания об Элладе», А. Правды «Зима (П. Брейгель)», «Маргарита» и другие.

Чтобы проиллюстрировать мотив памяти в поэзии кузбасских поэтов, обратимся к циклу А. Ибрагимова «Нас помнят...».

Название сразу же заявляет тему причастности современности культуре, «мы» – это современные люди, но «мы» остались в разных веках, разных народах и культурах, поэтому важно замещение «мы помним» на «нас помнят», так раскрывается мысль о вписанности настоящего в древнейшую культуру. Первая стадия памяти культуры связана с двумя древнейшими мифологиями и цивилизациями: греческой и египетской, можно увидеть в текстах противопоставление Запада и Востока, а упоминание кипариса есть символ связанности жизни и смерти, дерево печали и мистический знак смерти (Гадес), дерево основных греческих богов: «Нас помнит лазурь Атлантиды / И огненный кипарис! / Потоп...а потом пирамиды / И девятиглавый Мемфис». В первом стихотворении цикла зашифрована мысль о великом расцвете цивилизаций и их дальнейшем упадке, что достаточно закономерно в истории человечества: «И вновь в оперении света / В звериный низвергнулись круг!».

Второе стихотворение «Нас помнит Афина-Паллада» связывает не просто Афины и Зевса как символы греческой мифологии, но рождает тему вечности слова-логоса, так как в греческой мифологии Афина выражала мысль Зевса в действии, слово-логос гармонически преображало действительность, а упоминание имени Орфея отсылает к искусству поэзии, поэтического ремесла, можно усмотреть здесь обожествление роли поэта, своим словом способного преодолеть время и пространства, присутствовать в любой культуре. Далее последовательно в третьем, четвертом, пятом и шестом стихотворениях в памяти возникают: Рим, Тибет, Мекка и Русь. Это пространства, отсылающие к великим культурам и философиям. Местоимение «Я», появляющееся в словосочетании «Все-Я Руси», символизирует соединение с Россией, её историей и культурой, а поэтическое слово предстает как божье откровенье, «речь из пречистых ран», слово Христа и слово поэта оказываются равны между собой. Поэтому поэты, связывающие словом пространства, культуры и религии, обретают Царствие Небесное, где торжествует дух.

Память в философском аспекте представлена, на наш взгляд, в

стихотворении И. Киселева «Память» из книги «Четыре дождя» (1971). Это достаточно программное для Киселева стихотворение, в котором отразились размышления поэта о природе памяти. Заглавие и первую строку стихотворения в данном случае можно рассматривать как тему, концептуальный тезис, а весь текст стихотворения как ремю, ответ, развертывание тезиса. Именно поэтому стихотворение читается как повествовательный рассказ по определенной проблеме. Это подтверждает и стихотворный размер – двухстопный анапест. По замечанию М. Л. Гаспарова, трехсложные размеры отличаются подчеркнуто нейтральной семантикой, они применимы для любой тематики и воспринимаются как «стихотворная проза». Таким образом, структура стихотворения заранее задает повествовательную стратегию, это философское размышление о памяти.

Стихотворение строится как диалог лирического субъекта и некоего доктора: Как устроена память?

Догадайся поди.

И какими тропами

Память ищет пути?

...

Но ответ у ученых

На вопрос мой готов:

Сотня ламп электронных,

Километр проводов.

- Вы рукой не машите!

Все: и мудрость, бред –

Сохранится в машине

До скончания лет!

...

Что ж, я верю в науку

И рукой не машу.

- Доктор, можно на ухо

Потихоньку спрошу?

Причем обращение «доктор» можно понимать по-разному. Это и доктор наук, и доктор-врач, потому что память воспринимается лирическим героем как нарост, болезнь, наваждение, мешающее жить беззаботно. Доктор явно отсылает к рациональному и

разумному восприятию реальности, отсюда и рациональное объяснение памяти – это «таблицы и числа», информация, которую можно записать и хранить в памяти компьютера. И лирическому герою не чужда эта точка зрения, он признаёт, что «верит в науку». Однако сомнения одолевают героя, поэтому диалог с доктором превращается в монолог и череду вопросов – «можно спрошу?», так в текст стихотворения входит второй элемент оппозиции: рациональное / интуитивное. Проследим варианты вопросов: «А улыбку любимой / Записать вы смогли б?»; «Машина помнит запах цветка?»; «А звезду над водою»; «А девчонок у школы, / Что хохочут захлеб?». Перед нами два природных образа – цветок, звезда / луна, и два образа, связанных с жизнью человека – любимая и хохочущие девчонки (знак беспечности). Вместе же эти образы предстают как элементы неделимой реальности, которые невозможно уложить в память ЭВМ. Это память, связанная с познанием жизни, любви, радости и красоты, своего места в мироздании, воспоминаний детства. Это экзистенциальные основы человеческой жизни, открывающие жизнь души, её «распространение» в бытие, её отклик на «зов бытия» (Хайдеггер). Поэтому ответ на вопрос «Как устроена память?» заключен в проживании человеком своей жизни, состоящей из «боли и нежности», из глубин и душевных «метелей». Проживая жизнь и накапливая воспоминания о ней, человек обретает самого себя, интуитивно обретает знание о прошлом и будущем. Безусловно, Киселев придерживается точки зрения «лириков», отражающих чувственное переживание мгновений жизни, без попытки проникнуть в тайны бытия с помощью науки.

Итак, на нескольких примерах мы проследили изменение мотива памяти в творчестве кузбасских поэтов. Можно утверждать, что поэзия Кузбасса, как и современная русская поэзия в целом, откликается на различные аспекты универсального архетипического мотива памяти. Память становится основой для восприятия жизни, любви, места человека в бытие, культуре, поэзии. Память приобретает семантику идеала, который становится мерилom поступков человека. Грустные, печальные или радостные, светлые воспоминания о событиях собственной жизни,

запечатленные в стихотворениях кузбасских поэтов, отсылают к традиционным в русской поэзии жанровым стратегиям – элегии, лирическому стихотворению. Восприятие памяти в философском аспекте обнаруживает экзистенциальные основы существования индивида в бытие. Мотив памяти становится объединяющим мотивом для всей поэзии Кузбасса.

Литература

1. Абакарова, Л. О. Поэмы Василия Фёдорова: автореферат дис. канд. филол. наук / Л. О. Абакарова. – Махачкала, 2007. – 21 с.
2. Абрамович, А. Ф. На своей земле. Очерки о творчестве кузбасских писателей / А. Ф. Абрамович. – Кемерово, 1968. – С. 135-143.
3. Монографии о творчестве В. Д. Фёдорова: Денисова И. В. Беззаветно служить красоте. Поэзия Василия Фёдорова. – М.: Современник, 1978. – 190 с. С. 9: «Поэт напряжённой мысли, Василий Фёдоров проникает в самую суть русского характера – он чувствует огонь души народной, жажду творить красивое и страсть к овладению мастерством». Ерёмин Вл. На трудных перегонах. – М., 1984. – С. 123. Ерёмин В. А. Василий Фёдоров. М., 1969. Гринберг И. Три грани лирики. Современная баллада, ода и элегия. – М., 1985. – С. 155-158. – С. 157: «читателя делает соучастником размышлений», «сжато высказанная истина». Прокушев Ю. По главной сути // Прокушев Ю. Л. Дума о России. – М., 1988. – С. 167-191. С. 182: «Критика не однажды отмечала философскую направленность творчества Василия Фёдорова, диалектическую по движность и пронизательность мысли, заключённой в афористически образной плоти его стиха».
4. Баянов, В. М. Моя земля. Стихи / В. М. Баянов. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1967.
5. Блюменфельд, В. Заметки о языке и стиле / В. Блюменфельд // Огни Кузбасса: ежегодный альманах. – Кемерово, 1959. – № 12. – С. 95-97.
6. Бурмистров, Б. В. Сквозь сумерки времён. Стихотворения / Б. В. Бурмистров. – СПб., 2011.
7. Ветлугин, И. «Один куплет на сотни строк...» / И. Ветлугин // Сибирские огни. – Новосибирск, 1960. – № 2. – С. 183-186.
8. Выходцев, П. С. Певец красоты человеческой (литературный портрет В. Фёдорова) / П. С. Выходцев // Молодая гвардия. – 1971. – № 5. – С. 299-311.
9. Выходцев, П. Новаторство, традиции, мастерство / П. Выходцев. – М., 1970.

10. Денисова, И. В. Беззаветно служить красоте. Поэзия Василия Фёдорова / И. В. Денисова. – М.: Современник, 1978. – 192 с.
11. Донбай, С. Л. Мы нарисуем город словом / С. Л. Донбай. – Кемерово, 2008. – 54 с.
12. Ершов, Л. Перед лицом жизни / Л. Ершов, А. Хватов // Звезда. – 1965. – № 7. – С. 207-209.
13. Зубарев, В. Ф. Горожанин / В. Ф. Зубарев // Зубарев В. Ф. Другое «Я». Стихотворения. – Кемерово, 1998. – С. 170-171.
14. Зыкова, Л. Стихи о Красной Горке / Л. Зыкова // «Красная Горка». – Вып. 3. – Кемерово, 2002. – С. 102.
15. Иванов, Б. В. Именно такой / Б. В. Иванов // Иванов Б. В. Свой метр и ритм. – М.: Советская Россия, 1974. – С. 142-155.
16. Измайлов, В. Насчёт дыма / В. Измайлов // «Огни Кузбасса». – 1955. – № 8. – С. 74-76.
17. Иленко, А. П. Мой город / А. П. Иленко // «Огни Кузбасса». – 2008. – № 3. – С. 26.
18. Казаркин, А. П. Величанье Сибири. Русский поклон / А. П. Казаркин // Огни Кузбасса. – Кемерово, 1985. – № 3. – С. 79-81.
19. Казаркин, А. П. Лирик Игорь Киселёв / А. П. Казаркин // Казаркин А. П. Литературное краеведение в Кузбассе. – Кемерово, 1993. – С. 61-73.
20. Казинцев, А. Последний романтик / А. Казинцев // Киселёв И. Под солнцем и ненастьем. – 1989. – С. 3-11.
21. Карлагин, Н. «Чтоб многое на свете полюбить...» / Н. Карлагин // Огни Кузбасса. – Кемерово, 1982. – № 4. – С. 66-67.
22. Кемерово. Графика, поэзия: литературно-художественное миниатюрное издание / Ред.-сост. С. Л. Донбай, художник В. П. Кравчук. – Кемерово, 2000. – 160 с.
23. Киселёв, И. М. Перецвет / И. М. Киселёв. – Кемерово, 1966. – 95 с.
24. Киселёв, И. М. Ночные реки / И. М. Киселёв. – Кемерово, 1980. – 223 с.
25. Киселёв, И. М. «Я и сегодня холодею...» / И. М. Киселев // Киселёв И. М. Четыре дождя. – Кемерово, 1971. – С. 63-65.
26. Киселёв, И. М. Благодарю, Земля, благодарю / И. М. Киселев. – Кемерово, 1983.
27. Косарь, А. Кемерово. Советская улица / А. Косарь // Косарь А. В краю соковищ. Стихи. – Кемерово, 1952. – С. 37-38, 40-41.
28. Косарь, А. Кемерово / А. Косарь // Косарь А. Откровенное слово. Стихотворения. – Кемерово. 1958. – С. 96-97.

29.   Леонов, Б. А. Над небом – небо / Б. А. Леонов // Молодая гвардия. – 1970. – № 6. – С. 285-289.
- 30.Мазюков, А. Развитие книгоиздательского дела в Кузбассе / А. Мазюков // Огни Кузбасса. – Кемерово, 1959. – № 12. – С. 108.
- 31.Матвеев, В. «Где видимость? Где суть?» / В. Матвеев // Огни Кузбасса. – Кемерово, 1977. – № 1. – С. 95-101.
- 32.Микешин, А. М. Поэзия края молодости / А. М. Микешин // Комсомолец Кузбасса. – Кемерово, 1963. – 10 июля. – С. 3.
- 33.Михайлов, Ал. Пророчество марьевской Музы / А. Михайлов // Знамя. – 1967. – № 1. – С. 230-238.
- 34.Молостнов, Г. Мы с сыном шли по улице Советской... / Г. Молостнов // «Огни Кузбасса». – 1955. – № 8. – С. 137-138.
- 35.Мурзин, Д. В. «Наденет зелень Комсомольский парк...» / Д. В. Мурзин // «Огни Кузбасса». – 2010. – № 4. – С. 44.
- 36.Небогатов, М. А. Солнечные дни: стихи /М. А. Небогатов. – Кемерово, 1952. – 96 с.
- 37.Небогатов, М. А. Советская улица. Наш город в обыденном стиле... / М. А. Небогатов // Небогатов М. А. На берегах Томи. – Кемерово, 1953. – С. 70-73, 129.
- 38.Небогатов, М. А. Моим землякам: стихи и поэмы / М. А. Небогатов. – Кемерово, 1958. – 244 с.
- 39.Небогатов, М. А. Родные просёлки / М. А. Небогатов. – Кемерово, 1963. – 108 с.
- 40.Небогатов, М. А. О себе / М. А. Небогатов // Небогатов М. А. Майский снег. – Кемерово, 1966. – С. 82-84.
- 41.Небогатов, М. А. Свет в окне / М. А. Небогатов. – Кемерово, 1969. – 175 с.
- 42.Небогатов, М. А. Земной поклон. Книга лирики / М. А. Небогатов. – Кемерово, 1976. – 222 с.
- 43.Небогатов, М. А. Лето / М. А. Небогатов. – Кемерово, 1981. – 127 с.
- 44.Небогатов, М. А. Поэт. Дневниковые записи разных лет / С. М. Небогатова. – Кемерово, 2006. – 300 с.
- 45.Небогатов, М. А. Анкета / М. А. Небогатов [Электронный ресурс] // Сайт «Памяти поэта Михаила Небогатова». Администратор – Мария Заболоцкая: m-nebogatov.sitcity/index. Phtml
- 46.Небогатов, М. А. Уроки А. Т. Твардовского / М. А. Небогатов // Огни Кузбасса. – Кемерово, 1976. – № 4. – С. 90-93.
- 47.Небогатов, М. А. Нет ничего безликого на свете... / М. А. Небогатов // Небогатов М. А. Вечерние огни. Стихи разных лет. – Кемерово, 1989. – С. 87.

48. Небогатов, М. А. О России / М. А. Небогатов // Наш современник. – М., 1986. – № 11. – С. 30.
49. Небогатов, М. А. Памяти А. Т. Твардовского / М. А. Небогатов // Небогатов М. А. Вечерние огни: стихи разных лет. – Кемерово, 1989. – С. 106.
50. Небогатов, М. А. Русский поклон / М. А. Небогатов // Небогатов М. А. Лирика. – Кемерово, 1961. – С. 17-18.
51. Небогатов, М. А. Русский поклон / М. А. Небогатов // Небогатов М. А. Перепёлка. – М.: Современник, 1988. – С. 99-100.
52. Небогатова, М. И. Как научиться жить? (Воспоминания вдовы поэта Михаила Небогатова) / М. И. Небогатова; публикация Н. М. Инякиной (Небогатовой) // Огни Кузбасса: журнал писателей России. – Кемерово, 2012. – № 2. – С. 135-146.
53. Осипов, А. И. Нравственность и власть. 29 мая 2011. – 56 мин. / А. И. Осипов [Электронный ресурс] // video.yandex.ru/users/sus-11/view/263
54. Павловский, А. За правдивость и мастерство (Заметки о литературе Кузбасса) / А. Павловский // Кузбасс. – Кемерово, 1954. – 31 окт.
55. Панков, В. О книге Василия Фёдорова / В. Панков // Третьи петухи. Седьмое небо. – М., 1970. – С. 319-346.
56. Подсолонко, Ю. У памятника Пушкина в Кемерово / Ю. Подсолонко // «Огни Кузбасса». – 1955. – № 8. – С. 68-69.
57. Полозова, А. Наш город / А. Полозова // «Огни Кузбасса». – 1955. – № 8. – С. 78.
58. Романов, А. «Ради высшей человечности» / А. Романов // Наш современник. – 1978. – № 11. – С. 166-173.
59. Сокол, И. Мой город / И. Сокол // «Огни Кузбасса». – 1959. – № 12. – С. 44.
60. Сорокин, В. В. До последнего дня. О поэте Василии Фёдорове [Электронный ресурс]. Автор сюжета – Владислав Цилёв. – URL: <http://video.yandex.ru/external/4611686018922863968/view/90932939/?author=molokols> (дата обращения: 19.01.2012).
61. Сорокин, В. Суд на Веге. Штрихи к портрету Василия Фёдорова / В. Сорокин // Москва. – 1982. – № 3. – С. 205-211.
62. Сучков, Б. Зрелость / Б. Сучков // Сучков Б. Действенность искусства. – М., 1978. – С. 227-252.
63. Твардовский, А. Т. Собрание сочинений: в 6 т. – Т. 6. Письма (1932-1970) / А. Т. Твардовский / Примеч. М. И. Твардовской. – М., 1983. – 681 с.
64. Твардовский, А. Т. Письма о литературе. 1930-1970 / А. Т. Твардовский; сост. М. И. Твардовская. – М., 1985.

65. Твардовский, А. Т. Собрание сочинений: в 6 т. – Т. 3 / А. Т. Твардовский. – М., 1978. – 431 с.
66. Твардовский, А. Т. Собрание сочинений: в 6 т. – Т. 5. Статьи и заметки о литературе. Речи и выступления (1933-1970) / А. Т. Твардовский. – М., 1980. – 463 с.
67. Фёдоров, В. Д. Седьмое небо / В. Д. Федоров // Фёдоров В. Д. Собр. соч.: в 5 т. – Т. 3. – М.: Современник, 1988. – С. 5-146.
68. Фёдоров, В. Д. От автора / В. Д. Федоров // Фёдоров В. Д. Поэмы. – М., 1983. – С. 3-10.
69. Фёдоров, В. Д. Слово – жизнь / В. Д. Федоров // Фёдоров В. Д. Собр. соч.: в 5 т. – Т. 4. – М.: Современник, 1988. – С. 236-243.
70. Фёдоров, В. Д. Магнитное поле стиха / В. Д. Федоров // Фёдоров В. Д. Собр. соч.: в 5 т. – Т. 4. – М.: Современник, 1988. – С. 76-77.
71. Фёдоров, В. Д. О себе и близких / В. Д. Федоров // Фёдоров В. Д. Собр. соч.: в 5 т. – Т. 4. – М.: Современник, 1988. – С. 6-47.
72. Фёдоров, В. Д. О, Русь моя!... / В. Д. Федоров // Фёдоров В. Д. Собр. соч.: в 5 т. – Т. 1. – М.: Современник, 1987. – С. 235-236.
73. Цейтлин, Е. Л. Дальняя дорога (о поэзии Игоря Киселёва) / Е. Л. Цейтлин. Так что ж завтра?...: Литературно-критические статьи и очерки. – Кемерово, 1982. – С. 163-173.
74. Чернопяттов, С. В. Я о берёзах им... / С. В. Чернопяттов // «Огни Кузбасса». – 2010. – № 6.
75. Чернопяттов, С. В. Дёргал папы штаны и у мамы подол... / С. В. Чернопяттов // «Огни Кузбасса». – 2012. – № 2.
76. Чунтонова, Н. Три сенсации семинара, или всё хорошо, что хорошо кончается... / Н. Чунтонова // «Комсомолец Кузбасса». – 5 июня 1966 г. (№ 101) – С. 4.
77. Юров, Г. Е. Песня о городе. Поэмы / Г. Е. Юров. – Кемерово, 1978.
78. Юров, Г. Е. Заповедное пространство. Стихотворения, поэмы, разыскания / Г. Юров. – Кемерово, 2012. – 484

ГЛАВА 2. Развитие эпических жанров в литературе Кузбасса второй половины XX — XXI века

2.1. Роман А. Н. Волошина «Земля Кузнецкая» (1949)

Александр Никитич Волошин (1912-1978) – писатель, драматург. Родился в Санкт-Петербурге. Отец его работал котельщиком на Путиловском заводе. С началом Первой мировой войны семья Волошиных переехала к своим родственникам в Сибирь. Всё своё детство Александр Волошин провёл в

Новосибирской области, где вступил в комсомол и где в 1929 году окончил среднюю школу. В годы первой пятилетки Волошин поступает на строительство Кузнецкого металлургического завода, где работал бетонщиком и был активным в общественной деятельности. Затем Волошина отправляют комсоргом шахты на Осинниковский рудник, где он трудился в качестве забойщика и запальщика. В 1934 году Волошин призывается на действительную военную службу в ряды РККА. Проходя военную службу, Волошин оканчивает заочное отделение Ленинградского коммунистического института журналистики. Демобилизовавшись из армии в 1936 году, А. Н. Волошин возвращается на Осинниковский рудник и устраивается в местную газету «За уголь». Через два года Александр переезжает в Черемхово и начинает сотрудничать в газете «Черемховский рабочий». Во время Великой Отечественной войны Волошин участвовал во многих боях в качестве рядового сапёра, был ранен. В 1945 году, во время боёв на Одере, вступает в члены ВКП(б). После окончания войны Александр возвращается в Сибирь, где продолжает работу журналиста в газете «Кузбасс» в Кемерово. Первое литературное произведение Александра Волошина появилось в 1931 году, когда им был написан рассказ о шахтёрской жизни «Первая смена». В дальнейшем в некоторых сибирских газетах появляются его другие рассказы, а также очерки и статьи. В 1939 году в журнале «Сибирские огни» появился рассказ «Два товарища», повествующий о восстании кольчугинских шахтёров против Колчака. К 1949 году Волошин закончил свой первый роман «Земля Кузнецкая». Роман повествовал о трудностях работы кузбасских шахтёров во время выполнения планов первой пятилетки. За роман «Земля Кузнецкая» писатель удостоен Государственной (Сталинской) премии II степени в 1950 году. Роман неоднократно переиздавался у нас в стране и за рубежом, был переведен на французский, польский, венгерский, немецкий, словацкий, румынский, китайский, английский языки. Награжден Орденом Отечественной войны II степени, медалями «За отвагу», «За взятие Берлина», «За освобождение Варшавы», «За победу над Германией в Великой Отечественной 1941-1945 гг.». В Кузбассе в 1999 г. учреждена премия им. Александра Никитича Волошина

(лауреата Государственной премии СССР, основателя профессиональной писательской организации в Кузбассе). В г. Кемерово на ул. Весенней, д. 9 установлена мемориальная доска в память об А. Н. Волошине. Публикации: Испытание: пьеса в 4-х дейст., 8 карт. – М.: Искусство, 1955. – 90 с. Павлуша: рассказ. – Кемерово: Кн. Изд-во, 1958. – 20 с. С чего жизнь началась...: Рассказы. Киноповесть. Пьеса. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1958. – 238 с. Земля Кузнецкая: Роман о Кузбассе. – М.: Новосибирское книжное издательство, 1960. – 303 с. (Библиотека Сибирского романа). Дороги зовут: повести. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1963. – 246 с. Все про Наташку: роман. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1967. – 263 с. Смотрю в твои глаза: рассказ. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство. – 1969. – 19 с. Земля Кузнецкая; Все про Наташку: дилогия. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1969. 564 с. Время быть: повести. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1976. – 352 с.

Капитальные люди Александра Волошина. Роман «Земля Кузнецкая» глазами читателя XXI века. К своему первому роману «Земля Кузнецкая» (1949) Александр Никитич Волошин шёл около двух десятилетий. Рассказ о шахтёрском труде «Первая смена» был написан в 1931 году. В 1950 г. роман о шахтёрах Кузбасса был отмечен Сталинской премией II степени. Через 60 лет после выхода романа его заглавие стало брендом. Например, в г. Кемерово есть туристическое агенство «Земля Кузнецкая». В романе пропет гимн Кузбассу, его городам: Кемерово, Киселёвск, Мариинск, Междуреченск, Прокопьевск, Сталинск, Таштагол. Обозначено пространство юга Западной Сибири: река Кондома, гора Елбань, Телецкое озеро, города Томск, Новосибирск. В романе упоминаются предприятия, которые существуют до сих пор. Например, Киселёвский машиностроительный завод им. И. С. Черных, выпускающий горнодобывающее, крепёжное оборудование. Именно на этом машзаводе в романе изготавливают главную режущую часть комбайна, который усовершенствует инженер Хомяков. В реальной жизни инженер Харитонов усовершенствовал агрегат «Кузбасс-2» на орденоносной

краснознамённой шахте «Капитальная» (позднее «Осинниковская»). Первая штольня шахты была заложена в 1927 г., шахта действовала с 1932 г. по 2010 год. Название шахты «Капитальная», где происходит основное действие романа А. Н. Волошина, выбрано не случайно и является ключевым в концепции «Земли Кузнецкой». На первый взгляд, перед нами советский производственный роман с обязательными положительными героями-коммунистами: парторг шахты Бондарчук, районный инженер, позднее директор шахты Павел Рогов. Имя главного героя романа «Земля Кузнецкая» заставляет вспомнить культового героя советской литературы Павку Корчагина из романа Н. А. Островского «Как закалялась сталь» (1933). На этом романе воспитывались советские комсомольцы, выигравшие Великую Отечественную войну. Рогов, духовный сын Корчагина, живёт, чтобы «не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы». А. Н. Волошин представил тип «настоящего советского человека» с полной самоотдачей в работе и в жизни. Интересен ли такой герой читателям XXI века? Думается, что да. Павел Рогов – это человек с личностным отношением к своей работе, который формирует личностное и творческое сознание у тех, с кем работает (бригада молодых шахтёров Черепанова, главный инженер Филенков, отец и сын Воцины и др. герои романа). Именно личностное, творческое отношение к своему труду помогает работникам шахты «Капитальная» через год вернуть знамя соцсоревнования, которое перешло к шахтёрам из Прокопьевска. В романе описаны реалии советской эпохи – партийные и комсомольские собрания, главной темой которых является производственная жизнь, организация рентабельной работы, внедрение многозабойного метода, расширение «гаммы коксующих углей». В романе мастерски изображён тяжёлый шахтёрский труд. Абсолютно оправданно появляется обобщённый образ шахтёров – «богатырей» в словах Рогова: «Родные мои богатыри». Шахтёрский труд в романе «Земля Кузнецкая» уравнивается с тяжёлым трудом солдата, выигравшего Вторую мировую войну: «Народ у нас боевой на работу». Отбойный молоток в руках Сибирцева, как «автомат в руках опытного солдата». Военные эпизоды в сюжете

производственного романа (рассказ Рогова о сержанте-снайпере Степане Данилове, Герое Советского Союза; рассказ Данилова о санинструкторе Тоне) помогают героям-шахтёрам в мирное время жить по высокой нравственной норме: «кров пополам, хлеб пополам». Важная тема романа о шахтёрах – тема дружбы: дружба бывшего комбата Рогова и бывшего сержанта Данилова, дружба ребят из бригады Черепанова, живущих в общежитии, эпизод спасения из-под завала Дубинцева и др. Важность этой темы в романе подчёркнута и в песне, которую исполняет Степан Данилов: «А друг в труде, / А друг в беде – / Мой настоящий друг». В романе «Земля Кузнецкая» значима «мысль семейная»: запоминаются образы матерей (мать Тони, Дубинцева), отцов (Афанасий Воцин). Интересно и трогательно описаны любовные сюжетные линии. Роман А. Н. Волошина «Земля Кузнецкая» явно тяготеет к роману эпического типа. Среди героев романа – врачи, учительница, молодой журналист Чернов, написавший поэму «Молодой Кузбасс», профессор, аспирантка и др. Жизнь шахты и шахтёров вписана в природный мир: «Из-за горы Елбань поднимался день-бокогрей». Большинство героев романа «Земля Кузнецкая» – это люди «капитальной» породы, умеющие капитально работать и капитально любить. «Капитальность» в концепции романа А. Н. Волошина стала характеристикой человека советской эпохи. О Рогове в начале романа сказано, что он «человек крепкий», «человек, глубоко убеждённый в своей правоте». Таких много в романе «Земля Кузнецкая» (1949). Таков Григорий Воцин, считающий, что «хорошо жить, если недаром живёшь». А. Н. Волошин запечатлел тип «капитального», основательного, устойчивого человека первой половины XX века. Такой капитальной породы был сам певец земли Кузнецкой. М. А. Небогатов в стихотворении «Памяти Александра Волошина» метко сравнил русского писателя-фронтовика с образом любимого народом былинного богатыря: «Наш Никитич, Добрыня наш!».

2.2. Проза В. М. Мазаева в контексте развития реалистической традиции русской прозы.

Жанр повести и рассказа

Владимир Михайлович Мазаев родился в 1933 году на Алтае в селе Васильчуки. Вскоре родители его переезжают в село Куртуково под Новокузнецком. После окончания в 1956 году филфака Новокузнецкого педагогического института работает в областной газете «Комсомолец Кузбасса» (литсотрудник, ответственный секретарь, зам. редактора). Затем 2 года – в секретариате газеты «Кузбасс». Первый рассказ был опубликован в газете «Комсомолец Кузбасса» в 1953 году. В 1963 году Кемеровским книжным издательством опубликован первый сборник рассказов «Конец Лосинового камня». С 1963 по 1968 год был главным редактором Кемеровского книжного издательства. В 1966 г. принят в Союз писателей. С 1971 по 1983 (4 выборных срока) руководит Кемеровской областной писательской организацией. Одновременно, с 1966 по 1993 годы, редактирует журнал «Огни Кузбасса» («Литературный Кузбасс») – орган писательской организации.

Автор двух десятков книг прозы (повести, рассказы, путевые очерки), вышедших в Кемерово, Новосибирске, Москве. Книги Мазаева переведены на немецкий, чешский, словацкий, болгарский, венгерский языки. По его повести и рассказам студиями Москвы и Кемерова поставлено несколько теле- и радиоспектаклей («Разомкнутая цепь», «Дамба», «Странная командировка», «Особняк за ручьем» и др.).

В 1979 году В. Мазаеву была присуждена премия журнала «Наш современник» за рассказ «Багульник — трава пьяная» из цикла «Рассказы сибирячки». Почетный диплом лауреата премии им. Волошина – за книгу прозы «Без любви прожить можно» (1997-1999 гг.). Имеет ряд областных премий.

Имя В. Мазаева – в фундаментальной 12-томной антологии «Венок славы», изданной в Москве к 40-летию Победы, в которой собраны лучшие произведения советских писателей о войне, выдержавшие испытание временем. Почетный работник культуры Кузбасса, заслуженный работник культуры Российской Федерации. Имеет медаль «За особый вклад в развитие Кузбасса», серебряную медаль «Кемеровской области 60 лет», Бронзовый знак «За заслуги

перед городом Кемерово». Живет и трудится в г. Кемерово. Публикации: Конец Лосинового камня: рассказы. – Кемерово, 1963. – 95 с. Жив останусь – свидимся: рассказы и повести. – М.: Сов. писатель, 1984. – 319 с. Праздник возвращения: повести. Рассказы. – Кемерово, 1987. – 254 с. Селевой поток: повести. – М.: Молодая гвардия, 1989. – 238 с. Мы всегда виноваты перед погибшими. – Кемерово, 1994. – 256 с. Без любви прожить можно. – Кемерово, 1995. – 360 с. Крутизна: повести и рассказы. – Кемерово, 2003. – 319 с. Зиму пережить: повесть // Огни Кузбасса. – 2011. – № 2.

Поэтика сборника повестей и рассказов В. Мазаева «Без любви прожить можно» (Кемерово: Изд-во «Ковчежек», 1995).

Сборник состоит из избранной прозы писателя, написанной и опубликованной в разные годы, например повесть «Селевой поток» и рассказ «Жив останусь – свидимся» написаны в середине 1980-х годов. Но с полным правом можно утверждать, что представленные в сборнике прозаические «вещи» составляют гордость писателя, его «визитную карточку». Общей темой для всех произведений становится тема осмысления человеком современной жизни и выбор, поиск своего места в ней. Для Мазаева значимыми в отношениях между людьми являются любовь, понимание, жалость, ответственность, постоянное чувство вины. Ни в одном представленном рассказе, ни в одной повести нет однозначно счастливого конца, скорее, это финалы-размышления, раздумья, «альтернативные варианты» возможных событий, возможного развития реальности. И в этом писатель идет за самой жизнью, которая не дает однозначных ответов. Обратимся к конкретным примерам.

Можно выделить произведения о любви, об отношениях между женщиной и мужчиной, это «Жив останусь — свидимся», «Задача с двумя неизвестными», «Хочу лететь на Модуйку», «История с альтернативным концом», «Я забуду тебя, я тебя позабуду». Но нигде из перечисленных рассказов и повестей нет любви счастливой, любви, связанной с созданием семьи, обретением дома, вообще, созданием некоего микрокосмоса, устроенного на принципах любви и взаимопонимания. Любовь в

художественном мире Мазаева синонимична понятиям вины, предательства, неведения, ошибки и случайности. Так, в рассказе «Жив останусь – свидимся» Варька Игнатьева – юная девчонка вынуждена скрывать свою беременность от матери, бабушки, всех односельчан по причине ее незаконности. Ребенок от любимого человека становится наказанием, позором, обузой, потому что Варька нарушает определенные правила деревенского общежития, потому что из-за войны невозможно по закону оформить отношения. Ребенок рождается благодаря помощи добрых людей: тетке Марьи, председателю колхоза Ипполиту Федосеевичу, Степаниде, но отец никогда не узнает о нем, потому что погибнет на фронте. С одной стороны, жизнь и любовь побеждают войну и смерть, ребенок у Варьки рождается и продолжит род Володьки Кравчука, его родители примут Варьку и внука и вырастят крепким мальчишкой. Но, с другой стороны, жестокость социума по отношению к человеку проявляется в ситуации войны, уничтожающей потенциальную возможность на счастье, на создание семьи. Ни Варька, ни Володька не виноваты в том, что случилось, виновата война, общее горе, в других рассказах вина за поругание любви и семьи ложится на самого человека. Так происходит в рассказах «Задача с двумя неизвестными», «Хочу лететь на Модуйку» и повести «Я забуду тебя, я тебя позабуду». Примечательно, что повествование, рассказывание и в том, и в другом случае идет от первого лица, это создает ощущение объективности, рассказчик без утайки раскрывает душу и обнажает собственные ошибки, обнаруживает вину. В первом рассказе рассказывается история шофера Гоши, запутавшегося в отношениях с двумя одинаково близкими ему женщинами, в повести безымянный рассказчик рассказывает о своей давней любви к девушке с редким именем Аделина, любви, бывшей практически в другой жизни. Гоша разрывается между любимой больной женой и любимой подругой, любящей его еще со школьных времен. Он никогда не бросит свою семью – жену и двух дочек, но и бросить другую любимую не может. Эта задача без решения раздирает его душу надвое. Есть простое решение, «сообразуясь с моралью, с законами брака», но в этих простых законах есть жестокость,

обрекающая на страдание двух любящих людей. И противоположное решение (бросить семью) тоже не устраивает Гошу, потому что он не может «пустить девчонок по ветру», не может предать семью. Так и заканчивается рассказ ничем, невозможно найти решение, невозможно поделить живого человека, невозможно просто прожить жизнь, без сложностей и противоречий. Так же ничем заканчивается рассказ «Хочу лететь на Модуйку», в котором женатый летчик Виктор Рассохин рискует своей жизнью, жизнью второго пилота, летит в штормовую погоду на далекий остров Модуйку на свидание с любимой девушкой Тоней. Не случайно в финале рассказа второй пилот Шурик честно признается своему командиру, что подает рапорт о переводе, он не хочет больше летать с Виктором. В этом своеобразном протесте Шурика обнаруживается вина Виктора перед женой, не подозревающей о его изменах, вина перед Тоней, глубоко любящей Виктора, вина перед парнем Юрием, искренне любящим Тоню. Виктор предстает как смелый, удачливый летчик, хороший, в общем, человек, но что-то решать, что-то выбирать он не собирается, его устраивает сложившееся положение вещей. В этом рассказе оказываются несчастны все, даже Шурик, прикоснувшийся к чужой любви и тайне, испытывает ужас, растерянность, беспомощность от осознания нелепости происходящего. Мазаев вновь фиксирует чрезвычайную сложность жизни, невозможность однозначных решений и вину героя перед жизнью и любовью за отсутствие поступка, за нежелание его.

Повесть «Я забуду тебя, я тебя позабуду», наоборот, заканчивается однозначным выводом – душевным терзанием героя. Полюбив когда-то в молодости девушку, он испытал рядом с ней минуты абсолютного счастья, но не решился назвать ее своей женой. Через шесть лет герой случайно узнает о сыне, которого она родила, о ее смертельной болезни и слишком ясно понимает, что она продолжает его любить, но ничего уже не вернешь. Главный закон жизни связан с утратой любви, счастья, радости, самой жизни и присутствия вечной вины перед женщиной, сыном и другой жизнью. «Неужели это все, что осталось от молодости? – всякий раз потрясенно думаю я. От того благословенного времени, когда

мы еще бездумно и легко, и безгрешно смеемся выстраданной не нами истине, гласящей, что любовные радости коротки, а страдания вечны» (2; с. 208). Итак, любовь, по Мазаеву, оказывается светлым, радостным чувством, приносящим минутное счастье, но, как правило, к семейным ценностям она не имеет отношения. Любовь трагически разбивается о социальные катастрофы (война, гибель любимого), о предательство любимых, об их нерешительность и слабость, о невозможность сохранить чувство.

Другой немаловажной проблемой в сборнике оказывается проблема «отцов и детей», отношения взрослых и детей, особенно матерей и детей. Это описывается в рассказах «Без любви прожить можно», «Кошки-мышки», повести «Селевой поток». С одной стороны, Мазаев фиксирует глобальные социальные изменения: тотальное пьянство, особенно женщин, равнодушие к судьбе детей, жестокость. В этом смысле рассказы «Без любви прожить можно», «Эх, люди-лошади...» вписываются в контекст натуралистической, «чернушной» прозы конца 1980-90-х годов (В. Астафьев «Печальный детектив», Л. Петрушевская «Маленькая страна», С. Каледин «Смирненное кладбище»). Писатель с болью пишет о брошенной пьяной матерью, больном ребенке, лишенном простых человеческих чувств и понятий жалости и благодарности. Кульминацией рассказа «Без любви прожить можно» можно считать сцену избиения мальчиком собаки, которая спасла его от холода: «В этой собачьей покорности и беззащитности ощутил он внезапно некую неиспытываемую прежде для себя сладость. И захотелось еще! В слезящихся глазах Пирата стояли недоумение и боль, в то время как он, распаясь, ширял его под ребра железным наконечником, при этом торжествующе приговаривал: «Тварь... тварь... тварь...»» (2; с. 62).

С другой стороны, обстоятельства не являются причиной равнодушия родителей к детям. Родители сами, в силу разных причин, в силу своих слабостей, не способны защитить детей от жизни. Так происходит в повести «Селевой поток», где Иван Дреганов своими руками сдает сына в детский дом и уезжает на Крайний Север, спасаясь от тоски по погибшей жене. Предательство сына отцом приводит маленького Леньку к странной

болезни – нежеланию жить, равнодушию к жизни и преодоление этого недуга зависит только от силы любви отца. Иван находит в себе силы вернуть Леньку к радости жизни, однако внутренние противоречия жизни вновь заставляют его сделать выбор не в пользу сына. Спасая экологию родной тайги, борясь с применением технологии селевого потока, Иван вступает в противоборство с системой, бюрократией, амбициями начальства и терпит поражение, теряет жизнь сына. Мазаев выстраивает композицию повести так, что прямой вины Ивана в смерти сына нет – так сложились обстоятельства, что погибла мать Леньки, что Иван не смог пережить смерть Любаши, находясь рядом с сыном, что Иван сам придумал механизм селевого потока, убивающего все живое, но экономящего деньги, взрывчатку, людские ресурсы, однако собственную вину Иван осознает сам. Не обстоятельства, а сам человек становится причиной всех бед, причиной смерти единственного сына, поэтому наказание в финале повести очевидно – смерть Ивана.

В свое время первооткрыватель кузбасской литературы А. П. Казаркин, ныне профессор Томского государственного университета, писал о повести Мазаева «Девочка во ржи», которая также входит в анализируемую книгу. В главном герое повести – геологе Савине, Казаркин видит «прозревающего Базарова, прозревающего от утилитаризма» (1; с. 53). Оказываясь в отпуске, в деревне, наедине с природой, Савин начинает чувствовать неосознанное чувство вины. «Он виноват перед устойчивой жизнью, которой появление савиных кладет предел» (1; с. 53). Он, как заведенный механизм, слишком рационально, механистически, односторонне относится к жизни, а отсюда и моральный, нравственный перекося, о котором писала в 1970-80-х годах вся онтологическая деревенская проза. Но герой способен осознать сделанное им, он чувствует свою вину перед природой, перед бабкой-кержачкой, перед всем бытием.

Таким образом, Мазаев, выстраивая собственный художественный мир, достаточно пессимистичен. Он не видит простого проявления радости в окружающей реальности, не слишком доверяет человеку в его поступках и устремлениях,

скорее, проза писателя настораживает, заставляет задуматься о сущности жизни и человеческих поступках. Поэтому, наверное, не случайно сборник избранной прозы заканчивается небольшой философской притчей «Часы с боем». Сюжет ее прост. «На старинной башне железнодорожного вокзала были часы с боем — куранты». Музыка, которую отбивали часы, заставляла людей задуматься, вызывала неожиданное чувство грусти и печали, чувство поиска, настроение вопросов. Но однажды власти запретили уныние и пессимизм, наступило время оптимизма, «с тех пор вокзальные куранты играют быстро, бойко, оптимистично», но эта музыка уже никого не трогает, не мешает жить бездумно. Мы, по мысли писателя, все время хотим радости, «хлеба и зрелищ», забывая, что «при печали лица сердце делается лучше...», может быть, поэтому все рассказы и повести сборника грустны и печальны, ибо заставляют задуматься о наших поступках и мыслях, чтобы сердца становились лучше. В конечном итоге таков гуманистический пафос прозы В. Мазаева.

Размышления над повестью «Год восемьдесят шестой».¹⁰

Имя В. М. Мазаева само по себе уже знак качества, и повесть «Год восемьдесят шестой» ещё раз это качество доказала. Даже то, что это «ремейк» давней повести «Дамба», не умаляет её достоинств. Казалось бы, «производственная» тема давно исчерпала себя, для нынешних поколений 2000-х 1986 год – это давняя история, и чем может быть интересен прорыв дамбы на одном из заводов. Но потому это и Мазаев, что, описывая некое непримечательное событие, он берет читателя в плен повествования и держит его неотступно. Поэтому история о выбросе ядовитых отходов в реку вписывается в экологическую и некую общегуманистическую проблематику, но подается как лихо закрученный детектив, когда читатель сопереживает персонажам и до самой последней строчки гадает, обойдется или нет, погибнут люди или их спасут. Примечательно, что ни город, ни завод, ни река не обозначены, в повести просто Река, Завод, Город, Дамба, но именно безымянность и одновременно универсальность топонимических объектов (в

---

¹⁰ Данный раздел опубликован в виде статьи: Ашеулова И. В. Обзор прозы журнала «Огни Кузбасса» за 2009 год: о повести В. Мазаева «Год восемьдесят шестой» // Огни Кузбасса. 2010. № 3. С. 133-137.

повести прописные буквы) отражают метафорический смысл повествования — ответственности каждого человека без рангов и различий за судьбы даже не природы, а общего потока бытия. Это доказывает трагический финал – смерть Трёхнутого, Андрея Наймушина, в одиночку изучавшего гидроотстойник и его содержимое, его жизнь, его знания никому не нужны и оценены в десять рублей. Насколько мне помнится, в более раннем варианте «Дамбы» не было сюжетной линии Трёхнутого и его любви к дочери Каржавина Зое, как не было и самой Зои. Повесть заканчивалась достаточно оптимистичной картиной общей победы людей и природы над ядовитым потоком, будущая жизнь, зародившаяся в Вике, должна была знаменовать торжество над призраком экологической катастрофы. В данном варианте этого ощущения уже нет. От общей безхозяйственности, от непрофессионализма, от незнания, от вечного русского «авось» остается горький осадок невозможности изменения жизни к лучшему. Думается, что подобные переделки в структуре повествования отражают общий авторский пессимистический настрой по поводу уже не 86-го XX века, а сегодняшнего времени. Прорыв Дамбы – это сегодняшнее медленное умирание и отечественной духовности, и села, и образования, и в какой-то мере промышленности. Секретарь горкома Каржавин не смог ответить ни на один вопрос дочери («Если сегодня верно одно, а завтра уже другое, – значит, нет ни истины, ни правды?»), в финале повести он находится в начале своего собственного личностного пути постижения реальности и людей, а мы оказываемся уже в финале им начатого пути, у той черты, где духовные и экологические проблемы вместе разрушают цельное бытие. Думается, что повесть В. Мазаева может служить отличным примером рождения из реалистического повествования философской, экзистенциальной проблематики.

2.3. Историко-документальный роман В. А. Чивилихина «Память» в контексте русской исторической прозы 1970-90-х годов

Владимир Алексеевич Чивилихин (1928-1984) родился в городе Мариинске Кемеровской области. Детство и юность он провел в г. Тайга. В Тайге он окончил железнодорожный техникум, там же – на практике – познал «прелести» работы кочегаром на паровозе. Публиковаться в газетах начал в 1946 году. В 1949 году успешно сдал экзамены в университет, но не был принят, так как не имел среднего образования, а техникум он окончил не по «профилю». Недолго думая, абитуриент написал письмо министру просвещения и уехал на станцию Узловая, неподалеку от Москвы, где работал мастером в железнодорожном техникуме. Удивительно, но через месяц из университета пришла телеграмма: «Приезжайте срочно приняты очно». В 1954 году закончил с отличием факультет журналистики МГУ. Около 10 лет проработал в «Комсомольской правде». Первая книга – «Живая сила» вышла в 1957 году. Затем появились книги очерков «Здравствуй, мама!», «Шуми, тайга, шуми!». А немного позже документальные повести – «Серебряные рельсы» и «Пестрый камень». Признание Чивилихину принесли повести о молодом современнике, осваивающем Сибирь: «Про Клаву Иванову», «Елки-моталки», «Над уровнем моря». Всемирную славу принес писателю роман-эссе «Память» (1982). Лауреат Государственной премии РСФСР им. М. Горького, премии Ленинского комсомола. В Мариинске создан Музей Владимира Чивилихина, который с каждым годом продолжает расширять экспозиции, и ежегодно проводит Чивилихинские чтения. Публикации. Собрание сочинений: в 4-х т. – М.: Современник, 1985. – Т. 1. – Повести. – 1985. – 526 с. Т. 2. Проза и публицистика. – 1985. – 607 с. Т. 3. Память. Кн.1. – 1985. – 719с. Т. 4 Память. Кн.2. – 1985. – 701 с. В нашем доме: повести. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1987. – 496 с. Земля в беде. – Москва; Ленинград: Правда, 1969. – 60 с. Деревья и люди. – Москва: Сов. Россия, 1976. – 88 с. Живая сила. – М.: Молодая гвардия, 1957. – 167 с. Память: роман-эссе: в 2-х кн. – М.: Худож. лит., 1982. (Роман-газета). Шведские остановки: путевые заметки. – Москва: Сов. писатель, 1975. – 174 с. Дневники, письма. Воспоминания современников /сост. Е. В. Чивилихина. – Москва: Алгоритм, 2009.

Размышления над поэтикой романа-эссе «Память». Роман состоит из двух частей-томов, писался роман с 1968 по 1983 год, отдельными частями публиковался в литературных журналах и «Роман-газете». Роман принес Чивилихину известность, но и вызвал огромный резонанс. Главным художественным приемом писателя становится прием разворачивания индивидуальной личностной памяти в пространство, контекст общероссийской истории. История в понимании Чивилихина предстает как огромный текст, бесконечное свидетельство о жизни, мыслях, мечтах и устремлениях наших предков. Причем текстом могут быть не только документы, записки, дневники, письма, но и архитектурные памятники, устные воспоминания, художественные тексты, археологические находки. Пользуясь подлинными документами, называя подлинные имена, Чивилихин тем не менее пропускает историю через собственную судьбу, собственное понимание, поэтому все люди в исторической событийности оказываются связанными незримыми нитями. Таким образом, роман-эссе Чивилихина вписывается в контекст русской советской исторической прозы 1960-80-х годов с ее поиском подлинной исторической истины.

Разные поэтики прозы на материале прошлого проявились в 1960 – 1970-е годы, когда новый социальный перелом вызвал интерес к разной проблематике прошлого: роль традиций национального уклада в историческом времени, роль идей (консервативных и преобразовательных) в социальной жизни, последствия разного персонального самоопределения личности в меняющихся исторических обстоятельствах, столкновение массового (народного) и личностного сознания в социальных коллизиях, столкновение личностного самоопределения и власти, общее и вариативное в истории разных социумов и т. д. Ведущими повествовательными формами этого периода становятся: социально-аналитический роман эпопейного типа (Д. Балашов. Цикл «Государи Московские» (1975-1997), Н. Задорнов «Цусима» 1971, «Сидома» 1975, «Хэда» 1979, А. Солженицын «Красное

Колесо»); панорамный роман-хроника (романы В. Пикуля); историко-документальный роман-жизнеописание (Н. Эйдельман «Апостол Сергей» 1975, «Большой Жанно» 1982, В. Савченко «Тайна клеенчатой тетради» 1976, «Власть разума» 1982, Я. Гордин «Хроника одной судьбы» 1980, Ю. Помпеев «Февральский вихрь» 1985, Ю. Трифонов «Отблеск костра» 1965, Ю. Давыдов «Герман Лопатин, его друзья и враги» 1984); интеллектуальная историческая проза: философский роман-притча (Б. Окуджава «Глоток свободы» 1970, «Свидание с Бонапартом» 1979-83); авантюрно-исторический роман (Б. Окуджава «Путешествие дилетантов» 1971-77); психологический роман-притча В. Шукшина «Я пришел дать вам волю» (1971); нравственно-философский роман-расследование (Ю. Трифонов «Нетерпение» 1973, Ю. Давыдов «Две связки писем» 1982, «Глухая пора листопада», 1969; «Судьба Усольцева» 1973, «Завещаю вам, братья» 1975, «Соломенная сторожка» 1972-82). В этом же ряду оказывается документальный роман-эссе В. Чивилихина «Память».

В первой книге повествование начинается пространным автобиографическим объяснением автора о необходимости сделанного труда. Опыт жизненно-индивидуальный, по мнению автора, обязательно является опытом историческим, каждая отдельная жизнь вписывается в судьбу народную, судьбу Отечества: «Любой из нас, на свой срок становясь участником жизни, проходит вне себя неповторимый путь, приобретает сугубо индивидуальный опыт, представляющий, однако, интерес и для других, потому что сила людей, их вера в будущее основывается на опыте каждого, включающем и знания – опыт ума, и чувства – опыт сердца, на том самом ценном, что, слагаясь, формирует народную память, передается из поколения в поколение и становится опытом историческим» (5; с. 16). Исходя из этой максимы, автор рассказывает о важных этапах своей жизни, важнейшим из которых становится учеба на филологическом факультете МГУ и прочтение «Слова о полку Игореве», которое стало любовью и интересом Владимира Алексеевича на всю жизнь. «Слово» становится и одним из героев «Памяти». В последней части первой книги автор выдвигает смелую гипотезу об авторстве «Слова», подтверждаемую

различными научными источниками. Учеба в Москве связана с любовью к архитектуре города, студентом Чивилихин обошел все знаменитые дворцово-парковые комплексы: Измайловская усадьба, Лефортово, Фили-Кунцевский парк, Коломенское, Останкино, Царицыно и другие стали навсегда любовью писателя. От рассказов об архитекторах автор переходит к рассказам о людях-хранителях этих памятников. Например, пронзителен рассказ о Петре Дмитриевиче Барановском, специалисте-реставраторе, архитекторе, сохранившем и воссоздавшем после Великой Отечественной войны церковь Параскевы Пятницы в Чернигове. Именно так – от текста к человеку, от памятника к личности – движется повествование в романе. История – это люди, судьбы, голоса, их надо помнить, искать, ценить, воскрешать. Так возникает имя забытого декабриста Николая Мозгалевского, оказавшегося далеким предком жены писателя, а его судьба выводит к судьбам всех декабристов и их семей, поражающих своими талантами, энергией, силой душевной и нравственной. От связей декабристов Чивилихин вдруг натывается на тесную связь русских писателей и появляется интереснейший рассказ об отношениях А. О. Смирновой-Россет и Н. В. Гоголя. А Гоголь выводит писателя на историю Оптиной пустыни, города Козельска и Чернигова, появляются имена и судьбы русских князей. Через тонкие нити, связывающие тех или иных людей, в романе выстраивается огромная грибница, где нет чужих, а есть только близкие и дальние родственники. История оказывается тем кругом, по мысли Чивилихина, где все связаны родственными, кровными связями, и искать, обнаруживать их – значит понимать не только себя, свою отдельную жизнь, но и жизнь всей страны, всего государства на протяжении долгих столетий.

Подобную художественную стратегию отмечал в романе еще А. П. Казаркин: «В прозе В. Чивилихина главные герои – народ и природа. А тема – их связь, взаимовлияние. Родиться вовремя – значит успеть сделать или сказать что-то крайне нужное людям ближайшего будущего. Автор – образ добровольного собирателя и хранителя исторической памяти» (4; с. 100). «Память» – это нагромождение и переплетение тем, имен, дат – создавалось как попытка переворочить все исторические сведения, чтобы

повернуть всю историографию в сторону экологии культуры. И чтобы убедить людей в угрожающем состоянии исходных ценностей жизни, без которых и культура немислима. Ведь человек – это культура, он ее детище и без нее вырождается, исчезает» (1; с. 22).

2.4. Историко-авантюрный роман С. М. Павлова «Кузбасская сага»

Сергей Михайлович Павлов родился в 1952 году в городе Белово Кемеровской области, в семье шахтера. Окончил Кемеровский госуниверситет – филологический факультет (1974 г.) и Свердловский юридический институт (1982 г.) Работал учителем, редактором многотиражной газеты. 20 лет служил в органах МВД, подполковник милиции в отставке. Имеет награды МВД России. Член Союза журналистов России (1997 г.), член Союза писателей России (2003 г.) Пишет с середины 80-х годов. Сначала публиковал свои рассказы в городских и областных газетах Кузбасса. В 2000 году в литературном альманахе «Огни Кузбасса» появились первые рассказы («Из жизни окурков» и «Землячка»). С тех пор является постоянным автором этого журнала. Роман «На изломах крестьянского тракта...» (Кузбасская сага) появился в журнале «Огни Кузбасса» в 2007 году, затем вышла отдельная книга: На изломах крестьянского тракта...: (кузбасская сага) / С. М. Павлов.– Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. – Кн. 1. – 2008. – 482. Кн. 2: Пленники Маньчжурии. – 2011. – 469 с.

Вторая книга кемеровского писателя С. М. Павлова «Кузбасская сага» появилась в 2011 году. Она охватывает период Русско-японской войны и Первой русской революции. Читатель встречается с уже знакомыми и любимыми ему персонажами из первого романа «На изломах крестьянского тракта»: Гордеем и Федором Кузнецовыми, Тимофеем Скопцовым, Федором Харламовым, Аленой – и становится свидетелем дальнейшего развития их судьбы.

Главным событием второй книги становится Русско-японская

война, в которой вынуждены принимать участие главные герои романа. Главы романа, в которых описываются батальные эпизоды и эпизоды, связанные с войной, написаны ярко, интересно, достоверно, со знанием общей исторической ситуации, им веришь безусловно, они захватывают читателя. Особенно хочется выделить эпизоды пребывания героев в японском плену, достаточно жестко, но достоверно писатель описывает ситуации противостояния русских солдат и чужой системы подавления, даются различные варианты поведения человека в пограничной ситуации, ситуации смертельно опасной: так, очевиден поступок Федьки Окаянного, который во время попытки побега бросил товарищей, предал их, а затем уверил односельчан в смерти их сыновей и мужей. Характер Федьки, его поведение и поступки в мирных ситуациях как бы прогнозируются на ситуацию побега, в очередной раз Федька демонстрирует свою «гнилую» сущность, когда предаёт товарищей. Хочется также отметить общую, если можно так сказать, авантюрную составляющую романа, его интересно читать и в «военных» главах, и в «любовных» (треугольник Алена-Гордей-Федор), и в «тюремных», и в мирных (жизнь села во всех её проявлениях). Вторая книга интересна попыткой вписать простую человеческую жизнь, жизнь небольшого удаленного сибирского села в большую историю России, это интересно в художественном смысле и отсылает к классическим образцам русской литературы, это важно и в познавательном смысле – мы должны интересоваться своей историей, знать её, а большая история начинается с погружения в мир малой истории: семьи, дома, улицы, села, города.

2.5. Развитие эпического жанра в современной кузбасской литературе

Роман В. Переводчикова «Колдунья Азея» напечатан в 1-3 номерах журнала «Огни Кузбасса» за 2009 год. Безусловно, появление этого романа можно расценивать как большой прорыв провинциального литературного журнала. Для активно читающей публики не секрет, что не каждый столичный современный литературный журнал может похвастаться качественной прозой. Наряду с романом С. Павлова «На изломах сибирского тракта»,

вышедшего в 2008 году отдельной книгой и впервые напечатанного в том же журнале, «Колдунья Азея» воспринимается как заметное явление в современной региональной литературе. Чем же интересен роман? Попробуем разобраться. Обратимся к его поэтике: композиции, сюжету, персонажам, мотивам.

На наш взгляд, основное художественное достоинство романа заключается в его полифоничности, многоголосии, множественность голосов персонажей, множественность точек зрения формируют образ насыщенной, многослойной реальности, что отражается и на занимательности повествования (истории о нескольких поколениях колдуний) и на его философичности. Роман начинается с устойчивого в мировой и русской литературе мотива «найденной рукописи», совершенно случайно к рассказчику попадает холщовый мешок с бумагами, которые ему непонятны и не нужны. Из сопроводительной записки рассказчик узнает, что найдены эти бумаги в некоем «схроне», все тексты написаны через букву «ять», значение их темно. Только после выхода на пенсию рассказчик заинтересовался этими бумагами, что-то в дополнение к ним ему поведали другие люди, в частности, его двоюродная сестра Антонина. И оказывается, что рассказчик принадлежит к древнейшему роду шаманов и магинь, мудрость которого зародилась ещё при Чингисхане и в современности утеряна. Так из случайно найденных рукописей появляется легенда о древней магине матери Летаве, родоначальнице клана магинь-птиц. Эта сюжетная линия в романе разветвляется на несколько временных периодов. Во-первых, далекие времена Чингисхана (хана Тэмучжина), связанные с детством, юностью и посвящением в тайны магии Цзэмулы-Летавы – родоначальницы клана магинь; во-вторых, это вторая половина XIX века, Даурия, граница с Китаем и Моноголией, жизнь магини Трифелы-птицы; в-третьих, первая половина XX века, примерно до 1960-х годов, история жизни последней из рода – Азеи-птицы. С двумя последними колдуньями из рода Летавы связаны судьбы остальных персонажей, а с восприятием тайн магии, колдовства и шаманства связан метатекстовый философский план повествования, авторский план.

Собственно художественное время повествования романа

связано с настоящим и прошлым колдуньи Азеи. Посылка для начала повествования связана с её пребыванием в настоящем под следствием по обвинению в незаконном врачевании, жертвой которого становится ребенок. В реальном настоящем времени разворачивается сюжет об аресте Азеи, следствии и обвинении её в непреднамеренном убийстве, здесь следователь Андрей Венцов пытается понять сложный тайный мир магии и шаманства. Андрей предпринимает несколько попыток оправдания колдуньи, для чего изучает архивы библиотек, старые книги по магии, встречается со свидетелями «чудес», сотворенных Азеей, и сам становится свидетелем такого чудесного излечения. В этом понимании кроется и будущее оправдание Азеи на суде.

С другой стороны, сидя в тюрьме, имея огромное количество свободного времени, Азея вспоминает свою жизнь, многочисленных людей, встретившихся на её пути, моменты своего торжества и поражения. Воспоминания становятся и оправданием деятельности Азеи, и собственным приговором себе. В этих воспоминаниях очень много сказочного, фантастического, мифологического. Память Азеи уходит в различные миры, времена и пространства, память рождает в повествовании миф-легенду о роде магинь-целительниц и их знании. Сказочное прошлое связано с прошлым самой Азеи, историей её обучения колдовству, превращение в птицу, образом Трифелы – тетушки, наставницы Азеи.

Думается, что сказочность, фантастика, условность повествования становятся важнейшей чертой поэтики романа, что позволяет вписать роман в определенную тенденцию современной русской литературы. Так, исследователь современной литературы из Минска Г. Л. Нефагина обозначает прозу, где допускаются различного рода условность, фантастика, сказочность, мифичность, – условно-метафорической прозой (2). Непременным условием реализации поэтики условно-метафорической прозы является воплощение философской идеи, изображение надындивидуального или внеиндивидуального, всеобщего, общечеловеческого, поэтому писатели этого направления активно используют сказочные, мифопоэтические и фантастические мотивы и образы. Все эти

черты мы наблюдаем в романе В. Переводчикова.

Фантастичность отдельных глав романа, например «Под крылами птицы деревянной», «Цзэмула-Летава», «Магический сосуд», «Выстрел в птицу» открывает различные аспекты добывания и бытования магических навыков и знаний в роду магинь. Фантастичность как прием в романе позволяет смещать время повествования, соединять далекие времена и персонажей, «играть» с временными пластами. На первый взгляд непонятные слова, действия и заклинания магинь оказываются наукой, основанной на мудрости многих веков и знаний тибетских, индийских, монгольских и китайских шаманов, целителей, знахарей. Это знание для избранных, знание, которое дается в процессе многочисленных испытаний, лишений, даже жертв. Так, чтобы сделать из Азеи свою преемницу, Трифела «очаровывает» отца Азеи, убившего её мать, как бы приносит их в жертву будущему посвящению девочки, и сама Азея, чтобы стать настоящей магиней, должна принести свою любовь, надежды на семью, на детей в жертву знанию. Одна из самых интересных глав в романе посвящена инициации маленькой Азеи в глубины магического знания, когда она учится понимать лес, зверей, травы, учится «летать». В результате посвящения Азея должна понять одну простую и важную истину, что все усилия магинь, все знания веков, все рукописи, находящиеся в «схроне», нужны для помощи людям и предназначение любой из колдуний – помогать страждущим, больным, заблудшим, всем, кто нуждается в помощи, не беря и не требуя при этом плату, только если сами дадут и отблагодарят. Поэтому «хроника» магической, знахарской деятельности Азеи предстает и как случаи избавления от смерти, когда Азея бросает вызов судьбе, «потусторонности», предопределенности человеческой жизни, и как бытовые анекдоты, когда с помощью Азеи покрывается чей-то грех или проступок. В её восприятии одинаково важно спасти старателя Ограна от смерти, или дать возможность Федосею и Лиде Паниным иметь детей, но и скрыть незаконного ребенка Пульхерии Гвоздевой, приворожить к непутевой Дуньке Тишку - значит помочь и как-то обмануть злой умысел судьбы. Поэтому не видит Азея преступления в смерти

ребенка, которого она взялась лечить, наоборот, она дает шанс неизлечимо больному ребенку стать на ноги, в который раз обмануть смерть. Единственным упреком себе она ставит появление Вити на свет и собственное неумение рассчитать нужную дозу снадобья. Из жизненной философии Азеи вырастают в романе размышления автора о смысле человеческой жизни, о смысле знания, данного человеку. В беседе с адвокатом, которого назначают для защиты Азеи, Азея Елизаровна буквально излагает «программу» жизни человека. Во-первых, человек должен думать о добре, делать добро, служить добру, вне зависимости от благодарности: «Чем больше я делаю добра, тем больше мне Бог его и посылает» («Огни Кузбасса» №3, с. 92). Не случайно Трифела-птица, наставляя Азею, вспоминает четыре истины Будды, по одной из которых нужно сделать праведными свои поступки, мысли, быт, намерения, речь. Во-вторых, зло обязательно нужно наказывать, часто жестоко карать смертью, что сделала Азея с теми, кто пытался её убить. В-третьих, нужно отдать свое знание единственному, созданному для него человеку, который понесет его дальше и дальше будет творить добро. Драма Азеи, а вместе с ней и всего непознанного, скрытого, состоит в том, что современному рациональному миру не нужно сверхзнание, нет посвященного, нет избранного, чудо магии оказывается невостребованным, и таинственная Азея-птица в конце романа уходит, или улетает, в неизвестность, в небытие, забирая с собой все тайны. Человек оказывается несовершенен, его поступки часто лишены смысла, но человек достоин счастья. Уходя, Азея-птица желает счастья всем оставшимся и прежде всего Венцову, своему следователю, почти приблизившемуся к разгадке её тайны. Не случайно роман заканчивается обретением дома, семьи, любимой женщины, ребенка – всего того, что составляет смысл человеческой жизни.

Малый эпический жанр представлен в современной литературной кузбасской ситуации широко и разнообразно. Хотелось бы выделить две тенденции в поэтике рассказа: с одной стороны, рассказы, в реалистической манере повествующие о случае из жизни, тем самым отражающие многообразие реальности и подтверждающие основную черту рассказа как жанра –

изображение фрагмента, мгновения, кратковременного события в реальности, способного перевернуть жизнь человека. С другой стороны, рассказы, написанные в фантастической, условной манере, в которых происходят не совсем реальные события, но через прием условности рассказ обращается к глубинным душевным проблемам.

К первому типу рассказов можно отнести: «Федор Григорьевич, Дерик и др.» В. Крекова (№ 5), «Случай с Олей Густешовой» С. Луцкого (№ 5), «Штурман Серый» И. Тюниной (тот же номер), «Слива» М. Кривошеина, рассказы В. Попка, Г. Золотаиной, А. Ярощука (№ 6) и многие другие. В. Креков верен своей во многом мемуарной манере, рассказом-анекдотом можно назвать «Случай с Олей Густешовой», очень симпатичный «детский» рассказ А. Ярощука «Дружок, или Лекарство от хандры», от которого, несмотря на печальный финал (смерть Дружка), остается очень светлое чувство победы жизни над смертью, какой-то правоты Дружка, что жить надо, поэтому появление Дружка-2 закономерно. Все эти рассказы по-своему интересны и занимательны, но хотелось бы остановиться на другой группе: о. С. Адодин «Иерусалим, Иерусалим...», А. Брюховецкий «Я пришла», Г. Дырин «Ангел-хранитель» (№ 6).

Эти рассказы объединяет некое сверхъестественное событие: встреча с Мессией, встреча со смертью, встреча с ангелом-хранителем. И все эти моменты направлены на обнажение человеческой души, на обнаружение нравственных механизмов для возможности называться человеком. Так, герой рассказа «Я пришла» в момент встречи со Смертью не только кается во всех совершенных грехах, но испытывает ни с чем не сравнимое наслаждение освобождения души от бренного тела с его повседневными тяжкими заботами и злобой (ненависть к кошкам), душа обретает бессмертие и в ожидании вечной радости или вечной печали обретает успокоение. А герой «Ангела-хранителя» счастливо избегает смерти и обещает поставить свечку в церкви во избавление от недуга, но за делами так и не делает обещанного. Казалось бы, человек ничему не научился, однако он постоянно помнит о своем зароке, думает об ангеле, мысленно благодарит его,

а в памяти уже заключается духовное перерождение человека.

И совершенно по-особому прочитывается рассказ «Иерусалим, Иерусалим...». Автор нашел очень интересный, обоснованный, необычный прием повествования о событиях Священной истории. Рассказ ведется от первого лица, и постепенно читатель понимает, что герой – разбойник, убийца, главарь шайки, орудующей в окрестностях Иерусалима во времена Христа. Это тот разбойник, что распинается вместе с Христом (справа от него), но после смерти ему Христом обещано Царствие Небесное (Евангелие от Луки, 23, 40-43). В Евангелии это маленький эпизодический персонаж, который никогда не привлекал внимания историков и писателей. Тем и интересен рассказ, автор пытается проникнуть в психологию этого человека и пусть в сослагательном наклонении, но ещё раз представить историю Христа с другой точки зрения. Рассказ написан очень живо, может быть, герой говорит и не совсем тем старым языком, но его слова звучат убедительно, его рассказ – это летопись убийств, грабежей, обманов, ему не знакомы угрызения совести, за деньги он готов убить любого. Потому и в праздничном Иерусалиме, отмечающем Пасху, он оказывается для того, чтобы поживиться в толпе народа. Но потому и захватывают описания его страданий на кресте, его раскаяние, что в момент надвигающейся смерти он искренен, он готов для обращения в веру, при собственных невыносимых страданиях он замечает мужество другого (Христа) и раскаивается со всей страстностью души.

Думается, что у этого фантастического повествования большой морализаторский, нравственный потенциал – каждому, пусть самому закоренелому преступнику, дано право покаяния, дано право оказаться «по правую руку». Поэтому в финале, в момент смерти и разбойника, и Христа, не чувствуется конца, смерти, наоборот, торжество воскресения, и не возникает и тени сомнения, что два новых «приятеля» не в раю, это та истина, что возникает в конце чтения.

Литература

1. Казаркин, А. П. Литературное краеведение в Кузбассе: учебное пособие / А. П. Казаркин. – Кемерово, 1993.

2. Мазаев, В. М. Без любви прожить можно / В. М. Мазаев. – Кемерово: Ковчежек, 1995. – 359 с.
3. Нефагина, Г. Л. Русская проза второй половины 80-х – начала 90-х XX века: учебное пособие / Г. Л. Нефагина. – Мн.: Экономпресс, 1997. – 231 с.
4. Три имени: Ф. Достоевский, В. Федоров, В. Чивилихин. – Кемерово, 1990.
5. Чивилихин, В. А. Память: роман-эссе: в 2 кн. – Кн.1. – М.: Худож. лит., 1988. – 787с.

ГЛАВА 3. «Женский почерк» в литературе Кузбасса¹¹

3.1. Очерк о творчестве З. А. Чигаревой (1928-2007)

Зинаида Александровна Чигарева родилась в г. Ельце Липецкой области. После окончания Ленинградского университета была направлена на работу в школу г. Прокопьевска. Затем почти восемь лет заведовала отделом культуры и быта редакции газеты «Шахтерская правда» (г. Прокопьевск). Много писала по вопросам культуры, театра, руководила литературным объединением.

---

¹¹ Авторы учебного пособия сосредоточились лишь на значимых прозаических именах писателей-женщин, поэзия остается как перспектива для изучения, размышления. Исключение составляет поэзия Т. И. Рубцовой, авторы пособия посчитали необходимым поместить небольшой раздел об этом замечательном поэте и человеке.

Работала на студии телевидения в г. Кемерово. С 1968 по 1980 г. являлась главным редактором Кемеровского книжного издательства.

Первую пьесу З.А. Чигарева написала еще в студенческие годы. В Прокопьевске она написала пьесу «Шахтерская поэма», которая была поставлена сначала местным драматическим театром, а затем прошла по сценам театров Донбасса и Дальнего Востока. Другая ее пьеса «Пока не придет разводящий» была показана Центральным телевидением. В 1970 г. вышел первый сборник рассказов «Золотые холмы детства». С 1966 года – член Союза писателей СССР. Зинаида Александровна Чигарева – заслуженный работник культуры РСФСР. Публикации: Золотые холмы детства: рассказы. – Кемерово, 1970. – 145 с. Осторожно сказка: сказочная повесть. – Кемерово: Книжное издательство, 1973. – 95 с. Свет мой ясный: рассказы, повесть. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1978. – 187 с. Не спугни птицу: повести /послесл. автора. – Кемерово, 1987. – 265 с. След добра: повести, рассказы. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство. – 1983. – 303 с. Горький привкус осени: повесть, рассказы. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство. – 1989. – 189 с.

Размышления над сборником избранной прозы «След добра». Главными темами в ценностном поле художественного мира З. А. Чигаревой оказываются темы семьи, любви, отношения между мужчиной и женщиной, отношение к ребенку. Читая Чигареву, ловишь себя на мысли, что эмансипация современной женщины не просто мешает выстроить семейные отношения, но она во многом разрушает исконно складывающиеся, традиционно-патриархальные отношения в семье. От этого страдают не только семьи, женщины, мужчины, дети, от этого страдает общество, в котором при деформации семьи деформируются ценности, нравственно-моральные критерии. Именно о важнейших семейных и социальных противоречиях писала Чигарева в 1970-80-е годы. Книга «След добра» включает в себя две повести: «След добра» и «Не спугни птицу» и четыре рассказа «Праздник Маши Красильниковой», «Концерт для скрипки с оркестром», «Девчонка на берегу», «Золотые холмы детства». Все произведения о семье, о

женщине, о возможностях и противоречиях любви.

Повесть «След добра» написана на достаточно жестком документальном материале. Корреспондент областной газеты Полина Викторовна Ямщикова в качестве дополнительной общественной нагрузки попадает в наблюдатели в детскую комнату милиции и знакомится с детской преступностью в разных ее проявлениях. Ужесточают повесть подлинные протоколы совершенных детьми преступлений, приведенные в тексте повести. Мучительные раздумья Полины над судьбой таких детей, многоуровневый анализ общественных явлений, глубочайший внутренний самоанализ становятся психологическим подтекстом повести. Повествование ведется с точки зрения самой Полины, перед читателем личностный взгляд на себя, свою работу, на жизнь в целом, взгляд глубоко порядочного, интеллектуального, но бесконечно одинокого человека. Внутренний монолог и анализ позволяют читателю следить не только за внешне-событийной канвой, но и участвовать в анализировании современной семьи. На сюжетном уровне повести центральными историями оказываются четыре истории о детях: во-первых, судьба Жени и Алочки Сыромятниковых, сбежавших от матери-пьяницы; во-вторых, уголовная история шестнадцатилетнего Юрия Касаткина, садистски избившего девятилетнего мальчишку; в-третьих, история подростка Бориса Петровского; в-четвертых, история Вадима Морозова, ограбившего киоск. Важную роль играет Полина Ямщикова в судьбе детей Сыромятниковых и Бориса Петровского, собственно, основное сюжетное пространство повести связано с действиями Полины по спасению Сыромятниковых от пьяных побоев матери и «воспитанию» Бориса. Собственным примером показывает Полина Боису, что взрослые не враги, что можно и нужно найти точки соприкосновения, точки диалога. Поэтому Борис, первоначально угрюмый, замкнутый и циничный, раскрывается совсем с другой стороны в разговорах с Полиной и оказывается мальчиком думающим, равнодушным, стремящимся понять и оценить жизнь. Борис – это большая педагогическая победа Полины, имеющей диплом учителя, но не нашедшей себя в школе. Именно борьба с Борисом и за Бориса, борьба за Женю и Алочку

заставляют Полину полностью пересмотреть свою жизнь, найти в себе силы понять свое место в жизни, свое призвание и, наконец, обрести так долго ожидаемую любовь. В размышлениях Полины очевидно проявляется авторская точка зрения о состоянии современной семьи и ощущениях женщины. С одной стороны, женская эмансипация в XX веке связана с огромными нагрузками на женщину, она должна быть хорошей матерью, хорошей женой, успешным и умелым работником и активным общественно-социальным деятелем. Но, с другой стороны, эта нагрузка оказывается не по силам женщине, и она вынуждена вертеться в этом замкнутом круге, забывая о нежности, жалости и любви к самым близким людям. Поэтому жалобы Полининых приятельниц на детей, мужей, начальников, на жизнь имеют под собой основания. Но выявляется и иной аспект – современная женщина тоже подчиняется ритму современной жизни, становится часто ленивой, равнодушной, забывает о сущности женской природы. Об этом размышляет одна из героинь повести: «То-то нам теперь каждое движение в тягость, дети в наказание, обычное дело каторгой кажется. Заелись, обленились, вот что я вам скажу». Равнодушие и лень, которые со временем превращаются в жестокосердие, ненависть, садизм, становятся карой современного человека, современной семьи, поэтому «след добра» – это поступки неравнодушных людей, старающихся не забывать о самом главном – о любви и внимании к детям, к окружающим. В повести это сама Полина, директор школы Нина Семеновна, директор детского приемника Святослав Андреевич, милиционер Карпова, учительница Оксана Дмитриевна. Таким же человеком является и героиня повести «Не спугни птицу» Женька и Маша Красильникова из одноименного рассказа. Умение испытывать жалость к людям, умение делать добро – это главная ценность в художественном мире Чигаревой и в ее авторском сознании.

3.2. Очерк творчества Ю. Лавряшиной (род. в 1965)

Юлия Александровна Лавряшина – одна из ярких представительниц современного литературного процесса, обращающихся в своем творчестве к жанру мелодрамы. Ю. Лавряшина родилась в г. Кемерово, окончила Кемеровский государственный институт культуры, стала лауреатом многих литературных премий, членом Союза писателей России. Ее дебютная книга «Страсти по неведомому» написана в жанре мелодрамы, как и все последующие за ней романы. Ю. Лавряшина издала более 20 книг, а в 2006 году номинировалась на Букеровскую премию за роман «Фальшь истины». Первым издательством, с которым писательница начала сотрудничать, проживая в Сибири, стала новосибирская «Мангазея», благодаря которой была издана целая серия «женских романов» автора под названием «Незнакомка». Среди них такие книги, как «Живая вода» (2003), «Наваждение Пьеро» (2003), «Город Надежды» (2004), «Зеленый дождь» (2004) и многие другие. Переехав в Москву, Ю. Лавряшина продолжает работать с известным издательством «Гелеос», где ее произведения издаются в рамках двух серий: «Это модно» («Мальчик-игрушка», 2007 г., «Свободные от детей», 2008 г.) и «Кинороман» («Жаркий лёд», 2008 г.). Все перечисленные произведения ориентированы на сугубо женскую аудиторию. Каждый из романов характеризуется основными принципами мелодрамы.

Актуализация жанра мелодрамы в творчестве Ю. А. Лавряшиной.¹² По сравнению с комедией или трагедией, ведущих свою историю с глубокой древности, жанр мелодрамы очень молод. Сам термин возник в XVII веке в Италии и первоначально применялся как одно из обозначений оперы. Поэтому видовые признаки мелодрамы были несколько стерты; ее относили к дополнительным, промежуточным жанрам. В России XIX в. этот специфически буржуазный жанр не прививался в дворянской литературе, так как не отвечал идеологическим запросам и художественным вкусам дворянства. Потому отношение к

¹² Данные размышления были оформлены в виде статьи и опубликованы: Алексютин В. А. Актуализация жанра мелодрамы в современной массовой литературе (на примере творчества Ю. Лавряшиной) // Дергачевские чтения — 2011. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2012. Т. 2. С. 25-28.

мелодраме лучших представителей дворянской литературы являлось либо ироническим (А. С. Пушкин), либо открыто враждебным (Н. В. Гоголь). В XIX веке жанр мелодрамы относили к разряду так называемой одноразовой литературы и называли «железнодорожным чтивом», указывая на то, что подобные произведения быстро теряют свою актуальность и не предназначены для перечитывания. На новый виток своего развития в России мелодрама вышла в начале XX века, а именно, в первые послереволюционные годы. Этому, несомненно, способствовала ясность и однозначность моральной позиции жанра. Позже жанр мелодрамы в Советском Союзе стал считаться «низким» и «второстепенным». Мелодраматические спектакли изредка появлялись на сценах театров страны. Однако в целом мелодрама переживала забвение; на материале советского периода скорее можно говорить лишь о мелодраматических мотивах некоторых пьес, причем – драматургов не самого высокого уровня (А. Салынский, В. Собко, А. Софронов и др.). Лишь к 90-м годам XX века этот жанр начинает возвращаться на арену литературного процесса. Происходит это благодаря восстановлению полифоничности отечественной культуры. Массовый читатель, увлеченный зарубежными изданиями, в частности западной мелодрамой, приходит к созданию собственной массовой литературы, которая в настоящее время охватывает большую часть современного литературного процесса. В 80-х годах XX века стали появляться заметные произведения женской прозы (Г. Щербакова, В. Токарева), что тоже сказалось на развитии жанра мелодрамы, так как именно среди авторов-женщин данный литературный жанр имеет больший успех, нежели среди авторов-мужчин. Одним из ведущих мотивов женского творчества является обращение к внутренним переживаниям персонажей, быту, повседневности.

Жанр мелодрамы представляет собой формально-содержательную модель массовой литературы, а потому характеризуется тематически-композиционными стереотипами и «эстетическими шаблонами», которые являются основой всех жанровых разновидностей массовой литературы. Именно они формируют жанровые ожидания читателя и серийность

издательских проектов (5). Так, героями романов Ю. Лаврышиной становятся обычные люди, что позволяет читателям отождествлять себя с главной героиней; содержательная же модель посвящена пристальному вниманию к быту и повседневности, что отвечает одной из главных задач – жанрового ожидания.

Американский исследователь Дж. Кавелти ввел в научную парадигму такое важное относительно феномена массовой литературы понятие, как формула. «Формула – это комбинация, или синтез, ряда специфических культурных штампов и более универсальных повествовательных форм и архетипов. Формульная литература – это прежде всего вид литературного творчества. И поэтому ее можно анализировать и оценивать, как и любой другой вид литературы» (2). Массовая литература обуславливается неизменными формальными и содержательными моделями. Прозаические произведения имеют угадываемую сюжетную схему, обладают общностью тематики, определенным набором типов героев и действующих лиц. Именно такими чертами обладает жанр мелодрамы. Как было указано выше, основными признаками мелодраматических произведений являются поэтика повседневности, а также принцип серийности. Благодаря последовательному и принципиальному использованию архетипических коллизий и сюжетов, жанр мелодрамы позволяет зрителю олицетворять себя с героем. Причем не столько себя настоящего, сколько себя вымышленного, идеального, представляемого в мечтах и грезах. Собственно говоря, мелодрама сродни сказке для взрослых. Недаром Н. Зорская приходит к выводу, что в основе массового вкуса лежат древние константы привязанностей и предпочтений, архетипы фольклорного восприятия (1). Таким образом, сюжетная схема произведений, созданных в жанре мелодрамы, легко соотносится с «функциями» действующих лиц и персонажей, разработанных В. Я. Проппом в «Морфологии сказки».

Коммерческий успех жанра мелодрамы обуславливается тем, что он отвечает подсознательным человеческим инстинктам, способствует компенсации неудовлетворенных желаний и комплексов, создает определенный тип восприятия серьезных явлений литературы в упрощенном, девальвированном виде (5).

Непременным стилезначимым компонентом мелодрамы становится кинематографичность произведений, созданных в рамках данного жанра. По своей эстетической природе кино является искусством масс. Оно изменило сам способ мировосприятия. Его фреймы отпечатались в сознании авторов и читателей-зрителей, став основой репертуара фильмов русского текста. Образы и приемы кинематографа повлияли на литературу XX века, в которой расширился репертуар аллюзий и прецедентных текстов (4).

Популярность мелодрамы объясняется точным совпадением с ожиданиями читательниц и зрителей. Основной лейтмотив, присущий произведениям, созданным в рамках массовой женской прозы – трудная женская судьба, наполненная болью и радостью, любовью и изменами, обретениями и потерями. Именно об этом написан кинороман Ю. А. Лавряшиной «Жаркий лёд»: о нелегкой судьбе бывшей фигуристки Наташи Трофимовой, о ее физических и душевных мучениях, которые ей пришлось пережить после того, как партнер и муж Виктор Молодцов уронил ее на лед, увидев на трибуне свою бывшую любовницу. Именно с ней, Анной Берковской, теперь катается Виктор. Главная героиня, ни о чем не подозревая, тренирует эту пару, с каждым днем все сильнее угрожающую распадом ее семье. Еще один важный принцип кинематографичных мелодраматичных произведений, ярким примером которого является серия книг «Жаркий лед», – недосказанность и, как следствие, – серийность.

Совершенно очевидно, что мелодрама заняла значительное место в иерархии жанров современной прозы. Массовая литература призвана отвлечь человека от монотонности повседневности. Мелодрама же со своим неизменным сюжетом «истории про Золушку» как нельзя полно отвечает данной задаче.

Поэтика повести Ю. Лавряшиной «Звезды, шары и молнии...». В центре повествования оказываются три главных персонажа, три печальных судьбы. Это семнадцатилетняя Дина, которая попадает в больницу с травмой позвоночника после автокатастрофы, в которой погибает ее семья. Это Лиля – женщина с врожденной травмой бедра, перенесшая в момент повествования

тринадцатую операцию, которая дает ей надежду на возможность передвижения без костылей, но мечта так и остается не воплощенной. Несмотря на то, что половину жизни эта героиня провела в больницах и госпиталях, она продолжает любить жизнь и помогает каждому из героев сделать это. Третий персонаж – доктор, Игорь Андреевич, потерявший несколько лет назад семилетнюю дочь.

Обратимся к поэтике заглавия повести. Можно выделить два подхода к его интерпретации. Первый заключается в том, что явления, представленные в названии, можно соотнести с главными героями повести. А именно, звезда – Лилит. Если рассмотреть пространство больницы как отдельный, целостный мир (а оно так и представлено в повести), то Лиля – путеводная звезда, освещающая этот мир; центр мироздания.

Шар можно соотнести с Диной по двум основаниям: 1). шар в самом тексте представлен как дар (Лилля хочет поздравить свою дочку с 1 сентября: «Тортик, шары и все такое...»). Таким образом, Дина выступает в качестве дара Лиле: «...так трудно теперь разорвать ту невидимую связь, что возникла между ней и девочкой во время изоляции от мира...» (3; с. 42);

2). по внешнему сходству, по форме. Лилля называет Дину «солнышком» (солнце – шар). Но это не просто ласкательная форма обращения, Дина в самом деле освещает жизнь Лили в больнице, так же, как во внешнем мире это делает ее дочь (Лилля ее тоже называет «солнцем»): «Дина, ты придешь завтра? Я буду ждать тебя, солнышко!» (3; с. 31).

Наконец, молнии. С этим явлением соотносится врач, Игорь Андреевич: «Голос Игоря Андреевича никогда еще не звучал так грозно. Рев громовержца» (3; с. 30). В диалоге с Босяковым: «...не мог вспомнить, где видел доктора, а этой ночью как шарахнуло!» (3; с. 45).

Второй подход к интерпретации названия связан с темой семьи, заявленной в данном произведении. Как было сказано выше, в названии можно рассмотреть трех героев: Лилит, Дину и Игоря Андреевича. Но если их рассматривать не обособленно, то перед нами – возможная семья: родители и дочь. И данное воссоединение

возможно в пределах пространства больницы, куда герои попадают по воле судьбы, и где они оказываются лишены семейного счастья. Каждый из героев стремится заполнить пустое место в своем сердце. Дина потеряла своих родителей. И уже в первой главе повести она размышляет о Костальском, сравнивая его со своим отцом: «...что-то отцовское звучит в его голосе... он точно знает, как именно разговаривают со своими детьми. Как Динкин отец с ней разговаривал» (3; с. 13). Лиля же становится ей матерью: «Кофе хочешь? Это прозвучало совсем по-домашнему. Дина уже забыла, что бывают в мире такие слова, от которых исходит тепло и вкусный запах» (3; с. 20).

Игорь Андреевич потерял свою дочь, глядя на Дину, он думает о том, что его Ляльке было бы сейчас тоже семнадцать лет. Он опекает Дину, дарит ей свою отцовскую ласку.

Размышления Лилит зеркальны думам Игоря Андреевича: «...так трудно теперь разорвать ту невидимую связь, что возникла между ней и девочкой ... может, потому что по возрасту Дина могла быть ее дочерью» (3; с. 42). Они могли быть семьей.

Обратимся к той концепции семьи, которая представлена в данной повести. Во второй главе имеется вставной текст: история, повествующая о женщине из провинции, которую обманул москвич: женился, отобрал квартиру и выгнал на улицу. Таким образом, перед нами возникает образ семьи как фикции, семья как афера – образ «случайной» семьи. Он сохраняется на страницах повести. Мы не встретим ни одну счастливую семью. Если семья и существует, то только потому, что там есть ребенок. Например, семья Надежды Владимировны. Она не любит своего мужа, но сохраняет эти отношения ради сына. У Игоря Андреевича тоже была семья до того момента, пока не погибла его дочь. Ребенок – связующее звено цепи супружеской жизни: вырывается это звено – распадается вся цепочка. Семья – трое человек. Иначе семьи нет, она распадается, если только эти двое не мать и ребенок (например, Лиля и ее дочь – семья). Ребенок всегда выступает как мерило отношений.

Обратимся к рассмотрению системы персонажей повести. В одной из последних глав Лилит рассказывает Дине: «Однажды под

наркозом мне настоящее чудо привиделось. Обычно ничего не видишь, проваливаешься и все. А тут передо мной засияли настоящие звезды и возникли гигантские светящиеся шары. В них ударяли молнии, вызывая вспышки, похожие на фейерверк, и это была такая красота!» (3; с. 23). Этот отрывок не только поясняет заглавие, но и является одним из звеньев цепи мотива «следующей» / «другой» жизни, проходящего через всю повесть.

В данном произведении все существование делится для героя на сознательное и бессознательное, что не является странным в пределах пространства больницы, пограничного по своей сути. Бессознательное – клиническая смерть, кома, наркоз. С этой позиции герои находятся в оппозиции друг другу. Лиля верит в следующую жизнь. Игорь Андреевич – нет: его отец пережил клиническую смерть и «...не увидел ни света, ни коридора. Ничего. Сплошная тьма. Человек умирает и все...» (3; с. 34). Но, как мы увидим впоследствии, это не истинная причина отрицания вечности; она же заключена в следующей фразе: «...иначе она уже вернулась бы ко мне» (3; с. 34). Речь идет об убитой дочери. Таким образом, мы сталкиваемся с экзистенциальным мотивом: персонаж перестает верить в Бога, в вечную жизнь после больших потерь, после столкновения с торжеством несправедливости жизни.

Схожие размышления мы обнаруживаем и у Дины. Однако ее размышления основаны на собственном опыте: «Зачем вытянули из комы? В том небытие не было ни боли, ни страха, ни обиды на всех и вся. Там не было ни хорошо, ни плохо. Никак. Пусто...» (3; с.11). Но ведь мы знаем судьбу этой девочки. Следовательно, можно предположить, что причина подобных рассуждений та же, что и у Игоря Андреевича: потеря близких.

Обратимся к рассуждению Дины о том, что стало с ее семьей: «Ей вдруг вспомнился закон физики о том, что тепло поднимается кверху. Вот куда оно ушло из них, нечего и голову ломать. Все там сейчас...» (3; с. 23). Дина умышленно избегает упоминаний о Боге. Причина все та же: в пережитом. Религия основана на чувственном начале, на вере. Какая же вера могла остаться у девочки после таких событий? Поэтому Дина ищет что-то объяснимое, то, что можно было бы понять, что доступно ее разуму. Поэтому она и обращается

к научным объяснениям. По сути же она говорит о рае, о перемещении душ, о «другой» жизни. В конце повести Игорь Андреевич тоже говорит о «следующей» жизни.

Все герои повести – становящиеся. Все, кроме Лили, эта героиня статична. Отчасти причина динамики героев – Лиля (путеводная звезда).

Обратимся к рассмотрению пространственной организации повести. Категория художественного пространства вводится с самого начала произведения. Первое предложение звучит следующим образом: «Из больничного окна мир кажется до тошноты красивой иллюстрацией...» (3; с. 10). Таким образом, исходя уже из самых первых строк повести, нами может быть выделена пространственная оппозиция: внешний мир и больница. Символична роль окна, сообщающегося с наружным миром; оно выступает в качестве границы между двумя компонентами оппозиции, которую рано или поздно предстоит пересечь одной из героинь повести – Дине. Больница, как символическое пространство в рамках экзистенциальной проблематики является пограничным пространством (между жизнью и смертью, болезнью и выздоровлением). Стоит отметить, что экзистенциальные мотивы занимают ведущее место в организации повести. Например, мотив тошноты, заявленный в уже приведенной нами цитате, представлен в собственно сартровском смысле: тошнота, как результат мыслей отчужденности предметов, окружающего мира, людей, от их враждебности. Отсюда, в свою очередь, появляется ощущение абсурдности, бессмысленности жизни. Дина испытывает вышеописанное чувство по отношению к пространству внешнего мира. Это вполне очевидно: героиня попадает в больницу в бессознательном состоянии после аварии. Она оказывается «выброшенной» из внешнего мира. Дина умирает и духовно (потеряв близких) и физически (она несколько месяцев оказывается прикованной к постели). Однако повествование начинается с того момента, когда Дина делает свой первый шаг в свою новую жизнь.

Соответственно в начале повести героиня воспринимает пространство больницы как мир мертвых. Все больные оказываются «вычеркнутыми из списка живых». Исходя из

пограничного характера данного пространства, учитывая многократные упоминания Бога и черта в ее стенах, а описание врачей – как богов, решающих судьбы людей, мир больницы воспринимается как чистилище.

Анализируя те страшные события, которые привели ее в палату, Дина приходит к выводу, что души ее погибших родственников теперь пребывают на небесах. А в тот момент, когда она узнает о своей выписке из больницы и представляет, что ей предстоит пересечь порог и оказаться в том мире, который ее отверг, где ее теперь уже никто не ждет, состояние героини описывается следующим образом: «У нее возникло ощущение, будто под ногами пол пошел трещинами глубиной с километр, с огненной сердцевиной, и страшно было шевельнуться, чтобы не провалиться в бездну» (3; с. 36). Данный отрывок напоминает описание ада. Таким образом, открытое пространство внешнего мира чуждо героине, мало того, оно пугает ее своей необъятностью и в то же время необычайной пустотой. В то время как замкнутый мир больницы для героини ясен и наполнен домашним уютом, который создает Лиля, она заменяет Дине мать, а Игоря Андреевича Дина многократно сравнивает с отцом. Мы видим, как меняется ценностная наполненность пространства больницы для Дины: царство мертвых, как она ее воспринимала в начале повествования, становится родным домом.

Особое место в пространственной организации повести занимает образ больничного сада. Его описанием открывается повесть. Первая же глава имеет кольцевую композицию: заканчивается тем же описанием сада. В первом абзаце возникает мотив сотворения этого пространства Богом: «... передать сущность задуманного богом» (3; с. 10). Обратимся к мифопоэтическому подтексту. Как известно, сад соотносится с раем, Эдемом. В данном контексте следует обратиться к описанию шелеста листвы, запаху воздуха, ощущению дождя, являющихся главными характеристиками пространства сада в повести. Когда героям необходимо снять тяжесть с души, полечить свою душу, они выходят в сад. Не посещает этого пространства только Лиля. Связано это прежде всего с тем, что она сама выполняет ту же

функцию врачевания души. Ее палата – очищающее пространство. Возникает мотив причастия героев (Игорь Андреевич пьет гранатовый сок, которым угощает его Лиля, сок этот сравнивается с кровью).

Да и само имя героини загадочно. Если обратиться к ономаσιологическому словарю, то можно убедиться в том, что полное имя от «Лилля» – «Лилия», а не Лилит, как это указано в повести. Как известно, Лилит – имя первой жены Адама, которую Бог сотворил из глины и дал ей это имя. В иудейской традиции Лилит овладевала мужчинами против их воли, с целью родить от них ребенка. Обратимся к тексту повести. Мы узнаем из истории жизни, рассказанной Лилей Дине о том, что она вышла замуж за мужчину, которого знала двое суток, родила от него дочку и выгнала его, мотивируя тем, что они стали чужими.

Можно сказать, что рассмотренная нами пространственная оппозиция: внешний мир – больница – мир смерти на символическом уровне может восприниматься как триединство: рай – чистилище – ад.

Ценностное наполнение пространственных образов в течение повествования радикально меняется.

Пространство больницы – своеобразный узел, в котором соединяются судьбы главных героев. И после этой встречи меняется вся их жизнь: Лилит удочеряет Дину и в пространство внешнего мира они уходят вдвоем, и оно уже не является адом, Игорь Андреевич устраивает свою личную жизнь. Таким образом, проходя через чистилище, герои возвращаются к жизни.

По особенностям художественной условности пространство в данной повести является конкретным, то есть оно не просто «привязывает» изображенный мир к каким-либо топографическим реалиям, но, как мы убедились, активно влияют на суть изображаемого.

3.3. Проза и публицистика Л. Скорик (1938-2012)

Скорик Любовь Трофимовна – писательница, прозаик, член Союза писателей с 1988 г. Родилась в 1938 г. на Украине в

г. Днепродзержинске Днепропетровской области. Детство провела в г. Минусинске Красноярского края. Окончила филологический факультет Томского государственного университета им.

В. В. Куйбышева. Работала корреспондентом радио в Томске, в Кемерове (с 1964 г.) радио- и тележурналисткой, редактором Кемеровского книжного издательства. Первая публикация – рассказ «Парнишонка» («Огни Кузбасса», 1978, №1), печаталась в журнале «Литературный Кузбасс», альманахе «Земля Кузнецкая», областных газетах. Творчество Л. Т. Скорик связано с традицией лирической прозы в советской литературе 1960-1970 гг. Герои рассказов, повестей, зарисовок – дети, старики, домашние и лесные животные. С теплотой и любовью раскрыты непростые женские судьбы. В зрелых произведениях заметно тяготение к темам и мотивам «деревенской прозы» 1970-х гг., проявившееся в сближении рассказов о прошлом (война, послевоенные десятилетия) и о современной жизни простых обыкновенных людей, в частных судьбах которых автор видит проявление устоев национальной жизни, след исторических событий.

Журнальная критика отмечает теплоту и лиризм прозы

Л. Т. Скорик, задушевные интонации неторопливого повествования, нравственную чистоту героев.

Публикации: Шли дожди: рассказы. – Кемерово: Кн. изд-во, 1980; Часы с кукушкой: рассказы. – М.: Современник, 1985; Ребята с Партизанской: – Кемерово: Кн. изд-во, 1987; Обидчивый некто: рассказы. – Кемерово: Кн. Изд-во, 1992.

Мир родных людей (размышления над книгой Л. Скорик «Часы с кукушкой»).¹³ В конце 1985 года в издательстве «Современник» под рубрикой «Первая книга в столице» вышел сборник рассказов Любви Скорик «Часы с кукушкой». Читателям Кузбасса имя этого автора знакомо по публикациям в альманахе, а также по сборнику «Шли дожди», выпущенному в Кемерове в 1980 году. Уже тогда в рассказах Л. Скорик сложился круг излюбленных тем, наметились типы героев и, что немаловажно, определилась авторская позиция. Профессиональная журналистская цепкость к

¹³ Раздел написан Л. А. Ходанен, Т. Г. Черняевой и опубликован ранее: Огни Кузбасса. 1987. № 3. С. 74-78.

конкретным деталям жизни и штрихам человеческого характера, придающая очерковый характер стилю повествования, сочеталась с более глубоким взглядом на судьбы героев в их протяженности и связи с историей. Но «Часы с кукушкой», хотя многие рассказы перешли в этот сборник из раннего, отражают творческий рост автора, который выражается, в частности, в отказе от внешней драматизации и более спокойном, философски многозначном видении мира.

Рассказ, давший название всему сборнику, содержит в себе самое существование, самое важное в том понимании жизни, которое составляет, как принято говорить, кредо автора. Героиня его, Полина, почти 20 лет проработавшая в одной больнице санитаркой, живет не для себя, а для других. Сколько сил и упорства тратит она на то, чтобы чужой человек, попавший в беду, выздоровел, в буквальном смысле слова встал на ноги, возвратился к нормальной полноценной жизни. Забыв о том, что ей всего сорок с небольшим, она по-матерински заботится о Феде, сама советует ему жениться на хорошей женщине и неожиданно, без предупреждения, уезжает, оставив на память о себе самое дорогое, что есть у нее, – старинные часы с кукушкой, доставшиеся ей в наследство от матери и бабки.

Скромная, преданная душой Полина – это, без сомнения, идеал автора и в то же время предмет его глубоких размышлений о жизни. Автор не претендует на масштабность своих жизненных обобщений, но в пределах того мира, который возникает на страницах сборника, действуют ясные и простые законы совместного бытия людей, связанных родством не по крови, а родством судьбы, совместно прожитых лет, общностью исторического времени, наконец, единством того жизненного пространства, на котором им суждено было родиться и прожить отмеренный путь. Именно поэтому изображенный Л. Скорик мир ограничен небольшим провинциальным городком или деревенькой Шалаевкой, которая «притулилась у самой тайги нескончаемой», а «с безлесной стороны обложили Шалаевку болота». В отдельных рассказах действуют и еще более камерные пространственные обозначения: больничная палата и кровать у окна, за которым идет

дождь (наблюдая за ним, Клавдия Петровна словно перелистывает прожитые годы – «Шли дожди»): комфортабельная городская квартира, где так неуютно старой Пелагее («Сюрприз»); комната в старом здании детского сада («Долги наши годы»). Именно здесь персонажи понимают что-то такое существенно важное в себе, чего нельзя осознать ни в каком другом месте. Как скажет автор в конце рассказа: «... само собой выходило, что не стоит больше никуда идти в городе нашего детства. Разве улицы могли добавить что-нибудь к тому, что мы увидели и поняли в скромной комнате с громким названием «музыкальный зал»?

Малому миру сборника соответствует неширокий круг героев, которые близки автору каким-то особым внутренним родством. Среди них главное место занимают старики: дед Федот («На посту»), прадед Мирон Алексеич («Собрался дед помирать»), старуха Пелагея («Сюрприз»). С любовью. Л. Скорик относится к детям – дошкольнику Василию и его городской сестренке Вике («Собрался дед помирать»), к Митьке, который с детской ревностью и первой, пока еще не до конца осознанной болью всматривается в сложные отношения взрослых и прозревает в неистовом порыве защитить слабого – закон сострадания и доброты к чужому человеку («Постоялец»). Часто в ее рассказах идет речь о женщинах, которых внезапно перестает удовлетворять устроенный, привычно налаженный быт («Лидия», «Фикус»).

В рассказе «Собрался дед помирать» два главных героя – прадед Мирон Алексеич и правнук Василь. Маленький мирок, в котором они живут, организован дедовской установкой на целесообразность, разумность всех действий и потребностей человека. Самые важные из них, первозданные – еда и одежда, да еще, пожалуй, баня.

В стариках из рассказов «Собрался дед помирать» и «На посту» есть присущая этому возрасту назидательность. Но она не превращается в старческое брюзжание, недовольство всеми молодыми, потому что поучения их не догматичны, а неразрывны с судьбой стариков, образом жизни, наполненной неустанным трудом и заботами. Они учат не словами, а тем, как они прожили свои жизни и живут сейчас, хотя сил в них осталось немного.

Что же удерживает их на земле, когда жизнь на исходе? Удерживают «долги», забота о других, сознание нужности, даже необходимости своего присутствия здесь. Есть и одна особая примета их существования: прожитые годы, ушедшие люди продолжают идти рядом с ними. Давно уже нет на свете бабки, но верный ее строгому наказу Мирон Алексеич курит на улице, по привычке ругая «старую привереду», давно уже умер сапожник Степан, но дед обращается к нему, как к живому, потому что стачанные им сапоги служат до сих пор. Это прошлое помогает жить.

Анализ сборника убеждает, что в большинстве случаев автор сумел точно осознать границы жанра – малой эпической формы. Рассказ – концентрированный жанр, как правило, он основывается на изображении какого-либо одного, но выразительно-экспрессивного события из жизни героя, которое высвечивает суть его характера или очерчивает смысл его существования. Поэтому в емкой, экономичной форме рассказа такое большое значение имеют детали. Л. Скорик, на наш взгляд, умело пользуется этим традиционным для жанра приемом – обращением к отдельным предметам вещного мира, окружающего героев, составляющего близкое, тесное окружение их непритязательного быта. Особенно интересным в этом отношении представляется рассказ «Сюрприз».

Мир героев сборника стоит на общности людей, основанной не только на родстве крови, но и на единстве общего места существования, на единстве истории и ее испытаний, на ответственности людей друг за друга, за детей, своих и чужих.

Последним сборником прозы Л. Скорик можно считать большой том 2008 года «Кабы на цветы да не морозы». Здесь автор собрал самое интересное, избранную прозу. Разделы сборника «Тени детства», «Долги наши», «Не стой у окон моих» обозначают значительные темы прозы Скорик: детство, память, любовь. Сборник может рассматриваться как итоговое собрание сочинений писателя.

3.4. Проза Е. Дубро (1947-2007)

Екатерина Владимировна Дубро родилась в поселке Тяжинский Кемеровской области. Прозаик. Окончила Центральные государственные курсы иностранных языков. Из-за тяжелой болезни была прикована к постели, но литература дала ей возможность прожить яркую творческую жизнь. Член Союза писателей России. Жила в г. Юрга. В 2013 г. в Юрге по ул. Московской, д. 10. кв. 3 открыт музей-квартира Екатерины Дубро, установлена мемориальная доска. Публикации: «Вернусь звездопадом» – Кемерово, 1973. «Медленные часы» – Кемерово, 1976. «Второе начало»: книга повестей и рассказов. – Кемерово, 1980. «Оглянись, расставаясь» – Кемерово, 1982. «Сплошные вопросы» – Кемерово, 1985. «Бумажный кораблик». Сказки. – Кемерово, 1988. «Нежность» Рассказы. – Кемерово, 2001. «Подсказка от Ангела». – Юрга, 2007.

Размышления по поводу сборника «Оглянись, расставаясь».¹⁴ Художественный мир сборника Екатерины Дубро «Оглянись, расставаясь» не масштабен и не многолик. Он уместается в рамках небольшого городка, в котором то идет снег, мягко и пушисто покрывая улицы, прохожих с их тревогами и ожиданиями, то взвихривается шальная февральская метель, то наступает оттепель, с весенним солнышком принося надежды и радости. Скромно и немного грустновато живет на окраине городка сказка.

Судьбы героинь Альбины и Насти – немного похожи, но скорее не внешней событийной стороной, а внутренним смыслом, который открывает в них автор. Их сближает требовательное и искреннее отношение к людям, глубокий подлинный интерес к искусству, отстаивание автономности собственных болей и тревог, которые они доверят далеко не каждому. Роднит их и одиночество. Такие героини – современные женщины – уже вошли в нашу литературу с творчеством И. Грековой, М. Ганиной, С. Токаревой и других. Мы знаем и «деловую женщину», погруженную в будни работы, производства, и творческую личность, ищущую высокой духовности, уходящую от

¹⁴ Данный раздел опубликован в виде рецензии: Ходанен Л. А. Огни Кузбасса. 1984. № 1. С. 68-70.

пошлых мещанских определений сугубо женских «долгов» и обязанностей. Знакома и другая крайность ее судьбы, не редкий итог совершённого выбора, – тоска и печаль невоплощенного чувства, горечь одиночества, да еще порой черство и грубо раненного бестактным вопросом неистребимого обывательского здравомыслия. В той или иной мере все названное входит в круг раздумий автора и его персонажей.

Обе повести сборника – «Вчерашний ветер» и «Тихий привет» – о любви. Она является здесь не в роковом поединке душ, не в счастливой или несчастной истории. В повестях Е. Дубро выбрана иная форма – преимущественное внимание внутренним переживаниям, монологи наедине с собой, попытка умом объять, объяснить и вместе с тем сберечь, не погрузившись в рефлексию, маленький огонек чувства, не замкнуться в себе. В избранном типе повествования проступает и более глубокое понимание судеб и характеров молодых женщин – неразделенность их чувств, глубокая внутренняя культура, то, что мы в повседневности часто называем «порядочностью», «самостоятельностью», и вместе с тем почти детская ранимость их душ.

Одно из привлекательных качеств Альбины, героини повести «Вчерашний ветер», в известной степени связанное с ее профессией библиотекаря, – погруженность в мир современной литературы и искусства. Начитанность и знания уживаются в ее сознании с глубоким вдумчивым отношением, оценкой, пониманием, интересным не только для себя, но и для других.

Именно через мир искусства во многом приходит к обеим героиням сознание невозможности для себя полумеры счастья, неприятие компромиссов в отношениях с людьми, высокая требовательность к себе.

А кто они, которых автор поставил рядом с ними – сослуживцы, друзья, любимые? Вряд ли можно здесь говорить о рельефно очерченном окружении. Киноклуб Марка, где спорят о новых фильмах и романах, – слишком идеальный оазис общения людей, близких по взглядам на жизнь, художественным вкусам и оценкам. Интереснее получилось редакционно-журналистское

окружение Насти, сотрудницы отдела писем. История молодой распадающейся семьи, где мужу скучно видеть нечесанные кудельки жены, ее вечные сумки, кошелки, тревоги за детей, анонимные жалобы и безответные письма – все отдельные штрихи той повседневности, в которой работает героиня, утверждая свое честное, умное, неформальное отношение к людским бедам и заблуждениям.

Но есть у этих женщин другая жизнь, скрытая от большинства, есть и герои, любимые, которым они никогда не скажут о любви, потому что у них маленькие дети, внешне благополучные семьи, и еще почему-то, что сразу не выскажешь, но что останавливает. А кто они, эти любимые? Саша Горяшин в повести «Вчерашний ветер» еще подростком ощутил свою особую мужскую привлекательность. И теперь он безропотно отдает себя в руки сильных, властных женщин. Насколько он беднее духовно, ниже Альбины. Он живет рядом со своей семьей, время от времени ловя на себе пристальный взгляд жены, которая, «не теряя бдительности», то слишком часто звучащую пластинку нарочно повредит, то домашних обедов лишит. Денис Арефьев («Тихий привет») считает «сердечные разговоры» простой тратой времени, хотя он более внимателен, тактичен. Но что ведет его к общению с Настей, к интеллектуальным беседам в компании Марка? Мы далеки от мысли предполагать, что это профессиональный интерес к драматической истории, после которой она пережила и психиатрическую больницу, и в другой город уехала. Не назовешь это и житейским любопытством, беззастенчивым и нагловатым в своей обязательной осведомленности. Автор не объясняет до конца, оставив на долю читателя догадки, предположения. Как возникает влечение к человеку, в чем секрет привлекательности, обаяния личности? И как спастись от ошибки, не принять видимое за сущность? Эти вопросы скорее поставлены в историях Насти и Альбины. Наверняка можно сказать одно: другая, внутренняя жизнь, помимо самоанализа, дает зрелое и глубокое суждение о человеке, умение видеть и сказать себе о нем правду, даже если это любимый.

Героини Е. Дубро порой беззащитны против неистребимой людской пошлости, обывательских оценок. Но они привлекают своим

тяготением к миру прекрасного, какой-то поразительной способностью прозревать и понимать беды и тревоги другого, неизменно сохраняя в душе для этого лучшие альтруистические чувства. А так ли уж это современно? Не есть ли это частица веками теряемого и вновь воспаряющего идеала вечной женственности, умной и сердечной одновременно?

Непохожесть, неординарность всегда трудна. Может, поэтому рядом с героинями повестей Е. Дубро живет, то нарастая, то стихая, неминуемая печаль – как мелодия «Туонельского лебедя» Сибелиуса, которую слушает Альбина и перед которой недоумевает Горяшин: слушаешь, мол, не то. А она живет рядом, горестная и светлая в своей искренности. Истоки этой печали далеко в прошлом: у Насти это смерть друга юности, получившего смертельную дозу рентген, для Альбины это тяжелая неизлечимая болезнь. Но они звучат приглушенно, отчетливее и яснее непроходящая грусть одиночества, поиски преодоления однообразного круга повседневности.

Воспринимающее сознание героинь раскрыто в самом широком диапазоне явлений художественной и общественной жизни, в отклике на судьбы других, в самоанализе. Здесь им доступен и подлинно высокий смысл творчества Б. Шоу, Э. Хемингуэя, П. Вежинова, Ю. Нагибина, в сфере их понимания и оценок современное интеллектуальное кино. Но есть и другое. И смысл сказать о нем тоже есть. Мудрость прозрения и оценок граничит с созерцательностью. Автор стремится найти для своей героини сферы деятельного использования энергии души и ума, но эти усилия не всегда убедительны, как порой мало убеждает сфера реальной жизни: «...голубоглазая библиотекарьша с копной светлых волос», — такой видит Алю жена Горяшина. «А чего хочется вам?» – спрашивала она очередного читателя... «А какое настроение у вас сейчас?» – задавала она один из своих не совсем обычных для библиотеки вопросов. «Так...» – улыбался неопределенно читатель. – «Тогда, может быть, стихи? Хотите...» – И называла имя поэта... Такой видит ее Горяшин, печальной оттого, что к имени поэта примешались досужие разговоры, страждущей о невозвращенной книге. Но как-то мимо реальности бытия героини прошли самые острые проблемы ее работы, ее профессии: потрясающая в своем

варварском отношении к книге мода на обложки и серии, колоссальные потери в массовых библиотеках, вследствие которых прекрасные авторы так и остаются за семью замками для простого читателя. А что стоит, с другой стороны, лавина молодежных интересов к детективу, фантастике, порой самого низкопробного качества. Как легко «перевоспитывает» Альбина своего друга: «К книгам он собирался, как на праздник... И он не сопротивлялся, даже во время размолвок, когда в ответ на просьбу выдать такую-то книгу частенько выдавала другую. Детективов, например, не давала...»

Мы не случайно сказали о сфере реальной жизни героини. Дело в том, что образность художественного мира Е. Дубро не во всем вмещается в рамки этого понятия. Пафос ее повестей в ином. Это желаемое, мечта о прекрасном человеке, глубоком чувстве. Отсутствие их в жизни героинь, не согласных на полумеры, а может быть, особенности художественного опыта самого автора обусловили эту черту. И сила этого идеального видения мира достаточно значительна.

Несомненно, что автор имеет на это право. О двух, изначально присущих искусству типах творчества, – воссоздающем и пересоздающем, один из которых обязательно преобладает в художественном даровании поэта, писал в свое время Белинский. Принято относить пересоздающее – к романтизму. Давно ушли в прошлое споры о нежизненности этого мировосприятия. История искусства лучше всякой критики убеждает, что мир фантазии, если это не бессмысленный хаос расколотого больного сознания и не слащавая выпренная идиллия, а выражение глубокого личного мировосприятия, может быть подлинно человеческим и близок в своей идеальной устремленности самым лучшим порывам личности. Именно к этому типу творчества тяготеет художественное дарование Е. Дубро.

Мир мечты... С ним связана и вторая значительная часть сборника – сказки о ледяном дворце, о маленьком домике на окраине города. Персонажи этих сказок – очеловеченные чувства: Грусть и Добро, Страх и Горе, Одиночество и Надежда. Они живут

в прозрачных голубых залах рядом с принцессой Несмеяной, которой так холодно среди этого вечного льда в своем одиночестве. Сказки связаны с повестями не только вариацией одного сюжетного мотива – неразделенной любви, печального расставания, но и символикой белого цвета падающих снегов, ночным небом и блеском лунного света, который зажигает в ледяных узорах замороженных окон таинственную и прекрасную зимнюю фантазию. Есть у автора и свое излюбленное время, «когда тихий снег устилает крыши, мостовые и скамейки в уснувших парках... когда ты видишь в черном небе желтую луну... то не луна, то золотая монетка надежды; в ожидании всех возвратов – твоих и моих – ко всему несостоявшемуся. Так надеются вернуться к морю еще раз, если бросить в него на прощание денежку... А на стене, высвеченной уличным фонарем, кричат безмолвно тени перепутанных мокрых ветвей заоконного дерева. Но то не ветер и не тени от ветвей – то мое смятение»...

3.5. Поэзия Т. И. Рубцовой (1954-2009)

Тамара Ильинична Рубцова родилась 11 января 1954 года в поселке Смежный Ижморского района Кемеровской области. В 1957 г. судьба забросила семью Старосветовых в Юргу. После окончания средней школы № 1 Тамара Ильинична поступила на филологический факультет Кемеровского университета, который закончила в 1978 г. Работала библиотекарем в школе № 1, в районной библиотеке, художником на заводе, корреспондентом газеты «Призыв», воспитателем в Детском доме. Первая публикация появилась в городской газете «Свет Ильича» в 1966 г. При жизни было издано 5 авторских сборников: «Я знаю, что так не бывает» (Кемерово, 1990), «Плащаница» (Юрга, 1993), «Планета снов» (Кемерово: Сибирский родник, 1994), «Не бывает последней строки» (Юрга, 2004), «В золотой колыбели у Бога» (Кемерово, 2008). Стихи Т. И. Рубцовой публиковались в журналах «Смена», «Москва», «Огни Кузбасса», «Литературный Кузбасс», в коллективных сборниках кузбасских поэтов «Дороже серебра и золота», «На Родине моей повыпали снега», «Площадь Пушкина»,

«Мы - Притомье», «Собор стихов». Член Союза писателей России с 2000 года. В 1987 г. Тамара Ильинична основала поэтическую студию «Свеча», которая объединила юные таланты Юрги. Воспитанницы студии «Свеча» Н. Поляченкова и Н. Сенн стали членами Союза писателей России.

Важнейшая тема творчества Т. И. Рубцовой – духовно-нравственное воспитание детей. В стихотворении «Привокзалье» (1989) Т. И. Рубцовой воспеты бабушки, кузбасские Арины Родионовны, которые «уму и добру Учили без выбора всю детвору». Юргинские нравы 1970-х годов опоэтизированы в стихотворении «На окраине Юрги...» (1974).

Высокий нравственный посыл звучит в стихотворениях Т. И. Рубцовой советского времени («Накормлю щенка ничейного...») и духовных стихах рубежа XX-XXI веков: «Молясь утрами обо всех скорбящих...», «Вся Россия – как Спас на крови...», «Никто из нас не одинок...», «С любовью смотрит Бог на мирозданье...» и др. Примеры высокой духовно-нравственной жизни даны русскими поэтами – А. С. Пушкиным, В. Д. Фёдоровым («В Марьевку»). Об этом стихотворение «Если бы Пушкин Дантеса убил...».

Особая тема в лирике Т. И. Рубцовой – сострадание детям, попавшим в детский дом: «Сиротство» (1993), «В детском доме», «Бесприютно и бездонно...» (2000). Боль за современную Россию и надежда на выбор духовного пути народом звучит в стихотворении «Среди жаргона молодёжного...».

Т. И. Рубцова скончалась 10 сентября 2009 года, приняв монашеский постриг с именем Мария и написав слова гимна «Православный Кузбасс». В 2011 г. Т. И. Рубцовой присвоено звание Почётный гражданин г. Юрга (посмертно). В 2012 г. старейшей библиотеке г. Юрга «Библиотека семейного чтения» (ул. Машиностроителей, д.41) присвоено имя Т. И. Рубцовой, открыта мемориальная доска на доме поэта (ул. Московская, д.15).

Литература

1. Зорская, М. Фольклор. Лубок. Экран / М. Зорская. – М., 1994.
2. Кавелти, Д. Изучение литературных формул / Д. Кавелти // Новое

литературное обозрение. – 1996. – № 22.

3. Лавряшина, Ю. Звезды, шары и молнии... / Ю. Лавряшина // Огни Кузбасса. – 2007. – №2. – С. 10 – 36.
4. Мартьянова, И. А. Киновек русского текста: парадокс литературной кинематографичности / И. А. Мартьянова. – С-Пб, 2001.
5. Черняк, М. А. Массовая литература XX века / М. А. Черняк. – М., 2007.

ГЛАВА 4. Литературные журналы Кузбасса

4.1. Областной литературный журнал «Огни Кузбасса»

История журнала «Огни Кузбасса» началась в 1949 году. Тогда это был ещё альманах и назывался «Сталинский Кузбасс». С 1950 по 1988 год журнал назывался «Огни Кузбасса». С 1989 по 1994 – альманах Кемеровской организации Союза писателей РСФСР «Литературный Кузбасс». С конца 1990-х вновь «Огни Кузбасса». Сейчас это «толстый» литературный журнал, выходящий шесть раз в год. На его страницах находится место не только признанным писателям, но и начинающим авторам: в разделе «Литературная студия». Рубрика «Светлица» для тех авторов, которые ещё не покинули школьные классы. Журнал уделяет пристальное внимание родному краю (рубрика «Заповедная Сибирь»), его истории и людям («Лики земляков»). Разделы «Проза» и «Поэзия» отражают текущее состояние литературы Кузбасса. «Библиотечество» и «Критика и литературоведенье» посвящены анализу литературы классической и современной. Постоянная рубрика «Литературная жизнь» следит за внешней стороной литературного процесса. Журнал «Огни Кузбасса» проводит курс на расширение творческих связей с писателями, а также с журналами других регионов России: «Наш современник» (Москва), «Всерусский Соборъ» (Санкт-Петербург), «Сибирские огни» (Новосибирск), «День и ночь» (Красноярск), «Врата Сибири» (Тюмень), «Сибирские Афины» (Томск), «Алтай», «Барнаул» (Барнаул), «Дальний Восток» (Хабаровск), «Сибирь», «Зеленая лампа» (Иркутск). По отдельности тиражи наших журналов небольшие, но если их сложить, сумма света, которую они несут, будет значительной.

О рубрике «Православные чтения». 12 лет существует на страницах журнала «Огни Кузбасса» рубрика «Православные чтения». Основная её задача – освещение духовной жизни Кузбасса. Появление новой рубрики связано с созданием Кемеровской и Новокузнецкой епархии (1993), открытием Кемеровского филиала Свято-Тихоновского Богословского института и Новокузнецкого Православного Духовного училища (1994), построением Знаменского кафедрального собора в г. Кемерово (1995), восстановлением Спасо-Преображенского собора в Новокузнецке (2004), проведением научно-практических конференций «Социальная концепция Русской православной церкви и современное российское общество» (22-23 ноября 2001 года), «Духовная безопасность России. Пути возрождения Отечества» (12-13 марта 2002 года), Иоанновских образовательных чтений, посвящённых проблемам возрождения православных традиций в жизни общества.

Начиналась рубрика «Православные чтения» с публикаций материалов конференций и чтений. В № 2 за 2001 год опубликован «Итоговый документ III-х Иоанновских образовательных чтений», выступление организатора чтений протоиерея Николая Сергиевского «Проблемы религиозного обучения». В первом номере журнала «Огни Кузбасса» за 2002 г. был представлен обзор докладов, прозвучавших на конференции «Духовная безопасность России. Пути возрождения Отечества». В 2003-2004 годах читатели рубрики «Православные чтения» узнали: о проведении в Кузбассе Первого православного фестиваля («Огни Кузбасса» – 2003. № 3-4), о выходе книги кузбасской духовной поэзии «Собор стихов» («Огни Кузбасса» – 2004. № 1), о пребывании Святых мощей Великой княгини Елисаветы и инокини Варвары в Кузбассе 8-11 сентября 2004 г. («Огни Кузбасса» – 2004. № 3-4). Чуть позднее была опубликована статья Натальи Ильяшенко о десятилетней работе Православного сестричества Святых Жён-Мироносиц Кемеровской и Новокузнецкой епархии («Огни Кузбасса» — 2007. №5).

Постепенно сформировались постоянные темы рубрики «Православные чтения». Одна из них – очерки о созидателях церковной жизни в Кузбассе и Сибири: о. Сергии Хомутове,

старейшем клирике Кемеровской и Новокузнецкой епархии, иерее Игоре Кирове (1), иконописце о. Владимире Бородине, создателе епархиальной иконы «Покров на зеле Кузнецкой» (2), о. Александре Пивоварове (3), архиепископе Софронии (4), о. Михаиле Капранове (5), иерее Василии Гоголушко (6). Важной темой рубрики «Православные чтения» стали материалы об истории церковной жизни: «К истории наших церквей» Г. Калишевой, зав. отделом истории Кемеровского областного краеведческого музея («Огни Кузбасса» – 2005. № 3), об истории прихода в п. Яя В. Ермоленко («Огни Кузбасса» – 2010.

№ 6).

Особой темой рубрики стали материалы, связанные с паломническими поездками кузбассовцев, отразившие процессы воцерковления авторов статей. Среди публикаций такого типа: «Жизнеописание отца Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского, апостола Сибири» Ю. Светлакова («Огни Кузбасса» – 2003. № 1-2), «Тихвинская Путеводительница» Г. Ильиной («Огни Кузбасса» – 2004. № 3-4), о паломнической поездке в Иерусалим Н. Кудрявцевой-Кузнецовой («Огни Кузбасса» – 2009. № 3), паломнические записки актёра Олега Кухарева «Слава Богу за всё» о пребывании в Свято-Никольском монастыре в с. Могочино Томской области и Преображенском мужском монастыре на Волоке («Огни Кузбасса» – 2012. № 5).

Постоянными авторами рубрики «Православные чтения» стали выпускники Кемеровского филиала Свято-Тихоновского Богословского института Л. А. Никонова (1951-2012), В. С. Ерёменко. В своих прозаических публикациях поэты делятся с читателями журнала «Огни Кузбасса» крупицами обретенного собственного религиозного опыта, переживаниями церковной службы, Святых Таинств. Циклы заметок Любви Никоновой «Сокровище тишины» (7), «В сиянии любви и милости. Заметки о русской духовности» (8), «Из великопостной тетради» (9), путевой очерк «Горчичное зёрнышко» Владимира Ерёменко (10) можно использовать на уроках предмета «Основы православной культуры», занятиях в Воскресной школе.

Цикл заметок о русской духовности Л. А. Никоновой «Сокровище тишины» (1991) состоит из девяти рассказов-миниатюр. В заметке «Захолустный сюжет» воспоминания о детстве в Заволжье завершаются размышлениями об удивительном триединстве большой, малой (часовни) и домашней церкви, об их роли в духовном воспитании ребёнка. Лиризмом наполнены размышления о церковном целовании Святынь, о духовном сокровище тишины: «Тишина – проводящая среда сосредоточенной молитвы. <...> Вот для чего тишина. Для связи с Богом» (7, с. 119). В заметке «Бессребреница» запечатлён словесный портрет современной христианской подвижницы «молитвенницы Осиповны», «одной из последних подвижниц Христа-ради, последняя из «духовных бедняжек», которыми была богата Святая Русь» (7, с. 120). Завершает цикл Л. А. Никонова выводом: «Самое трудное, опасное и чистое дело на земле – быть христианином в России» (7, с. 123).

Прозаический цикл Л. А. Никоновой «Милости хватит на всех» (1993-2006) состоит из девяти заметок-миниатюр. В первых пяти заметках очерчен душевный и духовный облик бабушки по материнской линии Клавдеи, которая была «милостива ко всякому живому существу», умела дивиться «чудесам родительских чувств в природе» (история о заботливом гусাকে, заменившем гуськам погибшую гусыню-мать) (8, с. 171). Спасла бабушка от верной гибели зловредного счетовода Ваньку Карасика, который «осыпал её зловещими угрозами и доводил до слёз». На упрёк старика Никифорыча «Нашла кому помогать!», бабушка Клавдея по-христиански мудро ответила: «Спасибо-то он всё-таки сказал. Супостат, а добро понимает!», «Мы помогли ему во славу Божию, а не ради самих себя» (8, с. 174). В заметке «Помощь» описан реальный случай, когда врач районной больницы отказал в помощи, а после Богородичной молитвы бабушки Клавдеи на месте разрушенной церкви во имя Казанской иконы Божией Матери пришла «помощь Божия, пришедшая к нам через человека, через шофёра. И это произошло там, где всегда стоит Ангел престола Казанской церкви, давно уничтоженной. А нога моя заживала сама собой. С Божьей помощью» (8,

с. 173). Завершают цикл заметки-размышления о двух точках зрения на жизнь «брать – или отдавать?», о «счастье дарить и отдавать», о любви Христовой, которая «нужнее воздуха», о смирении прихожан Спасо-Преображенского собора в Великую Пятницу. В заметке «К ногам Христа навек прильнуть...» переданы внутренние переживания во время целования плащаницы Христа, когда вспоминаются строки из Евангелия, слова краткой молитвы и одновременно рождаются духовные стихи: «Душа готова, как Мария, к ногам Христа навек прильнуть» (8, с. 175-176). Заметки Л. А. Никоновой о русской духовности можно использовать на уроках «Основы православной культуры».

С 2001 по 2012 год рубрика «Православные чтения» была представлена разными жанрами: очерки, эссе, обзоры, критика, духовная поэзия. Например, духовные стихи библиотекаря Знаменского кафедрального собора Нины Орловой («Огни Кузбасса» – 2010. № 1), поэма «Ксения Петербургская» Ирины Семёновой («Огни Кузбасса» – 2012. № 4). Православное мировоззрение запечатлено материалами вне рубрики «Православные чтения». Если в журнале № 2 за 2002 год современная духовная поэзия представлена одним стихотворением Л. Никоновой «Богослужение в кузбасском городке», то в журнале «Огни Кузбасса» за 2010 год духовных стихов много: «После молебна» А. Раевского (№ 1), «Вся предусмотрена Богом...» Л. Гержидовича (№ 2), «Рождественское» М. Савиных, «Казанский собор» Д. Клёстова (№ 3), «Сорокоуст» Г. Горбовского, «Глядя на икону» Г. Иванова, «Он врал, но вранья не любил...»

Н. Закусиной (№ 4), «Молитва Богу» Б. Бурмистрова (№ 5), «Донской монастырь», «Прощёное воскресенье» С. Донбая, «Неведомое» Э. Балашова (№ 6). Среди авторов кузбасского журнала есть и православные священники. Например, рассказ «Иерусалим, Иерусалим...» иерея Сергея Адодина в девятом номере журнала за 2009 год.

Шестой номер журнала «Огни Кузбасса» за 2010 год завершает Слово Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла о «сорботничестве Церкви и писательского сообщества». Отраднo, что журнал писателей России «Огни Кузбасса» принимает

активное участие в укоренении христианских ценностей в Кузбассе и являет свидетельства всё более глубокого воцерковления жителей земли Кузнецкой. Одним из ярких свидетельств явилось появление гимна «Православный Кузбасс» (2009). Автор текста – выпускница филфака КемГУ, выпускница Кемеровского филиала Свято-Тихоновского Богословского института, постоянный автор журнала «Огни Кузбасса» поэт из Юрги Тамара Рубцова (1954-2009), принявшая монашеский постриг с именем Мария в 2009 году:

К Тебе летят прошенья наши, Боже.

Руки Твоей от нас не убирай,

Любовь и мир и здравие умножи,

Духовно окорми Кузнецкий край (11).

4.2. История журнала «После 12»¹⁵

История как определение пространства поэзии. «Сила чувства достигла ясности мысли...» – этой строкой московской поэтессы Веры Павловой «После 12» открывает сейчас каждый новый номер. И не случайно, поскольку журнал сделал свой осознанный выбор в пользу поэзии, отличая её от стихотворчества. Поскольку Павловой одной строкой удалось, на наш взгляд, показать механизм воздействия поэзии – её «магию», редакция эти пять слов нещадно эксплуатирует – использует как некий опознавательный знак, который переводится в нашем случае как «далее – только поэзия». Причина любой истории – в её конце. Поэтому многие истории кажутся такими невразумительными – событию часто не хватает жизненных сил, собственного импульса, чтобы достичь своей конечной цели – проявить изначально заложенный в событии замысел. Пружина замысла сработала в нашем случае безукоризненно – через 16 лет журнал «После 12» – вновь журнал поэзии. Таким он задумывался, таким родился и только в таком качестве – в силах.

Отчётливое понимание сути поэзии представляется нам тем основанием, которое определяет всю деятельность журнала, выстраивает его структуру и является главным критерием отбора

---

¹⁵ Раздел написан редактором журнала «После 12» Н. Г. Ибрагимовой.

рукописей для печати. Поэтому каждый новый номер – это не только поэзия, но и постоянное осмысление её пространства.

Впервые журнал определил пространство поэзии через высказывание московского поэта Глеба Шульпякова (№1/2011): «Поэзия – «живая», живой её делает образ. Именно через образ поэзия наполняется энергией жизни и её высокими смыслами. «Мне кажется, что стихи бывают наполнены поэзией только в том случае, если рождаются из внутренней катастрофы... Её можно сформулировать так: «мир прекрасен, а человек умирает»... Энергия реакции на катастрофу – энергия отчаяния и страха, восторга и разочарования, ледяного холода, благодарности, или неповторимости, или стоического спокойствия – присутствует в каждой строке настоящего стихотворения... именно такая реакция, выраженная в поэтической форме, – через язык и поэтические средства, наработанные в языке к настоящему времени, и есть поэзия. Именно тот, кто способен перевести эту катастрофу в поэтическую речь, – и есть поэт».

В №1/2013 тема продолжена: «Поэзия «мерцает сквозь стихотворение – как идея целого, гул, контур». «Как трава прорастает сквозь каменную кладку», так и поэзия – «через невольные-пластические сочетания слов». Поэзия – «то, что иногда называют проборматыванием, лепетом» /Леонид Костюков/. Поэзия – живой огонь стиха. Стихи без поэзии – лишь форма, конструкция. По своей сути стих – мёртв. Как дом без хозяина, а тело – без души. Поймать. Записать поэтическую строку – то же, что поймать небесную бабочку вечности».

«...Гул поэзии – это схватывание ткани образа – это «синевы раскалённая влага» и бумага, её отражающая. Гул, контур поэзии – это предчувствие точного образа рождественской ночи как смерти... И вдруг – озарение – как нечаянный порез от острой бритвы – строка «и рождественской ночи прозрачная смерть не страшней...». Гул поэзии рождается из острых воспоминаний детства: дым горящей ботвы в огороде деда, дым – образ недавней войны...

История как осмысление пути

1995-й. Эпоха рыночной романтики, глянца и золотая эпоха

«свободной» литературы. В Кузбассе издан первый глянцевый журнал, и он – литературный. Это первый номер журнала «После 12». Взвихренная чёрно-белая графика и энергичная, напроочь лишённая плакатной риторики поэзия двадцатилетних... Один-два номера в год... Рукописи – со всей России... Каждый выпуск – как последний, потому – на пределе... Журнал хранят, дарят друзьям и везут автостопом...

2005-й. «Вы слишком элитарные», «литература не должна издаваться на глянцевой бумаге – она должна знать своё место», «раз не можете продать журнал – значит, он не нужен», «современной молодёжи не нужна поэзия – молодые не хотят читать»... А мы пытаемся жить самостоятельно. Ищем и даже – находим... Творчество – та единственная первооснова, дающая шанс к взаимопониманию поэтов и новой деловой элиты... Меняем стилистику. Журнал становится цветным – появляется авторская фотография и публицистика о поэтах и художниках ...рассказы о сильных, творческих и успешных натурах...

2011-й. Кризис либерализма и рыночной экономики – в разгаре. Эпоха глянца – завершилась. И мы открываем новую – эпоху минимализма. Провозглашаем эстетику картона, дешёвой обёрточной бумаги и отсутствие полутонов. Поэзия – поэтам! Атом творчества – образ. Наши ядерные испытания продолжаются – каждый волен говорить на своём языке, оттачивая собственную искренность. Чтобы как у Павловой: «Сила чувства достигла ясности мысли»... Новый номер – как последний, и вновь – на пределе...

История как издательский опыт

Первый номер журнала «После12» был издан в августе 1995-го силами Творческой мастерской «АЗ» Кемеровского университета. Состав литературной студии был настолько сильным, что собственный журнал просто не мог не появиться... Основной состав 1995-го: Евгений Казаков, Наталья Останина, Андрей Правда, Вера Лаврина, Алексей Петров, Андрей Пятак, Анатолий Жестов, Сергей Хпарцывоз, Сергей Быков, Алексей Гамзов, Наталья Мурзина, Елена Кочубей... И всё же идея создания журнала принадлежит конкретному человеку – бессменному

руководителю Творческой мастерской «АЗ» – поэту Александру Ибрагимову. Редактором стала Наталья Ибрагимова, которая после окончания философской аспирантуры стояла на перепутье – куда же дальше? Над созданием первых номеров работали практически все члены Мастерской – двери редакции никогда не закрывались. Редакция не придерживалась каких-либо определённых литературных направлений – «пусть цветут все цветы»! Поэтому литературная палитра «После 12» всегда была достаточно широкой. Во внутренних оценках присутствовали такие понятия, как «живое – мёртвое», «цепляет», «филологический текст», «риторика», «гладкопись», «оригинальность и своеобразие языка»... Редакция, которая порой разрасталась до десяти-двенадцати человек, работала на голом энтузиазме... К журналу относились как к произведению искусства – создавали «нетленку», на которой вращивались свои верстальщики, свои иллюстраторы, свои фотографы и свои корректоры... Вёрсткой занимались Дмитрий Дубиковский, Сергей Скобликов и Дмитрий Федотов, журнал приобрёл собственное узнаваемое лицо благодаря выразительной графике Ольги Помыткиной.

Пятнадцать лет редакция находилась в постоянном поиске, пытаясь, с одной стороны, создать интересный молодёжный литературный журнал, а с другой – найти приемлемый способ выживания. Будучи, по сути, неформальным молодёжным литературным изданием, журнал долгие годы никак не вписывался в областные и городские программы: первые деньги из областного бюджета журнал получил лишь через десять лет – в 2005-м, да и то – не в качестве журнала поэзии, а лишь в качестве литературно-публицистического проекта. Все «поэзо-романтические» годы ««После 12» издавался лишь на спонсорские средства: нашли денег – номер вышел. Поэтому и издавались редко – один – два номера в год. Был в этом и свой плюс: творческая планка публикаций всегда оставалась высокой. Недостатка в рукописях не было – письма приходили из Москвы, Питера, Казани, Томска, Омска, Новосибирска, Барнаула, Горно-Алтайска, Харькова, Киева, Днепропетровска, Хабаровска... – выбирали – самое-самое...

Первый номер 2005-го – это уже цветной «умный» глянец,

способный конкурировать с профессиональными рекламными изданиями Кузбасса. В номере – поэзия кузбасских поэтов Татьяны Николаевой, Олега Максимова, Анастасии Куприк, Сергея Дьякова, Елены Коростелевой, замечательная художественная фотография Сергея Шакуры и Владимира Смоленцева. Именно этот проект в 2005 году стал лауреатом Всероссийского конкурса региональных изданий, пишущих о культуре, который проводился газетой «Культура» при финансовой поддержке Фонда Форда. Цветные гляцевые номера имели много качественных художественных фото, много публицистики о молодых и талантливых литераторах, фотографах, художниках, музыкантах, режиссёрах. Появились уникальные по своей ценности статьи о поэтах Максе Уколове и Андрее Пятаке, фотографах Рашиде Салихове и Максиме Шипенкове. Проект привлёк интересных молодых авторов, которые сейчас хорошо известны профессиональному сообществу России – это художник Татьяна Ахметгалиева, фотографы Сергей Ильницкий, Андрей Кобылко, Роман Гурочкин, Евгений Курсков, Максим Шипенков, Стас Целуйкин... Однако поэзия и цветное фото – «не рифмовались», а рекламные модули отпугивали литературную молодёжь. Проект продолжал жить, но как навязанный извне, не родной по своей сути, быстро исчерпал себя: рекламодатели, видя стихи в журнале, отказывались размещать рекламу, а поэты, видя рекламу, теряли интерес к изданию... Хотя были и явные удачи. Например, номер, выпущенный к 60-летию Кемерова (2008 г.), где поэзия заняла почти тридцать страниц. В номере была представлена новая волна молодых интересных кемеровских поэтов – Михаила Солопова, Сицуны Арисавы, Виктории Кострицкой, Ирины Тюниной, Татьянвы Кравченко, Александра Командина и Агаты Рыжовой. Была опубликована большая статья Александра Ибрагимова со стихами всех поколений Мастерской «АЗ», в том числе и таких ярких авторов, как Сергей Харцызов, Анна Герасименко, Евгений Алёхин и Юлия Масловская.

«ПОСЛЕ 12» – журнал для тех, кто не спит

«Что нужно, чтобы сделать литературный журнал? Многим кажется, что достаточно денег на типографию и компьютер для

верстки. А что касается содержания... Представим себе сплоченную компанию любителей походов. Романтика способствует творчеству. Чаще словесному – стихи, песни. И вот, оглядываясь на совместно пройденные годы, люди собирают воедино все свое творчество и издают. Понятно, что это не формат журнала, ибо журнал не альманах, где подводятся какие-то итоги, а дневник. Но назвать можно как угодно, тем более первый выпуск предполагает последующие. Ведь никто не скажет, что творческая жизнь на этом закончилась. Множество изданий и образуются по похожему принципу. И не важно, в провинции, в столице ли. Складываются небольшие круги друзей и друзей этих друзей. Плохо ли это? Да нет, замечательно. И походы это хорошо, и стихи писать полезно для ума и сердца. Очень редко, но случается, что рамки любительских журналов расширяются и они становятся интересными уже со стороны литературной. Так произошло с кемеровским «После 12».

У журнала показательная история, многие его авторы были в прошлом участниками литературной студии «Аз». Конечно, литературных студий не счесть. Многие стихотворцы, в какой-то период жизни «соприкоснувшись с прекрасным», навсегда забрасывают это дело. Даже далеко не все выпускники Литературного института видят себя в поэзии, а уж поэзия их в себе подавно. Но главное ведь не в этом. А в том, что, благодаря сначала студии, а потом и журналу, эти молодые люди получили шанс реализовать себя в стихотворчестве.

«После 12» с разной периодичностью и в разных ипостасях выходит больше пятнадцати лет, имеет убедительный сайт и широкий круг авторов – не только Кузбасса, но и всей Сибири, и Алтая, и приглашаемых из столицы. Можно сказать, что годы поисков и жанровых метаний не прошли напрасно, теперь это поэтический журнал. Как и все удачное в литературной периодике, журнал выходит благодаря личному упорству и литературному вкусу конкретных людей. Тех, кто его выпускает, то есть находит поддержку у местной администрации или Кемеровского университета, кто придумывает журналу стиль, а потом приглашает авторов – и сдает номер в типографию. Этого «человека из

Кемерово» зовут Наталья Ибрагимова.

Девиз журнала: «Я – столица мира». Этот лозунг довольно точно выражает отношение редакции к общей ситуации в провинции. Где часто «индивидуальное», «творческое» – и все от них производные – не являются приоритетными ценностями. И вот журнал в меру своих сил выполняет эту важнейшую, хотя и не совсем литературную функцию: настаивает на «творческом индивидуализме», свободе самовыражения.

Литература

1. Щукина, О. С. По молитвам батюшки Сергия. Храм на тюремной территории / О. С. Щукина // Огни Кузбасса. – Кемерово, 2006. – № 4. – С. 154-158.
2. Ермоленко, В. Иконописец отец Владимир Бородин / В. Ермоленко, В. Иванов // Огни Кузбасса. – Кемерово, 2008. – № 1. – С. 164-165.
3. Ветрова, Г. А. Он был под властью сияющей личности Христа / Г. А. Ветрова // Огни Кузбасса. – Кемерово, 2009. – № 3. – С. 161-164.
4. Ерёменко, В. С. Благоденственное и мирное житие / В. С. Ерёменко // Огни Кузбасса. – Кемерово, 2009. – № 4. – С. 155-161.
5. Вторушин, С. Батюшка / С. Вторушин // Огни Кузбасса. – Кемерово, 2009. – № 6. – С. 152-156.
6. Мурзина, Н. «Имя родное всё выше...» (К 130-летию со дня рождения иерея Василия Гоголушко (1881-1920) / Н. Мурзина // Огни Кузбасса. – Кемерово, 2011. – № 6. – С. 155-158.
7. Никонова, Л. А. Сокровище тишины / Л. А. Никонова // Огни Кузбасса. – Кемерово, 2002. – № 2. – С. 114-123.
8. Никонова, Л. А. В сиянии любви и милости. Заметки о русской духовности / Л. А. Никонова // Огни Кузбасса. – Кемерово, 2007. – № 2. – С. 171-178.
9. Никонова, Л. А. Из великопостной тетради / Л. А. Никонова // Огни Кузбасса. – Кемерово, 2008. – № 2. – С. 147-150.
10. Ерёменко, В. С. Горчичное зёрнышко / В. С. Ерёменко // Огни Кузбасса. – Кемерово, 2005. – № 2. – С. 130-134.
11. Рубцова, Т. И. Православный Кузбасс / Т. И. Рубцова // Газета «Кемерово». – 10 июля 2009 // [http:// gazeta.a42.ru / lenta/show](http://gazeta.a42.ru/lenta/show)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

по дисциплине «Литература Сибири»

(для использования студентами при работе с темами

докладов, рефератов, эссе)

1. Абрамович, А. Ф. На своей земле. Очерки о творчестве кузбасских писателей / А. Ф. Абрамович. – Кемерово, 1968.
2. Анисимов, К. В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX — начала XX века: особенности становления и развития региональной литературной традиции / К. В. Анисимов – Томск: Изд-во Томского государственного университета, 2005. – 304 с.
3. Ащеулова, И. В. Опыт углубления в жизнь региональной литературы / И. В. Ащеулова // Огни Кузбасса. – 2006. – № 1. – С. 182-184.
4. Ащеулова, И. В. О «Хрестоматии писателей» / И. В. Ащеулова // Огни Кузбасса. – 2008. – № 1. – С. 169.
5. Ащеулова, И. В. Обсуждение журнала за 2007 год / И. В. Ащеулова // Огни Кузбасса. – 2008. – № 2. – С. 170-173.
6. Ащеулова, И. В. Отсылает к классическим образцам русской литературы. (О романе Сергея Павлова «Пленники Маньчжурии» («Кузбасская сага», кн. 2) / И. В. Ащеулова // Огни Кузбасса. – 2012. – № 2. – С. 164.
7. Денисова, И. В. Беззаветно служить красоте. Поэзия Василия Фёдорова / И. В. Денисова. – М., 1978. – 190 с.
8. Дмитриева, О. В. Человек и природа в лирике кузбасских поэтов. Рабочая тетрадь по литературе для 8 класса. Учебное пособие / О. В. Дмитриева. – Осинники, 2006.
9. Ибрагимов, А. Г. О мастерской «Аз» / А. Г. Ибрагимов // «После 12». – Кемерово, 2008.
10. Ибрагимов, А. Г. Безвестные поэты великой провинции / А. Г. Ибрагимов // Поэты университета. – Кемерово, 2004. – С. 10 – 25.
11. Ибрагимов, А. Г. Никто в одиночку не может достичь Бога / А. Г. Ибрагимов // Собор стихов. – Кемерово, 2003. – С. 10-13.
12. Ибрагимов, А. Г. Столица там, где ты можешь творить / А. Г. Ибрагимов // «После 12». – Кемерово, 2004. – № 1 (16). – С. 1.

13. Ибрагимов, А. Г. Белый квадрат – Поэт о Поэте / А. Г. Ибрагимов. – Кемерово, 2007.
14. Историческая энциклопедия Сибири. – Т. 1 / ред. В. А. Ламин. – Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2010. – 715 с.
15. Историческая энциклопедия Сибири. – Т. 2 / ред. В. А. Ламин. – Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009. – 807 с.
16. Историческая энциклопедия Сибири. – Т. 3 / ред. В. А. Ламин. – Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2010. – 783 с.
17. Казаркин, А. П. Пульс времени. Этюды о поэтах Кузбасса / А. П. Казаркин. – Кемеровское кн. изд-во, 1985.
18. Казаркин, А. П. Где та земля чистая? О природе и литературе Сибири / А. П. Казаркин. – Кемеровское кн. изд-во, 1988.
19. Казаркин, А. П. Литературное краеведение в Кузбассе. Учебное пособие / А. П. Казаркин. – Кемерово, 1993.
20. Карпова, Г. И. Обсуждение журнала за 2007 год / Г. И. Карпова // Огни Кузбасса. – 2008. – № 2. – С. 168-169.
21. Карпова, Г. И. Обсуждение журнала за 2009 год / Г. И. Карпова // Огни Кузбасса. – 2010. – № 3. – С. 138-139.
22. Карпова, Г. И. Духовный опыт современной жизни на страницах журнала «Огни Кузбасса» 2010 года / Г. И. Карпова // Огни Кузбасса. – 2011. – № 3. – С. 169.
23. Карпова, Г. И. Капитальные люди Александра Волошина. Роман «Земля Кузнецкая» глазами читателя XXI века / Г. И. Карпова // Огни Кузбасса. – 2013. – № 1. – С. 166-167.
24. Карпова, Г. И. «Память о солнечном лете...» «Стихи о Наташе Ростовской» Игоря Киселёва / Г. И. Карпова, И. А. Киселева // Литература в школе. – М., 2011. – № 10. – С. 21-22.
25. Карпова, Г. И. Становление рубрики «Православные чтения» в журнале «Огни Кузбасса» / Г. И. Карпова // Журналистика в 2011 году: СМИ в публичной сфере. – М.: МГУ, 2011. – С. 348-349.
26. Карпова, Г. И. Учителем своим считаю Твардовского.

- Стихотворение М. А. Небогатова «Русский поклон» /
Г. И. Карпова // Литература в школе. – 2013. – № 5.
27. Литература Сибири: история и современность / ред. Л. П. Якимова. – Новосибирск: Наука, 1984. – 255 с.
  28. Махалова, Т. И. На родине поэта Василия Фёдорова / Т. И. Махалова. – Кемерово: Сибирский писатель, 1998. – 64 с.
  29. Плющев, В. А. Привычка к ежедневному чтению. О писателях и книгах / В. А. Плющев. – Кемерово, 2012. – 218 с.
  30. Подковырин, Ю. В. «Азбука» кузбасской литературы (О хрестоматии «Писатели Кузбасса»)» / Ю. В. Подковырин // Огни Кузбасса. – 2008. – № 6. – С. 169-171.
  31. Пудалова, Л. А. Чувство своего мира: о лирике Василия Фёдорова / Л. А. Пудалова. Кемерово, 1979. – 120 с.
  32. Прокушев, Ю. Л. Дума о России: избранное / Ю. Л. Прокушев. – М.: Советская Россия, 1988. – 624 с.
  33. Сибирь в контексте мировой культуры. Опыт самоописания / Б. Ф. Егоров и др. – Томск: Сибирика, 2003. – 214 с.
  34. Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства / ред. И. И. Плеханова. – Иркутск: Издательство Иркутского государственного университета, 2004. – 326 с.
  35. Союз писателей Кузбасса. Библиографический словарь. – Кемерово, 1998.
  36. Томышева, А. Н. Поэзия земли родной. Лирика поэтов Юрги и Кузбасса: учебное пособие. Программа элективного курса / А. Н. Томышева. – Юрга, 2008. – 170 с.
  37. Три имени: Ф. Достоевский, В. Федоров, В. Чивилихин. – Кемерово, 1990.
  38. Фотолетопись. Кемеровское отделение Союза писателей России. 50 лет. – Кемерово, 2012. – 203 с.
  39. Ходанен, Л. А. «Мир входящему...» (О новом романе С. Павлова) // Павлов С. М. На изломах крестьянского тракта: Кузбасская сага. Кн. 1. – Кемерово, 2008. – С. 481-483.
  40. Ходанен, Л. А. Художественный мир Екатерины Дубро / Л. А. Ходанен // Огни Кузбасса. – 1984. – № 1. – С. 68-70.

41. Ходанен, Л. А. Антология «Русская сибирская поэзия. XX век» / Л. А. Ходанен // Огни Кузбасса. – 2010. – № 1. – С. 160-165.
42. Цейтлин, Е. Л. На пути к человеку. Заметки о прозе Владимира Мазаева / Е. Л. Цейтлин. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1986. – 68 с.
43. Цейтлин, Е. Л. Так что же завтра? Литературно-критические статьи и очерки / Е. Л. Цейтлин. – Кемерово: Кемеровское книж. из-во, 1982. – 208 с.
44. Яновский, Н. Н. Материалы к словарю «Русские писатели Сибири XX века»: библиографические сведения / Н. Н. Яновский. – Новосибирск, 1997. – 192 с.
45. Яновский, Н. Н. Писатели Сибири / Н. Н. Яновский. – М., 1988.

**Программное обеспечение и Интернет-ресурсы
по дисциплине «Литература Сибири»
(для использования студентами при работе с темами
докладов, рефератов, эссе)**

1. Литературная карта Кузбасса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kemrsl.ru/catalog/1135.html>
2. Литература Кузбасса и её роль в гуманитарном воспитании и образовании детей и молодёжи: материалы региональной научно-практической конференции [Электронный ресурс]. – Кемерово, 2012. – Режим доступа: <http://www.kemrsl.ru/catalog/1135.html>
3. Сайт «Памяти поэта Михаила Небогатова» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: m-nebogatov.sitecity.ru
4. Поэт Игорь Киселев: материалы биографии и творчества [Электронный ресурс]. – Режим доступа: poet-igor-kiselev.narod.ru
5. Журнал «Огни Кузбасса» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.ognikuzbassa.ru
6. Архив журнала «Сибирские Огни» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.sibogni.ru/archive/

